

ISSN 2618-9453

**ВЬЕТНАМСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
The Russian Journal of
Vietnamese Studies

№ 3. 2021

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г., в двух полных версиях на русском и английском языках – с 2021 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru/vs>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

Е-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Отрасли науки:

• 07.00.00

Исторические
науки и археология

• 08.00.00

Экономические
науки

• 10.00.00

Филологические
науки (группы
специальностей:

10.01.00

Литературоведение;

10.02.00

Языкознание)

• 22.00.00

Социологические
науки

• 23.00.00

Политология

• 24.00.00

Культурология

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453

Federal State Budgetary
scientific institution
Institute of Far East Studies
Russian Academy of Sciences
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific edition “Russian Journal of Vietnamese Studies – Vyetsnamskiye issledovaniya” has been published 4 times a year (quarterly) since 2018, in two full versions in Russian and English – since 2021. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Vietnamese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed.

Founder: IFES RAS. URL: <http://www.ifes-ras.ru/vs>

Mass media registration certificate: EL No. FS 77-73494

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Part of the CyberLeninka Scientific Electronic Library.

Included into Web of Science database with Emerging Sources
Citation Index (ESCI)

Editor-in-chief: V.M. Mazyrin, D.Sc. (Economics)

Editorial Board: Anosova L.A., D.Sc. (Economics); Grigorieva N.V., Ph.D. (History); Kanaev E.A. D.Sc. (History); Kolotov V.N., D.Sc. (History); Maletin N.P., D.Sc. (History); Ryazantsev S.V., Corresponding Member RAS, D.Sc. (Economics); Sokolovsky A.Ya., Ph.D. (Philology); Fedorin A.L., D.Sc. (Economics); Tsvetov P.Yu., Ph.D. (History)

Editorial Council: Deopik D.V., D.Sc. (History), professor; Maslov A.A., D.Sc. (History), professor, Chairman; Mihoko Kato, professor (Japan); Vu Thuy Trang, professor (Vietnam); Mosyakov D.V., D.Sc. (History), professor; Malgorzata Petraszyk, professor (Poland); Sumsky V.V., D.Sc. (History); Carlyle Thayer, professor (USA); Adam Fford, professor (Australia); Benoit de Treglodel, professor (France); Ian Story, editor-in-chief of Contemporary South East Asia journal (Singapore).

Edited by: Nikulina E.V., Ivanova N.I., Larin V.P., Britenkova A.E.

Address: Moscow 117997, Nakhimovsky prospect, 32. IFES RAS

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Branches of
science:

• 07.00.00

Historical
sciences and
archeology

• 08.00.00

Economic
Sciences

• 10.00.00

Philological
sciences (groups
of specialties:

10.01.00 Literary
criticism;

10.02.00

Linguistics)

• 22.00.00

Sociological
sciences

• 23.00.00

Political science

• 24.00.00

Culturology

Information for authors: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

© Group of authors

© IFES RAS

Editorial opinion may be different from those of the authors.

ISSN 2618-9453

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

<i>Чапмэн Н.</i> XIII съезд КПВ об успехах многосторонней внешней политики	
Вьетнама: вызовы и возможности.....	6
<i>Кобелев Е.В., Мазырин В.М.</i> Коррупция во Вьетнаме и меры по ее ограничению: тревожный вызов для КПВ.....	27

Социально-экономическое развитие

<i>Тю Тхи Май Фыонг, Ты Тхюи Ань, Динь Тхи Тхань Бинь.</i> Факторы деградации окружающей среды и экономического роста во Вьетнаме: роль инноваций.....	52
<i>Нгуен Тхи Тхань Бинь, Та Тхи Там.</i> Трансграничные этнические отношения на вьетнамско-китайских приграничных рынках после 1990 г.....	71

История и культура

<i>Нгуен Ван Кхань.</i> Национальная партия Вьетнама и освобождение страны.....	90
<i>Хачатурян С.В.</i> Халлю («корейская волна») во Вьетнаме.....	109

Филология

<i>Филимонова Т.Н.</i> Рассказ Нгуен Хюи Тхиепа «Генерал на пенсии» и проблема соцреалистического героя.....	129
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Глазунова С.Е.</i> Вьетнамские женщины в истории, культуре и языке.....	148
<i>Никулина Е.В.</i> Разговор о Вьетнаме в онлайн-формате (о конференции ИКАС-12 в Киото).....	154

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Заявление Белого дома «Укрепление отношений всестороннего партнёрства между США и Вьетнамом».....	159
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Сумский В.В.</i> Вьетнам 2020-х годов: на гребне успеха и в раздумьях о будущем. Рецензия на книгу «Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности».....	168
<i>Тюменева Е.И.</i> Перевести можно всё! Рецензия на книгу И.В. Бритова и Нгуен Тхи Хай Тяу «Как понять язык потомков дракона».....	177

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

- Chapman N.* Challenges into Opportunities: The Blossoming of Vietnam's
Multidirectional Foreign Policy at the 13th CPV Congress 6
- Kobelev E.V., Mazyrin V.M.* Corruption in Vietnam and Measures to Combat It:
Uneasy Challenge for the CPV.....27

Socio-economic development

- Chu Thi Mai Phuong, Tu Thuy Anh, Dinh Thi Thanh Binh.* Factors of
Environmental Degradation and Economic Growth in Vietnam: The Role of Innovation.....52
- Nguyen Thi Thanh Binh, Ta Thi Tam.* Cross-border Ethnic Relations at Vietnam-China
Border Markets since 1990.....71

History and culture

- Nguyen Van Khanh* The Vietnam Nationalist Party and the National Liberation of Vietnam.....90
- Khachaturyan S.V.* Hallyu (“the Korean Wave”) in Vietnam.....109

Philology

- Filimonova T.N.* “The General Retires”, a Story by Nguyen Huy Thiep and the Problem
of the Socialist Realism Hero.....129

ACADEMIC EVENTS

- Glazunova S.Ye.* Vietnamese Women in History, Culture and Language.....148
- Nikulina E.V.* Discourse on Vietnam in Online Forma (on the conference of ICAS-12
in Kyoto) 154

OFFICIAL DOCUMENTS

- Statement of the White House “Strengthening the U.S.-Vietnam Comprehensive
Partnership”.....159

BOOK REVIEW

- Sumsky V.V.* Vietnam of the 2020s: At the Peak of Success and Thinking of the Future.
Review of the book “Independent Vietnam: National Interests and Values”168
- Tyumeneva E.I.* You Can Translate Everything! Review of the book “How to Understand
the Dragon’s Descendants’ Language.” by I.V. Britov and Nguyen Thi Hai Chau.....177

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-6-26

Николас Чапмэн

ХІІІ СЪЕЗД КПВ ОБ УСПЕХАХ МНОГОСТОРОННЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЬЕТНАМА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. ХІІІ съезд КПВ отсчитал 30 лет с начала многовекторной внешней политики Вьетнама. Она сфокусирована на диверсификации, многосторонности и углублении интеграции в международную экономику. Для достижения этих целей Вьетнам использует стратегическое и всеобъемлющее партнерства, соглашения о свободной торговле и многосторонние форумы, например, АСЕАН и ООН. Такая внешняя политика помогла Вьетнаму достичь быстрого экономического развития, обеспечить высокий уровень безопасности без ущерба для своей самостоятельности и независимости, показала, что он играет все более активную роль на международной арене. ХІІІ съезд партии призвал к продолжению этой внешней политики с особым упором на всеобъемлющую дипломатию. В статье также рассматривается предшествующий ХІІІ съезду период и приводятся доводы в пользу того, что многовекторность помогла Вьетнаму справиться с турбулентностью, возникшей вследствие роста напряженности между крупными державами, действий сил антиглобализма и антимультилатерализма и воинственности Китая в Южно-Китайском море. Кроме того, многие из этих проблем ему удалось за счёт активной многосторонней дипломатической инициативы в годы после ХІІ съезда КПВ превратить в возможности для отстаивания своих национальных интересов. На ХІІІ съезде партии эти инициативы оформлены в виде всеобъемлющей дипломатической стратегии, и внешнеполитический арсенал Вьетнама пополнился еще одним механизмом.

Ключевые слова: вьетнамская внешняя политика, многовекторность, ХІІІ съезд КПВ, Коммунистическая партия Вьетнама, стратегическое партнерство, соглашения о свободной торговле, принцип многосторонности отношений

Для цитирования: Чапмэн Н. ХІІІ съезд КПВ об успехах многосторонней внешней политики Вьетнама: вызовы и возможности // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 6–26.

Введение

XIII съезд Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) прошел в период с 25 января по 1 февраля 2021 г. Съезд начался в обстановке турбулентности, вызванной новой вспышкой COVID-19, из-за чего он был завершён раньше намеченного срока. Тем не менее съезд поставил несколько весьма амбициозных целей в области развития: КПВ рассчитывает, что к 2030 г. Вьетнам станет развивающейся страной, входящей в верхнюю подгруппу стран со средним доходом, и к 2045 г. присоединится к группе развитых стран.

На международной арене усилия Вьетнама по продвижению диверсификации, многосторонности и интеграции столкнулись с многочисленными препятствиями. Так, заявления Китая по Южно-Китайскому морю стали более агрессивными, растущая напряженность между Китаем и США вылилась в торговую войну, завершившееся правление Дональда Трампа стало временем испытаний для многостороннего сотрудничества. Тем не менее Вьетнам стойко перенес эти бури, и неудивительно, что КПВ решила продолжать свой внешнеполитический курс. Партия в очередной раз поставила целью проведение внешней политики, основанной на независимости и самостоятельности, дружбе, сотрудничестве и развитии, диверсификации и многосторонности внешних отношений через укрепление двусторонних отношений и многостороннюю дипломатию [Báo cáo chính trị: 20.10.2020].

Этот курс является продолжением многовекторной внешней политики Вьетнама, которая хорошо послужила ему после окончания холодной войны и стала ключевым компонентом экономических реформ «Дой мой». Эта политика направлена на диверсификацию отношений как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, чтобы получить как можно больше политических и экономических преимуществ благодаря таким механизмам, как стратегическое и/или всеобъемлющее партнерство, усиленная многосторонность и соглашения о свободной торговле (ССТ) [Chapman 2017]. КПВ придерживается гибкости и прагматизма, благодаря чему Вьетнам как средняя держава сохраняет максимальную самостоятельность в условиях асимметричных отношений. Такая политика помогла стране преодолеть сложности международной интеграции и позволила предусмотреть меры на случай потенциальных угроз в становящемся все более интегрированным многополярном мире, что в конечном итоге способствовало обретению страной значительного авторитета.

XIII съезд партии признал это, и КПВ более чем когда-либо намерена продолжать идти по этому пути. В результате многовекторная внешняя политика Вьетнама становится все более зрелой, и партия испытывает глубокую веру в преимущества этой политики. Такая позиция заметна на фоне осторожности, характерной для предыдущих съездов партии. Когда на своём IX съезде в 2001 г. КПВ определила интеграцию как основную задачу для страны, она говорила о «риске выхода в большой океан». Теперь Вьетнам обрел большую «плавучесть» и «смело бороздит этот океан». Кроме того, XIII съезд партии определил всеобъемлющую дипломатическую стратегию как зарождающийся механизм своей многовекторной внешней политики.

В настоящей статье на основе анализа решений по многовекторной внешней политике, принятых на XIII съезде партии, показано, что дипломатия, наряду с безопасностью и развитием, рассматривается как её ключевой компонент.

Программные документы XIII съезда КПВ проанализированы рядом известных учёных [Kolotov 2021; Thayer: 04.02.2021; Abuza: 02.02.2021; Benoit, Camroux: 18.02.2021], но при этом работ, посвящённых конкретно внешней политике, не хватает. Исключение составляет статья Ле Динь Тиня и Лай Ань Ту, опубликованная в издании The Diplomat [10.03.2021]. Однако в этой работе не рассматриваются предшествовавшие съезду годы и дан анализ лишь косметических изменений в политике.

В настоящей статье, напротив, сделана оценка того, как Вьетнам пережил беспокойный период после XII съезда партии (2016), превратив множество вызовов в возможности, и как в этот период было положено начало законодательному оформлению и институционализации многовекторности и мерам, ей способствующим. Анализ проводится с учётом критериев безопасности и усиления мультилатерализма, новых подходов недавнего партийного форума. Для этого использованы документы XIII съезда КПВ, речи, заявления министров, экономическая статистика, вторичные источники. В заключении подведены итоги анализа и рассмотрены некоторые перспективы. Главный вывод статьи состоит в том, что Вьетнам расширил арсенал своей многовекторной внешней политики, включив в нее всеобъемлющую дипломатию, эффективные рычаги которой усилили определённые направления внешней политики, осуществлявшейся в период с 2016 по 2021 г.

Безопасность

В конце 2019 г. Вьетнам впервые за десять лет опубликовал Белую книгу по вопросам обороны. В документе изложены принципы и основы защиты независимости и территориальной целостности страны. С момента последней публикации книги в 2012 г. многое в международной системе изменилось. В последнем издании отмечается рост крайнего национализма, силовой политики и протекционизма, а также равная степень распространения традиционных и нетрадиционных угроз.

В области обороны Вьетнам традиционно придерживался политики «трех нет»: никаких военных объединений и союзов, никаких военных баз на вьетнамской земле и никакой опоры на одну сторону в противодействии другой. В 2019 г. добавилось четвёртое «нет»: отказ от применения силы или угрозы применения силы в международных отношениях. Это подтвердило приверженность страны мирному разрешению международных споров и признание того, что движение вперёд должно обеспечиваться дипломатическими методами.

Растущая напряженность и многополярность в международных отношениях оказали давление на эти «красные линии». Эксперты обсуждали возможность передачи Вьетнамом США в аренду бухты Камрань, чтобы получить от них помощь в отражении китайской агрессии [Thayer: 06.05.2020]. Вьетнам «открылся» миру, чтобы стать более гибким в будущем. В Белую книгу был добавлен пункт о новых мерах, в котором говорится:

«В зависимости от обстоятельств и конкретных условий Вьетнам рассмотрит возможность развития необходимых и надлежащих отношений с другими странами в области обороны и военного сотрудничества на основе взаимного уважения независимости, суверенитета, территориального единства и целостности, а также основополагающих принципов международного права, взаимовыгодного сотрудничества и общих интересов региона и международного сообщества» [Vietnam Ministry of National Defence 2019: 24].

Тем не менее четыре «нет» и этот новый подход теперь корректируют бывший ранее догматическим принцип, делая его более гибким и открытым для изменений в соответствии с международными тенденциями. Инцидент с китайской буровой платформой «Haiyang Dizhi 8» в июле 2019 г. демонстрирует гибкость реакции Вьетнама на повышение напряженности.

Ключом к стратегии снижения риска является расширение сети стратегических и всеобъемлющих партнёрств Вьетнама, которые создают альтернативу политике альянсов, в результате чего национальные интересы СРВ переплетаются с интересами других стран. Чем больше их совпадений, тем больше шансов у Вьетнама получить международную поддержку без необходимости идти на компромисс со своими «четырьмя нет». Это помогает ему ослабить угрозы безопасности – как традиционные, так и нетрадиционные – и способствует расширению международного сотрудничества.

Высший эшелон стратегических партнёров Вьетнама – Китай, Россия и Индия. Они являются всеобъемлющими стратегическими партнёрами, причём статус Индии был повышен до этого уровня в 2016 г. Далее следуют стратегические партнёры СРВ, заключившей 14 соглашений со многими странами АСЕАН и Европы. Так, в марте 2018 г. Австралия и Вьетнам повысили уровень своих отношений до стратегического партнерства, договорившись укреплять сотрудничество в 37 областях [Australian Government: 15.03.2018]. Вьетнам и Новая Зеландия в июле 2020 г. также объявили о подписании договора о стратегическом партнёрстве, признав, что «вместе можно сделать больше» [Vietnam and New Zealand: 23.07.2020]. Кроме того, подобные соглашения были подписаны ещё с пятью странами: Брунеем, Венгрией, Нидерландами, Мьянмой и Канадой.

Вьетнам поддерживает постоянно развивающиеся отношения в рамках Четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности (Quad). 27 марта 2020 г. Вьетнам впервые участвовал в этом диалоге на уровне заместителей министров наряду с Новой Зеландией и Южной Кореей, что стало предпосылкой формирования так называемого Quad Plus. Обсуждение в основном было сосредоточено на проблеме COVID-19 и на вопросе о том, как придать импульс развитию экономики. Вьетнам подтвердил, что в мае 2020 г. получил приглашение официально присоединиться к Quad Plus [Nguyen Quang Di: 02.06.2020]. Участники Quad стремятся к его расширению [U.S. National Security Adviser Says: 30.01.2020]. Недавно назначенный премьер-министр Японии Ёсихидэ Суга в ходе своей первой зарубежной поездки посетил Вьетнам и Индонезию и чётко выразил мнение, что Вьетнам является жизненно важным партнёром в построении свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. Визит также совпал с заключением соглашения об экспорте военной техники Японии во Вьетнам [Japan Prime Minister Suga: 19.10.2020].

Во Вьетнаме прекрасно понимают, что присоединение к диалогу Quad может подорвать его особые отношения с Китаем, поэтому заигрывание с Quad ограничилось экономическим сотрудничеством. Эта траектория соответствует осторожному подходу Вьетнама к концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [Nguyen Cong Tung 2021: 3]. Думая о будущем, Вьетнам хотел бы получить подтверждение того, что диалог, будучи средством противодействия подъёму КНР, не сможет привести к нарушению одного из его «четырёх нет». Что касается безопасности, Ханойю необходимы гарантии, что диалог является средством

обеспечения международного права и ослабления напряжённости. Однако сохранение Китаем агрессивности в регионе может подтолкнуть Вьетнам к более активным действиям.

**Мультилатерализм:
от активной позиции к институализации**

Мультилатерализм был нарушен после брексита и объявления позиции «Америка прежде всего». Рост напряжённости между Китаем и США показал признаки возврата к биполярному характеру холодной войны – времени, когда после достижения независимости Вьетнам переживал тяжёлые времена. Этот неприятный поворот к изоляционизму был должным образом отмечен министром иностранных дел Вьетнама Фам Бинь Минем в речи на Генеральной Ассамблее ООН:

«Вызывает тревогу то, что узко понимаемые национальные интересы поставлены выше общечеловеческих ценностей, а великодержавная политика, принуждение, конкуренция и конфронтация получили предпочтение перед сотрудничеством, диалогом и уважением международного права» [Le Dinh Tinh: 18.05.2020].

Но Вьетнам не отказался от приверженности к мультилатерализму. Наоборот, его многосторонняя дипломатия перешла на более высокий уровень. Вьетнам подчеркнул, что он не просто принимает активное участие в многосторонних форумах, но формирует у себя дома и координирует соответствующие институты. Опираясь на успехи в проведении саммита АТЭС в 2017 г., в августе 2018 г. КПВ издала Директиву № 25-СТ/TW. В этом документе излагались руководящие принципы развития многосторонних отношений до 2030 г., и впервые в едином документе определялось направление развития многосторонней дипломатии Вьетнама [Pham Binh Minh: 06.02.2019].

Возможности СРВ поддерживать международную дискуссию отражают зрелость его внешней политики и дипломатической стратегии. Продолжая использовать форумы для получения ощутимых выгод, он, скорее, будет стремиться реализовывать свои национальные интересы, отстаивая мир и стабильность, способствуя соблюдению международного права, содействуя свободной торговле и целям устойчивого развития. Это дает дополнительное преимущество для повышения международного авторитета страны.

В 2020 г. Вьетнам получил возможность продемонстрировать инициативный подход к мультилатерализму, после того как в ноябре 2019 г. стал председателем АСЕАН и был во второй раз избран в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Когда он занял место председателя АСЕАН, то увидел возможность углубить экономические связи, обсудить вопросы, связанные с четвертой промышленной революцией, и повысить осведомленность в делах АСЕАН. СРВ выдвинула пять ключевых приоритетов и запланировала более 300 различных конференций и мероприятий [Bich: 24.06.2020]. Кроме того, предполагалось, что вместе с Китаем можно будет добиться прогресса в разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который АСЕАН и Китай надеялись принять к 2021 г.

Однако менее чем через месяц после того, как Вьетнам стал председателем, разразился COVID-19. Это вызвало массу проблем с логистикой. «Дипломатия сбоку», практикуемая АСЕАН, стала уже притчей во языцех. Конструктивные обсуждения часто проходят на полях

для гольфа или в кулуарах официальных встреч. В АСЕАН личные переговоры имеют первостепенное значение для ведения дел.

Несмотря на препятствия, Вьетнам перехватил инициативу. Еще 14 февраля 2020 г. Ханой как председатель опубликовал заявление, в котором содержался призыв к солидарности, сотрудничеству и коллективному ответу на кризис. В апреле был созван специальный саммит АСЕАН по COVID-19, на котором Фам Бинь Минь отметил, что благодаря призыву к общерегиональным действиям с середины февраля была проведена серия консультаций с Китаем, США и Всемирной организацией здравоохранения [Нац, Gomez: 14.04.2020]. К саммиту присоединились коллеги из Китая, Японии и Южной Кореи. Япония еще раз заявила о своей твердой поддержке создания центра АСЕАН по инфекционным заболеваниям.

Заявление на саммите привело к быстрому принятию Ханойского плана действий, направленного на укрепление сотрудничества и координации в ответ на COVID-19 и предотвращение тенденции применения резких протекционистских мер в таких беспрецедентных обстоятельствах. План включал отказ от введения ненужных нетарифных мер во время пандемии, обмен информацией и передовым опытом и ускорение выпуска товаров первой необходимости, таких как продукты питания, лекарства и медицинское оборудование [Hanoi Plan of Action: 19.06.2020].

Быстрая реакция Вьетнама была эквивалентна его приспособляемости. Он смог эффективно и органично проводить встречи в онлайн-формате, чтобы свести к минимуму сбои. Состоялось более 550 встреч, из которых 20 – на высшем уровне и 70 – на уровне министров. Было одобрено рекордное количество документов – 80. Кроме того, в декабре 2020 г. АСЕАН и ЕС подписали соглашение о стратегическом партнерстве, которое повысило активность в регионе одного из крупнейших инвесторов АСЕАН. Вьетнам, уже подписавший многочисленные соглашения о всеобъемлющем и/или стратегическом партнерстве со странами – членами ЕС, сыграл ключевую роль в обеспечении реализации этого документа.

Второй раз в своей истории Вьетнам был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН на период 2020–2021 гг., набрав 192 голоса из 193 [Vietnam Elected: 07.06.2019]. Председательство в АСЕАН и членство в СБ ООН, начавшееся в январе 2020 г., придали Ханой оптимизма в отношении реализации семи своих приоритетов [Vietnam Ministry of Foreign Affairs: 03.01.2020]. COVID-19 помешал достижению этой цели, однако Вьетнам превратил этот беспрецедентный вызов в возможность. Первой предложенной им резолюцией 27 декабря было провозглашено Днём готовности к эпидемиям, чтобы способствовать просвещению и повышению осведомленности о мерах реагирования и профилактике инфекционных заболеваний. При поддержке более чем 100 других стран резолюция была быстро принята. Вьетнам стремился поделиться своим эффективным опытом по борьбе с пандемией COVID-19 с другими странам и призвал к международному сотрудничеству в обеспечении вакцинами и лекарствами [PM Delivers Message: 27.12.2020].

Свои успехи в сдерживании COVID-19 Ханой использовал также в миротворческих миссиях. С 2014 г. им было отправлено почти 200 солдат для участия в миротворческих миссиях ООН. Вьетнам содержит военный полевой госпиталь в Южном Судане, и вьетнамские военные врачи использовали свои актуальные знания о COVID-19 для лечения инфицированных пациентов. Генерал-майор Хоанг Ким Фонг отметил, что пандемия представляет собой

серьезный вызов, но его страна по-прежнему привержен выполнению своих обязательств перед ООН в любых обстоятельствах [Vietnam's Participation in Peacekeeping Activities: 08.06.2021].

Пандемия коронавируса изменила фокус внимания многосторонней дипломатии Вьетнама, но страна не упустила возможности продемонстрировать свое дипломатическое мастерство. Тем не менее доминирование в повестке дня фактов о COVID-19 не позволило эти возможности полностью реализовать. Эксперт по Вьетнаму Карл Тэйер упомянул слухи о том, что в Ханое хотели бы продлить срок пребывания председателем АСЕАН еще на год [Hutt: 01.05.2020]. В конечном итоге эти усилия не увенчались успехом.

Новые моменты внешней политики на XIII съезде КПВ

На XIII съезде партии зафиксировано сохранение многовекторной внешней политики. Вьетнам по-прежнему привержен диверсификации, мультилатерализму и интеграции в области обороны страны, поддержанию мирной и стабильной обстановки в стремлении улучшить своё международное положение и поднять авторитет [Báo cáo chính trị: 20.10.2020]. Эта политика лежала в основе экономического и дипломатического подъема Вьетнама с момента её разработки в 1991 г. Для предыдущих партийных съездов была характерна осторожность, особенно в отношении международной интеграции, продиктованная опасением потерять в определённой степени контроль над её последствиями. Теперь Вьетнам освободился от оков осторожности и с ещё большей энергией продвигает вперед свою основополагающую линию.

При этом на XIII съезде КПВ внесены определённые изменения, направленные на усиление внимания к международным отношениям. По сравнению с XII съездом усилен акцент на многосторонние механизмы, а сотрудничество с АТЭС и странами субрегиона Большого Меконга прямо определено как стратегически важное. Ранее упоминались только АСЕАН и ООН. Как продемонстрировало успешное проведение саммита АТЭС в 2017 г., способность проецировать национальные интересы по этим многосторонним каналам помогает решать общие стратегические задачи Вьетнама. КПВ стремится играть более важную роль на данных форумах, чтобы влиять на эти организации и формировать правила игры.

На последних съездах подчеркивался аспект безопасности и экономический компонент внешней политики Вьетнама. На XIII съезде было также отмечено значение дипломатического искусства. Дипломатия не просто служит средством достижения цели, но является ключевым компонентом внешней политики и стратегии развития страны. И это – не риторика. Индекс влияния азиатских стран, рассчитываемый Институтом Лоуи (Сидней, Австралия), в 2020 г. зафиксировал рост рейтинга Вьетнама на шесть пунктов [Asia Power Index 2020]. Как отражение этого успеха впервые в истории четыре высокопоставленных дипломата были избраны в Центральный комитет КПВ (табл. 1).

Фам Бинь Минь, весьма успешно работавший министром иностранных дел, снова был избран в Политбюро. Сменивший его Буй Тхань Шон отметил, что «дипломатия сыграла значительную роль в повышении позиций страны» [Diplomacy Helps: 28.01.2021]. С 8 апреля, первого дня своей работы на посту министра иностранных дел, Буй Тхань Шон развил бурную дипломатическую деятельность, 21 раз проведя онлайн-переговоры, в том числе с США, Великобританией, Китаем и Россией.

Таблица 1. Список дипломатов, избранных в Центральный комитет КПВ на XIII съезде партии

Имя	Должностное продвижение
Нгуен Мань Кыонг	• Заместитель заведующего Отделом внешних связей ЦК КПВ • Секретарь парткома Отдела внешних связей ЦК КПВ
Фам Бинь Минь	• Член Центрального комитета КПВ 12-го созыва • Член Политбюро 12-го созыва • Министр иностранных дел • Заместитель премьер -министра
Ле Хоай Чунг	• Член Центрального комитета КПВ 12-го созыва • Заместитель министра иностранных дел • Постоянный представитель СРВ при ООН
Буй Тхань Шон	• Заместитель министра иностранных дел • Член Центрального комитета КПВ 12-го созыва

Повышение роли дипломатии Вьетнама является попыткой выработать всеобъемлющую дипломатическую стратегию, основанную на трёх столпах: партия, государство и народ. Это не обязательно новые компоненты; в прошлом о них невятно говорили в речах и упоминали в высших эшелонах партии. Но впервые они были систематизированы и четко изложены на XIII съезде партии.

Ожидается, что это положение будет развернуто во многих областях: парламентской, политической, культурной, экономической, оборонной и общественной. Вьетнам выступает с изложением дипломатических инициатив не впервые. Культурная дипломатия, например, была определена на XI съезде партии ключевым направлением внешней политики наряду с экономической и политической дипломатией. В 2011 г. тогдашний премьер-министр Нгуен Тан Зунг инициировал Стратегию культурной дипломатии до 2020 г. Однако это не вылилось в более крупную приоритетную дипломатическую стратегию, инициатива не была подкреплена координацией между секторами и агентствами [Le The Trang 2017: 46-47]. Сейчас ситуация меняется, Вьетнам создает долгосрочную дипломатическую стратегию и стремится закрепить её для дальнейшей реализации.

Правительство уже относительно успешно проводит защиту своих граждан за рубежом. После пандемии COVID-19 около 80 тыс. вьетнамов были репатриированы из более чем 60 стран [Diplomacy Helps: 28.01.2021]. На институциональном фронте правительство инвестирует в расширение дипломатического персонала и возможностей. В частности, XIII съезд партии обозначил необходимость повышения качества, потенциала и профессионализма сотрудников, работающих в сфере иностранных дел. Генсек ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг повторил, что «чем глубже мы интегрируемся в мир, тем больше нам нужны дипломаты с ключевыми навыками и квалификацией» [Xây dựng đội ngũ: 13.04.2021]. Это согласуется с общими попытками Нгуен Фу

Чонга воспитать больше чиновников со стратегическим мышлением, которые будут преуспевать на управленческих ролях и отличаться высокой политической этикой [Charman: 15.05.2018].

Заключение

Как было отмечено на XIII съезде КПВ, несмотря на рост напряжённости в мире, многовекторная внешняя политика Вьетнама весьма успешна. В настоящее время государство расширило её сферу, повысив уровень всеобъемлющей дипломатии для удовлетворения стратегических интересов страны. По словам Фам Бинь Миня, несмотря на недавно нанесённый COVID-19 удар по экономике, рост стратегической конкуренции между крупными державами, действия сил антиглобализма и протекционизм, «ярким светом» является сотрудничество, мир и развитие [Phạm Bình Minh: 05.01.2021].

Несмотря на то что в данной статье содержится относительно положительная оценка многовекторности внешней политики КПВ, это не означает отсутствия неминуемых вызовов в будущем. Даже более глубокая международная интеграция неизбежно открывает Вьетнам для воздействия переменных, находящихся вне прямого контроля КПВ.

По части мультилатерализма Вьетнам может оказаться вынужден принять в отношении других стран меры, противоречащие его принципу невмешательства во внутренние дела, если он намерен взять на себя более активную роль в многосторонних институтах. Яркий тому пример – Мьянма. Недавний военный переворот здесь стал серьёзным испытанием для принципа невмешательства АСЕАН. Пока Ассоциация по-прежнему не расположена оказывать сильное давление на хунту, что помешало достижению консенсуса по этому вопросу на её экстренном заседании, проведённом в апреле 2021 г. Конкурирующее давление со стороны региональных центров силы, таких как Индия и Китай, и западных стран, которые подталкивают АСЕАН к более активному противостоянию происходящему в Мьянме насилию, может позже вынудить её вмешаться.

В дальнейшем угрозы будут включать кибервойну, изменение климата и его последствия (особенно с учётом того, что в этом плане Вьетнам – страна высокого риска), политику великих держав (принимая во внимание тот факт, что напряжённость между Китаем и США не ослабла после избрания президентом Джо Байдена), а также любые будущие волны COVID-19. Тем не менее, если оглянуться на предыдущие пять лет, то мы увидим, что многочисленные вызовы оказались уравновешены ростом возможностей Вьетнама двигаться по пути диверсификации, мультилатерализма и интеграции, дальше совершенствовать свою всеобъемлющую дипломатическую стратегию.

Список литературы

Abuza Zachary The Fallout From Vietnam's Communist Party Congress // The Diplomat, 02.02.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/the-fallout-from-vietnams-communist-party-congress/>

Asia Power Index. Key Findings 2020. Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2020-asia-power-index-key-findings-report.pdf>

Australian Government. Joint Statement on the Establishment of a Strategic Partnership between Australia and Viet Nam., 15.03.2018. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/vietnam/Pages/joint-statement-on-the-establishment-of-a-strategic-partnership-between-australia-and-viet-nam>

Báo cáo chính trị của Ban chấp hành Trung ương Đảng khoá XII tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng [Политический отчет ЦК партии 12-го созыва на 13-м общенациональном съезде партии] // Nhân Dân, 20.10.2020. URL: <https://nhandan.vn/tin-tuc-su-kien/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-621155>

Benoit Hien Do, Camroux David. Idle Leadership at Vietnam's 13th Communist Party Congress // East Asia Forum, 18.02.2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/02/18/idle-leadership-at-vietnams-13th-communist-party-congress>

Bich T Tran. ASEAN, C-19 and the Vietnam's Chairmanship // Ifimes, 24.06.2020. URL: <https://www.ifimes.org/en/researches/asean-c-19-and-the-vietnams-chairmanship/4599>

Chapman Nicholas. Mechanisms of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2017. No. 36(2). P. 31–69.

Chapman Nicholas. The Beginning of a Political Doi Moi? Takeaways From the VCP's Seventh Plenum // The Diplomat, 15.05.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/the-beginning-of-a-political-doi-moi-takeaways-from-the-vcps-seventh-plenum>

Diplomacy Helps Create Favourable Environment for National Development: official // VietnamNet, 28.01.2021. URL: <https://vietnamnet.vn/en/politics/diplomacy-helps-create-favourable-environment-for-national-development-official-709002.html>

Hanoi Plan of Action of Strengthening ASEAN Economic Cooperation and Supply Chain Connectivity in Response to the COVID-19 Pandemic. ASEAN, 19.06.2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Hanoi-POA.pdf>

Hau Dinh, Gomez Jim. ASEAN Leaders Hold Virtual Summit Amid COVID-19 Pandemic // The Diplomat, 14.04.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/asean-leaders-hold-virtual-summit-amid-covid-19-pandemic>

Hutt David. Will Vietnam Be ASEAN Chair for Another Year? // The Diplomat, 01.05.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/will-vietnam-be-asean-chair-for-another-year>

Japan Prime Minister Suga Travels to Vietnam for Bilateral Talks // Voice of America, 19.10.2020. URL: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/japan-prime-minister-suga-travels-vietnam-bilateral-talks>

Kolotov V.N. The Development Strategy of Vietnam in the Documents of the 13th Congress of the CPV // Russian Journal of Vietnamese Studies. Series 2. 2021. No. 1: 30–51.

Le Dinh Tinh, Lai Anh Tu. The Evolution of Vietnamese Foreign Policy After the 13th Party Congress // The Diplomat, 10.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-evolution-of-vietnamese-foreign-policy-after-the-13th-party-congress>

Le Dinh Tinh. Why Vietnam Embraces Multilateralism at this Uncertain Time. The Lowy Institute, 18.05.2020. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/why-vietnam-embraces-multilateralism-uncertain-time>.

Le The Trang. Cultural Diplomacy's Role in Vietnamese Foreign Policy in the 21st Century // Journal of the Graduate School of Asia-Pacific Studies. 2017. No. 33. P. 35–49.

Nguyen Cong Tung. Uneasy embrace: Vietnam's Responses to the U.S. Free and Open Indo-Pacific Strategy Amid U.S.–China rivalry // The Pacific Review. 2021.

Nguyen Quang Di. Vietnam May Turn Threats into Opportunity // Yale Global Online, 02.06.2020. URL: <https://yaleglobal.yale.edu/content/vietnam-may-turn-threats-opportunity>

Phạm Bình Minh. Đối ngoại Việt Nam 2020: Bản lĩnh và tâm thế mới [Фам Бинь Минь. Внешняя политика Вьетнама 2020: новые принципы смелости и отзывчивости] // Da Nang Department of Foreign Affairs, 05.01.2021. URL: https://fad.danang.gov.vn/chi-tiet?id=3054&_c=59

Pham Binh Minh. Lifting Foreign Affairs in 2019 to a New Level // Vietnam Investment Review, 06.02.2019. URL: <https://vir.com.vn/lifting-foreign-affairs-in-2019-to-a-new-level-65648.html>

PM Delivers Message on International Day of Epidemic Preparedness // Vietnam Plus, 27.12.2020. URL: <https://en.vietnamplus.vn/pm-delivers-message-on-international-day-of-epidemic-preparedness/193835.vnp>

Thayer Carl. Will Vietnam Lease Cam Ranh Bay to the United States? // The Diplomat, 06.05.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/will-vietnam-lease-cam-ranh-bay-to-the-united-states>

U.S. National Security Adviser Says 'Quad' Key in Indo-Pacific // The Japan Times, 30.01.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/01/30/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/sullivan-quad-china>

Vietnam and New Zealand Announce Strategic Partnership. Asia New Zealand Foundation, 23.07.2020. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/news/vietnam-and-new-zealand-announce-strategic-partnership>

Vietnam Elected Non-permanent UN Security Council Member for 2020–2021 Term // VN Express, 07.06.2019. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/vietnam-elected-non-permanent-un-security-council-member-for-2020-2021-term-3935313.html>

Vietnam Ministry of Foreign Affairs. Seven Priorities of Vietnam at UN Security Council during 2020–2021. URL: <https://vietnamnet.vn/en/politics/seven-priorities-of-vietnam-at-un-security-council-during-2020-2021-606089.html>, 03.01.2020.

Vietnam Ministry of National Defence. 2019 White Paper. National Political Publishing House. URL: http://news.chinhphu.vn/Uploaded_VGP/phamvanthua/20191220/2019VietnamNationalDefence.pdf

Vietnam's Participation in Peacekeeping Activities Helps Enhance National Status // Communist Party of Vietnam Online Newspaper, 08.06.2021. URL: <https://en.dangcongson.vn/foreign-affairs/vietnam-s-participation-in-peacekeeping-activities-helps-enhance-national-status-575959.html>.

Xây dựng đội ngũ cán bộ đối ngoại toàn diện, hiện đại, ngang tầm nhiệm vụ [Воспитать всесторонне развитых, современных, профессиональных специалистов по внешним связям]. Báo Điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam, 13 April 2021. URL: <https://daihoi13.dangcongson.vn/tin-moi/phong-trao-thi-dua/xay-dung-doi-ngu-can-bo-doi-ngoai-toan-dien-hien-dai-ngang-tam-nhiem-vu-5567>

Автор:

Чапмэн Николас, к. полит. н., научный сотрудник, редактор, Университет Тохоку, Сендай, Япония. ORCID 0000-0001-6530-3190. E-mail: nchapman@iuuj.ac.jp

Продвижение статьи:

Дата поступления: 22.06.2021

Дата поступления в переработанном виде: 20.08.2021

Принята к печати: 06.09.2021

Nicholas Chapman

CHALLENGES INTO OPPORTUNITIES: THE BLOSSOMING OF VIETNAM'S MULTIDIRECTIONAL FOREIGN POLICY AT THE 13TH CPV CONGRESS

Abstract: The 13th Party Congress represents 30 years since Vietnam embarked on a multidirectional foreign policy. This foreign policy is centered upon diversification, multilateralization, and continued integration into the international economy. To achieve these aims, Vietnam utilizes strategic and comprehensive partnerships, free-trade agreements, and multilateral forums such as ASEAN and the UN. This foreign policy has helped Vietnam achieve rapid economic development, gain a high amount of security without compromising its autonomy or independence, and seen it play a more proactive role on the international stage. The 13th Party Congress saw a continuation of this foreign policy with an added emphasis on comprehensive diplomacy. This study explores the intervening years to the congress, arguing that multidirectionality has helped Vietnam manage the turbulence of increased big-power tensions, anti-globalization, anti-multilateralization, and China's belligerence in the South China Sea. Furthermore, a proactive, multi-pronged diplomatic initiative in the years after the 12th Party Congress turned many of these challenges into opportunities, allowing Vietnam to further its national interests. As a result, these initiatives have now blossomed into a comprehensive diplomatic strategy at the 13th Party Congress, adding another mechanism to Vietnam's foreign policy arsenal.

Keywords: Vietnam foreign policy, multidirectionality, 13th Party Congress, Vietnamese Communist Party, strategic partnerships, Free Trade Agreements, multilateralism

For citation: Chapman N. (2021). Challenges into Opportunities: The Blossoming of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy at the 13th CPV Congress. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 6–26.

Introduction

The Communist Party of Vietnam (CPV) convened its 13th Party Congress between January 25 and February 1. The congress began under a cloud of turbulence as a fresh wave of COVID-19 broke out, resulting in it being cut short. Nevertheless, some highly ambitious development targets were set out: by 2030 the CPV expects Vietnam to be a developing country with a high level of middle income and be a developed country by 2045.

On the international front, numerous bumps along the road have surfaced in Vietnam's proactive efforts to forge ahead with diversification, multilateralization and integration. Chinese assertions in the South China Sea have grown more aggressive; rising tensions between China and the US have played out in the form of trade wars; Donald Trump's time in office, although now over, proved to be a testing time for multilateral cooperation. Yet Vietnam has weathered these storms with vigor, and it was no surprise that the CPV opted for more of the same on the foreign policy front as well. It once again set out a foreign policy based upon independence and autonomy; friendship, cooperation and development; diversification and multilateralization of foreign relations through heightening its bilateral foreign relations and strengthening its multilateral diplomacy [Báo cáo chính trị: 20.10.2020].

This is a continuation of Vietnam's multidirectional foreign policy that has served it well ever since the end of the Cold War and has formed a core component of the Doi Moi economic reforms. A multidirectional foreign policy seeks to diversify relationships – both at the bi and multilateral level, to reap as many political, economic and security benefits as possible vis-à-vis mechanisms such as strategic/comprehensive partnerships, enhanced multilateralism, and free trade agreements (FTAs) [Chapman 2017]. It espouses flexibility and pragmatism and, as a middle power, helps the country maintain the maximum amount of autonomy in the face of asymmetrical relations. This policy has aided the country's navigation through the complexities of international integration and allowed it to hedge against potential threats in an increasingly integrated, multipolar international order, ultimately bringing about substantial prestige for the country.

The 13th Party Congress recognized this, and the CPV is committed more than ever before to continue ahead on this path. As a result, Vietnam's multidirectional foreign policy is maturing, and the Party has cultivated deep faith in the benefits of this policy. This is opposed to an element of caution that accompanied previous Party Congresses. When the CPV identified integration as a focal point of Vietnam's development at the 9th Party Congress in 2001, it talked about 'venturing into the big ocean'. Now, Vietnam has gained more buoyancy and is swimming in that ocean. Moreover, the 13th Party Congress has identified a comprehensive diplomatic strategy as a nascent mechanism in its multidirectional foreign policy.

This article analyzes the foreign policy developments at the 13th Party Congress and shows how diplomacy, in addition to security and development, is seen as a core component of its multidirectional foreign policy. Numerous works analyzed the 13th Party Congress outcomes, yet there is a dearth of literature focused solely on foreign policy [Kolotov 2021; Thayer 04.02.2021; Abuza 02.02.2021; Benoit, Camroux: 18.02.2021]. One exception is Le Dinh Thinh and Lai Anh Tu's piece in *The Diplomat* [10.03.2021]. However, it does not discuss the preceding years before the congress. Its analysis is merely focused on the cosmetic changes to the policy.

In contrast, this article will assess how Vietnam has weathered the turbulent years since the 12th Party Congress in 2016, turning a host of challenges into opportunities, and how the intermediate years between the 12th and 13th party congresses gave birth to legislation and policies that further institutionalized multidirectionality. It looks at this through the prism of security issues and its multilateral efforts. To do so, it analyzes documents from the 13th Party Congress, speeches and statements from ministers, economic statistics, and secondary source analysis. The conclusion will summarize the discussion and look at some trails ahead. The paper's ultimate argument is that Vietnam has expanded the arsenal of its multidirectional foreign policy to include comprehensive diplomacy, some of which has been enhanced by its effective diplomacy seen throughout the years between 2016–2021.

Security

In late 2019, Vietnam released its defense White Paper for the first time in ten years. The paper outlined the country's principles and guidelines for protecting its independence and territorial integrity. Much of the international system has changed since the last publication in 2012. The latest White Paper made note of the rise in extreme nationalism, power politics, and protectionism and that both traditional and nontraditional threats are proliferating equally.

Vietnam has traditionally adopted the ‘three nos’ approach to defense: no military alignment or alliances, no military bases on Vietnamese soil, and no reliance on one party to counter another. It added a fourth ‘no’ to the mix in 2019: no using force or threatening to use force in international relations. This reaffirmed the country’s commitment to the peaceful resolution of international disputes and that diplomacy will be the way forward.

The rising tensions and multipolarity within international relations have placed pressure on these red lines. Rumors have circulated that Vietnam would consider leasing Cam Ranh Bay to the US to help them overcome Chinese aggression [Thayer 06.05.2020]. Vietnam has opened itself up to being more flexible in the future. The White Paper inserted a depend clause that states:

Depending on circumstances and specific conditions, Viet Nam will consider developing necessary, appropriate defence and military relations with other countries on the basis of respecting each other's independence, sovereignty, territorial unity and integrity as well as fundamental principles of international law, cooperation for mutual benefits and common interests of the region and international community [Ministry of National Defence 2019: 24].

Nevertheless, the four ‘nos’ and one ‘depend’ now rectify a previously dogmatic principle to make it more fluid and open to readjustment according to international developments. The incident with Chinese survey vessel Haiyang Dizhi 8 in July 2019 demonstrates Vietnam’s elasticity when responding to elevated tensions.

The key to this hedging strategy is expanding and broadening Vietnam’s web of strategic and comprehensive partnerships. These offer an alternative to alliance politics, instead interweaving Vietnam’s national interests with other nations. The greater the overlapping of interests, the greater chance Vietnam will be backed up internationally without having to compromise on its four nos. They aid Vietnam in abating security threats – whether they be traditional or nontraditional forms - and foster greater cooperation.

The higher echelons of Vietnam’s strategic partners are China, Russia, and India. As such, their partnerships are deemed comprehensive-strategic partners, with India most recently being elevated in 2016. Next are strategic partners with Vietnam having 14 agreements with a host of ASEAN and European partners. Australia and Vietnam elevated their relations to a strategic partnership, agreeing to strengthen cooperation over 37 areas in March 2018 [Australian Government: 15.03.2018]. Meanwhile, Vietnam and New Zealand announced the inking of a strategic partnership in July 2020, recognizing that “there is more that can be done together [Vietnam and New Zealand: 23.07.2020].” Furthermore, Vietnam has added 5 new comprehensive partners: Brunei, Hungary, the Netherlands, Myanmar, and Canada.

Vietnam maintains an evolving relationship with the Quadrilateral Security Dialogue (the Quad). On March 27, 2020, Vietnam participated for the first time at the vice-ministerial level along with New Zealand and South Korea – the so-called Quad Plus. Discussions largely focused on COVID-19 and how to kick-start economies. Vietnam has also confirmed that it has been invited to formally join the Quad Plus in May 2020 [Nguyen Quang Di 02.06.2020]. Quad members are eager to expand it [U.S. National Security Adviser Says: 30.01.2020]. Newly anointed Japanese Prime Minister Yoshihide Suga visited Vietnam and Indonesia for his first overseas trip. Whilst there he was explicit in his view that Vietnam was a vital partner in securing a Free and Open Indo-Pacific. The visit also coincided with an agreement for Japan to export military equipment to Vietnam [Japan Prime Minister Suga: 19.10.2020].

Vietnam is astutely aware that joining the Quad may threaten its special relationship with China. Its flirtation with the Quad has been limited to economic cooperation. This trajectory is in line with Vietnam's cautious approach towards a Free and Open Indo-Pacific [Nguyen Cong Tung 2021: 3]. Looking ahead, Vietnam will want assurances that the forum is not merely a means to counteract China's rise. Doing so may risk going against one of its four nos. On the security front, it will want to ensure that the forum is a means to ensure international law is upheld and that tensions are de-escalated. However, further Chinese belligerence in the region may force Vietnam's hand.

Multilateralism: from active to shaping

Multilateralism was dented in the wake of Brexit and America First. The rising of tensions between China and the US had the hallmarks of a return to the bipolar nature of the Cold War – a time in which Vietnam fared poorly after achieving independence. This uncomfortable turn towards isolationism was duly noted by Vietnam's Foreign Minister Pham Binh Minh at a speech to the UN General Assembly:

“It is alarming that narrowly interpreted national interests are chosen over common values, big power politics, coercion, competition and confrontation are favored over cooperation, dialogue and respect for international law” [Le Dinh Tinh: 18.05.2020].

But Vietnam did not waiver in its commitment to multilateralism. Instead, its multilateral diplomacy shifted into a higher gear. Vietnam outlined it was no longer actively participating in multilateral forums, but it was shaping, and coordinating these institutions. Building on the successes of hosting the APEC summit in 2017, the Party issued Directive No. 25-CT/TW in August 2018. This directive sets out the guidelines for elevating multilateral relations to 2030 and is the first time a single document has directed the developments of Vietnam's multilateral diplomacy [Pham Binh Minh: 06.02.2019].

The ability of Vietnam to shape international forums is the culmination of a mature foreign policy and diplomatic strategy. Vietnam will no longer utilize the forums to reap the tangible benefits; rather, they will seek to project their national interests of peace and stability, promoting international law, free trade, and sustainable development goals. This has the added benefit of enhancing the country's international prestige.

The year 2020 was Vietnam's opportunity to demonstrate its proactive approach to multilateralism with its turn as the ASEAN chairmanship and the election for its second stint as a non-permanent member of the UN Security Council. When Vietnam took over the ASEAN chairmanship in November 2019, it saw the opportunity as a chance to deepen economic ties, discuss issues surrounding the Fourth Industrial Revolution, and promote ASEAN awareness. It outlined five key priorities and had planned over 300 different conferences and activities [Bich: 24.06.2020]. Moreover, Vietnam had anticipated that progress could be made with China to develop a code of conduct, something ASEAN and China had hoped to settle by 2021.

Less than a month into its chairmanship, however, COVID-19 erupted. This threw up a host of logistical headaches. ASEAN is notorious for its sideline diplomacy. Constructive discussions are often held on golf courses or the sidelines of formal meetings. Face-to-face talks are paramount to the ASEAN way of conducting business.

Despite this setback, Vietnam seized the initiative. As early as February 14, Vietnam issued a chairman's statement that called for solidarity, cooperation, and a collective response to the crisis. A special ASEAN summit on COVID-19 was convened in April where Pham Binh Minh noted that under Vietnam's leadership ASEAN had called for region-wide action from mid-February and held a series of consultations with China, the United States and the World Health Organization [Hau, Gomez: 14.04.2020]. The conference saw counterparts from China, Japan and South Korea join. Japan iterated its firm support for the establishment of an ASEAN center for infectious diseases.

The declaration at the summit led to the quick adoption of the Hanoi Plan of Action, a means to strengthen cooperation and coordination in responding to COVID-19 and avoid the tendency for knee-jerk, protectionist measures under such unprecedented circumstances. This included refraining from imposing unnecessary non-tariff measures during the pandemic; sharing information and best practices; and expediting the release of essential goods such as food, medicine, and medical equipment [Hanoi Plan of Action: 19.06.2020].

Vietnam's swift response was tantamount to its adaptability. Vietnam could shift meetings online efficiently and smoothly to keep disruptions to a minimum. Over 550 meetings took place with 20 summits and 70 ministerial meetings. A record of 80 documents gained approval. In addition, in December 2020 ASEAN and the EU signed a strategic partnership, drawing one of ASEAN's biggest investors to engage more in the region. Vietnam, having already signed numerous comprehensive/strategic partnerships with the EU member states, played a pivotal role in securing this agreement.

For the second time in its history, Vietnam was elected as a non-permanent member of the UN Security Council for the term period 2020-2021, securing a record 192 out of 193 votes [Vietnam Elected: 07.06.2019]. Like its ASEAN chairmanship, Vietnam entered the role in January 2020 with a high amount of optimism for furthering its seven priorities [Vietnam Ministry of Foreign Affairs: 03.01.2020]. Although COVID-19 derailed this goal, Vietnam turned this unprecedented challenge into an opportunity. The first resolution proposed by Vietnam was proclaiming December 27 a Day of Epidemic Preparedness to promote education and awareness on the response and prevention of transmissible diseases. Co-sponsored by over 100 other nations, the resolution was swiftly adopted. Vietnam was eager to transfer its effective handling of the COVID-19 pandemic and call for international cooperation in securing vaccines and drugs [PM Delivers Message: 27.12.2020].

Vietnam's successes with keeping COVID-19 at bay were also utilized in its peacekeeping missions. Since 2014, Vietnam has sent nearly 200 soldiers on UN peacekeeping missions. Vietnam maintains a military field hospital in South Sudan and Vietnamese military doctors used their updated knowledge of COVID-19 to treat infected patients. Major General Hoang Kim Phong indicated the pandemic had posed a considerable challenge, but that Vietnam remains committed to fulfilling its obligations to the UN under any circumstance [Vietnam's Participation in Peacekeeping Activities: 08.06.2021].

COVID-19 altered the focus of Vietnam's multilateral diplomacy, but it did not squander the opportunity to showcase its diplomatic prowess. Nevertheless, there will be a lingering feeling of disappointment that COVID-19 dominated so much of the agenda. The Vietnam specialist Carl Thayer has mentioned that rumors existed about Vietnam wanting to extend its term as ASEAN chair for another year [Hutt 01.05.2020]. Ultimately, this did not come to fruition.

Developments at the 13th Party Congress

Vietnam did not deviate from its multidirectional foreign policy at the 13th Party Congress. Vietnam remained committed to diversification, multilateralism, and integration to defend the fatherland, maintain a peaceful and stable environment and striving to improve Vietnam's international position and prestige [Báo cáo chính trị: 20.10.2020]. The policy has been at the forefront of Vietnam's economic and diplomatic rise ever since its inception in 1991. Previous party congresses were marked with caution, particularly with international integration, seeing as it meant giving up a certain degree of control. Vietnam has now removed the shackles of that caution and pushed ahead with its bedrock foreign policy with even more vigor.

Despite an emphasis on continuation, certain tweaks to strengthen Vietnam's approach to foreign affairs were made at the 13th Party Congress. Compared to the 12th Party Congress, Vietnam has placed greater emphasis on multilateral mechanisms, explicitly identifying APEC and Sub-Greater Mekong cooperation as being strategically important. Previously only ASEAN and the UN had been mentioned. As the successful hosting of the 2017 summit demonstrated, the ability to project national interests into these multilateral channels helps secure Vietnam's overall strategic interests. The Party wishes to play a greater role in these forums so it can influence these organizations and shape the rules of the game.

Past congresses have emphasized the security and economic components of Vietnam's foreign policy. But this one also emphasized its diplomatic prowess. Diplomacy is no longer a means to an end, but a key component of Vietnam's foreign policy and development strategy. This is not rhetoric either. The 2020 Lowy Institute Asia Power Index recorded a +6 gain for Vietnam's diplomacy [Asia Power Index 2020]. Reflective of this, four senior diplomats were elected to the Central Committee of the CPV for the first time in its history (Table 1).

Pham Binh Minh who had a highly successful stint as foreign minister was again elected to the politburo. His replacement, Bui Thanh Son noted "diplomacy has played a significant role in raising the country's position [Diplomacy Helps: 28.01.2021]," and he has engaged in a flurry of diplomatic activity since becoming foreign minister on April 8. Son has held 21 virtual talks including with the US, UK, China, and Russia.

Table 1. The list of diplomats elected to the Central Committee of the CPV at the 13th Party Congress

Name	Previous Roles
Nguyen Manh Cuong	• Deputy Head of the Central Committee for External Relations • Secretary of the Party Committee of the Central Committee for Foreign Affairs

Pham Binh Minh	• Central Committee Member for the 12 Plenum • Politburo Member for the 12 Plenum • Minister of Foreign Affairs • Deputy Prime Minister
Le Hoai Trung	• Central Committee Member for the 12 Plenum • Deputy Minister of Foreign Affairs • Ambassador to the UN
Bui Thanh Son	• Deputy Minister of Foreign Affairs • Central Committee Member for the 12 Plenum

Vietnam's elevation of diplomacy is an attempt to generate a comprehensive diplomatic strategy centered on three pillars: party-party, state-state, and people-people. These are not necessarily new components; they have been muttered in speeches and referred to by upper echelons of the party in the past. But for the first time they were codified and explicitly set out at the 13th Party Congress.

This is expected to be waged across an array of areas: parliamentary, political, cultural, economic, defense, and public. This is not the first time that Vietnam has outlined diplomatic initiatives. Cultural diplomacy, for example, was identified as a key pillar of foreign policy along with economic and political diplomacy at the 11th Party Congress. In 2011 then Prime Minister Nguyen Tan Dung ratified the Strategy on Cultural Diplomacy through 2020. However, this was not linked to any larger overriding diplomatic strategy, and the initiative failed to coordinate across sectors and agencies [Le The Trang 2017: 46–47]. That is changing. Vietnam is creating a long-term diplomatic strategy to anchor it in place for years to come so that Vietnam can coordinate and implement its diplomatic strategy.

Already the government has been relatively successful in offering protection of its citizens abroad. In the wake of the COVID-19 pandemic, roughly 80,000 Vietnamese citizens were repatriated from over 60 countries [Diplomacy Helps: 28.01.2021]. On the institutional front, the government is investing in expanding its diplomatic personnel and capabilities. Specifically, the 13th Party Congress outlined the need to improve the quality, capacity, and professionalism of staff working in foreign affairs. Nguyen Phu Trong has iterated that “the more we deeply integrate with the world, the more we need diplomats with key skills and qualifications [Báo Điện Tử Đảng Cộng Sản Việt Nam 13.04.2021].” This falls in line with Trong's overall attempts to breed more strategic officials, ones who will excel in management roles and political ethics [Chapman: 15.05.2018].

Conclusion

Whilst continuation was the overall theme of the 13th Party Congress, Vietnam's multidirectional foreign policy is blossoming despite increased tensions. Vietnam has now broadened the scope of its multidirectional foreign policy, elevating comprehensive diplomacy to achieve the country's strategic interests. Although the recent economic onslaught brought about by COVID-19, strategic competition between major powers; anti-globalization forces; and protectionism; cooperation, peace and development have served, in the words of Pham Binh Minh, "as a bright light" [Phạm Bình Minh: 05.01.2021].

Despite this paper striking a relatively positive assessment of multidirectionalism, it does not mean that imminent challenges do not lay ahead. Even deeper international integration inevitably opens up Vietnam to variables outside the direct control of the CPV.

In regards to multilateralism, Vietnam may be forced to take action that contravenes its principle of non-interference in domestic matters if Vietnam is to assume a more proactive role in multilateral institutions. Myanmar is a case in point. The recent coup has severely tested ASEAN's principle of non-interference. So far, the group has remained reluctant to place much pressure on the Junta, producing a diluted consensus at its emergency meeting in April. Competing pressures from regional powerhouses, such as India and China, and Western nations, who will pressure ASEAN to do more to quell the violence taking place, could force the group to intervene further.

Further threats will include cyber warfare; climate change and its consequences, especially since Vietnam is a high-risk country; great power politics, especially since tensions have not cooled between China and the US with President Joe Biden's election; and any further surges of COVID-19. Yet if the preceding five years are anything to go by, ample challenges equate to ample opportunities for Vietnam to forge ahead on its path of diversification, multilateralization, and integration, as well as further honing its comprehensive diplomatic strategy.

References

- Abuza Zachary (2021). The Fallout From Vietnam's Communist Party Congress. *The Diplomat*, February 2. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/the-fallout-from-vietnams-communist-party-congress/>
- Asia Power Index. Key Findings 2020. Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2020-asia-power-index-key-findings-report.pdf>
- Australian Government (2018). Joint Statement on the Establishment of a Strategic Partnership between Australia and Viet Nam, March 15. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/vietnam/Pages/joint-statement-on-the-establishment-of-a-strategic-partnership-between-australia-and-viet-nam>.
- Báo cáo chính trị của Ban chấp hành Trung ương Đảng khoá XII tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng [Political Report of the 12th Party Central Committee at the 13th National Congress of the Party] (2020). *Nhân Dân*, October 20. URL: <https://nhandan.vn/tin-tuc-su-kien/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-621155>
- Benoit Hien Do and Camroux David (2021). Idle leadership at Vietnam's 13th Communist Party Congress. *East Asia Forum*, February 18. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/02/18/idle-leadership-at-vietnams-13th-communist-party-congress>
- Bich T Tran (2020). ASEAN, C-19 and the Vietnam's Chairmanship. *Lfimes*, June 24. URL: <https://www.ifimes.org/en/researches/asean-c-19-and-the-vietnams-chairmanship/4599>.

Chapman Nicholas (2017). Mechanisms of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 36(2): 31–69.

Chapman Nicholas (2018). The Beginning of a Political Doi Moi? Takeaways From the VCP's Seventh Plenum. *The Diplomat*, May 15. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/the-beginning-of-a-political-doi-moi-takeaways-from-the-vcps-seventh-plenum>.

Diplomacy Helps Create Favourable Environment for National Development: official (2021). *VietnamNet*, January 28. URL: <https://vietnamnet.vn/en/politics/diplomacy-helps-create-favourable-environment-for-national-development-official-709002.html>

Hanoi Plan of Action of Strengthening ASEAN Economic Cooperation and Supply Chain Connectivity in Response to the COVID-19 Pandemic. ASEAN, 19.06.2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Hanoi-POA.pdf>

Hau Dinh and Gomez Jim (2020). ASEAN Leaders Hold Virtual Summit Amid COVID-19 Pandemic. *The Diplomat*, 14 April. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/asean-leaders-hold-virtual-summit-amid-covid-19-pandemic>

Hutt David (2020). Will Vietnam Be ASEAN Chair for Another Year? *The Diplomat*, May 1. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/will-vietnam-be-asean-chair-for-another-year>

Japan Prime Minister Suga Travels to Vietnam for Bilateral Talks (2020). *Voice of America*, October 19. URL: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/japan-prime-minister-suga-travels-vietnam-bilateral-talks>

Kolotov V.N. (2021). The Development Strategy of Vietnam in the Documents of the 13th Congress of the CPV. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, Series 2, 2: 30–51.

Le Dinh Tinh (2020). *Why Vietnam Embraces Multilateralism at this uncertain Time*. The Lowy Institute, May 18. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/why-vietnam-embraces-multilateralism-uncertain-time>

Le Dinh Tinh, Lai Anh Tu (2021). The Evolution of Vietnamese Foreign Policy After the 13th Party Congress. *The Diplomat*, March 10. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-evolution-of-vietnamese-foreign-policy-after-the-13th-party-congress>

Le The Trang (2017). Cultural Diplomacy's Role in Vietnamese Foreign Policy in the 21st Century. *Journal of the Graduate School of Asia-Pacific Studies*, 33: 35–49.

Nguyen Cong Tung (2021). Uneasy embrace: Vietnam's Responses to the U.S. Free and Open Indo-Pacific Strategy Amid U.S.–China rivalry. *The Pacific Review*.

Nguyen Quang Di (2020). Vietnam May Turn Threats into Opportunity. *Yale Global Online*, June 2. URL: <https://yaleglobal.yale.edu/content/vietnam-may-turn-threats-opportunity>

Pham Binh Minh (2019). Lifting Foreign Affairs in 2019 to a New Level. *Vietnam Investment Review*, February 6. URL: <https://vir.com.vn/lifting-foreign-affairs-in-2019-to-a-new-level-65648.html>

Pham Binh Minh (2021). *Đối ngoại Việt Nam 2020: Bản lĩnh và tâm thế mới [Vietnamese Foreign Affairs 2020: The New Bravery and Responsiveness]*. Da Nang Department of Foreign Affairs, January 5. URL: <https://fad.danang.gov.vn/chi-tiet?id=3054&c=59>

PM Delivers Message on International Day of Epidemic Preparedness (2020). *Vietnam Plus*, December 27. URL: <https://en.vietnamplus.vn/pm-delivers-message-on-international-day-of-epidemic-preparedness/193835.vnp>

Thayer Carl (2020). Will Vietnam Lease Cam Ranh Bay to the United States? *The Diplomat*, May 6. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/will-vietnam-lease-cam-ranh-bay-to-the-united-states>

U.S. National Security Adviser Says 'Quad' Key in Indo-Pacific (2020). *The Japan Times*, January 30. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/01/30/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/sullivan-quad-china>

Vietnam and New Zealand Announce Strategic Partnership. Asia New Zealand Foundation, 23.07.2020. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/news/vietnam-and-new-zealand-announce-strategic-partnership>

Vietnam Elected Non-permanent UN Security Council Member for 2020-2021 Term (2019). *VnExpress*, June 7. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/vietnam-elected-non-permanent-un-security-council-member-for-2020-2021-term-3935313.html>

Vietnam Ministry of Foreign Affairs (2020). Seven Priorities of Vietnam at UN Security Council During 2020–2021, January 3. URL: <https://vietnamnet.vn/en/politics/seven-priorities-of-vietnam-at-un-security-council-during-2020-2021-606089.html>

Vietnam Ministry of National Defence (2019). *2019 White Paper*. National Political Publishing House. URL: http://news.chinhphu.vn/Uploaded_VGP/phamvanthua/20191220/2019VietnamNationalDefence.pdf

Vietnam's Participation in Peacekeeping Activities Helps Enhance National Status (2021). *Communist Party of Vietnam Online Newspaper*, June 8. URL: <https://en.dangcongson.vn/foreign-affairs/vietnam-s-participation-in-peacekeeping-activities-helps-enhance-national-status-575959.html>

Xây dựng đội ngũ cán bộ đối ngoại toàn diện, hiện đại, ngang tầm nhiệm vụ [Building Model Public Relation Staff who are Comprehensive and up to the Task] (2021). *Báo Điện Tử Đảng Cộng Sản Việt Nam*, April 13. URL: <https://daihoi13.dangcongson.vn/tin-moi/phong-trao-thi-dua/xay-dung-doi-ngu-can-bo-doi-ngoai-toan-dien-hien-dai-ngang-tam-nhiem-vu-5567>.

Author:

Chapman Nicholas, Ph.D. (International Relations), Researcher and Editor, Tohoku University, Sendai, Japan. ORCID 0000-0001-6530-3190. E-mail: nchapman@iuj.ac.jp

Article history:

Received: June 22, 2021

Received in revised form: August 8, 2021

Accepted: September 9, 2021

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-27-51

Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин

КОРРУПЦИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ И МЕРЫ ПО ЕЁ ОГРАНИЧЕНИЮ: ТРЕВОЖНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ КПВ

Аннотация. Авторы одними из первых в российской науке представили развёрнутую характеристику коррупции в современном Вьетнаме, включая ее определение, степень распространения, причины разрастания этого бедствия, главные его проявления и последствия. Оценка размаха и путей преодоления коррупции основана на данных международных организаций и ряда экспертов.

Показано постепенное ужесточение политики руководства КПВ–СРВ в этой сфере, в том числе проведение судебных процессов над конкретными высокопоставленными коррупционерами, запрет выезда за рубеж партийных работников, подозреваемых в причастности к коррупции и т.п. Акцентируется антикоррупционное содержание соответствующих официальных документов и решений. В целом дана положительная оценка предпринимаемых усилий, она сочетается в статье с выводом о том, что коррупция во вьетнамском обществе превратилась в вызов для правящей партии, которому не удаётся эффективно противостоять.

Ключевые слова: КПВ, политическая стабильность, характеристики коррупции, индекс восприятия коррупции, антикоррупционные меры и их правовое обеспечение, теория Бей-Олькена

Для цитирования: Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Коррупция во Вьетнаме и меры по её ограничению: тревожный вызов для КПВ // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 27–51.

Введение

Состоявшийся в январе 2021 г. в Ханое очередной, XIII съезд Компартии Вьетнама сформулировал задачу к 2045 г., то есть к 100-летию со дня провозглашения независимости, превратить Вьетнам в современную, экономически процветающую, индустриально развитую страну с высоким уровнем жизни [Nghị quyết Đại hội 2021]. Видимо, под этим понимается также и здоровое общество.

Вместе с тем специалисты по Вьетнаму акцентируют внимание на том, что решению этой задачи серьёзно препятствует набирающая силу коррупция, как и другие негативные процессы, в правящей партии и госаппарате. Об актуальности борьбы с ними говорится в документах съездов КПВ, в том числе недавнего XIII (январь 2021 г.). Признано, что коррупция достигла масштабов «национального бедствия» [Nguyễn Văn Hùng: 10.06.2020]. Это определяет важность пока отсутствующего в российском востоковедении глубокого анализа её характера и сопутствующих явлений, чему и посвящена настоящая статья.

Объективные и тщательные исследования данного феномена обычно ведутся во Вьетнаме совместно с западными учеными и публикуются на Западе. Только в 2020-е годы издан ряд заметных работ: [Nguyen Thu Thuy, van Dijk 2012]; [Nguyen T.V. et al. 2016]; [Vu Anh Dao 2017];

[Nguyen Thi Xuan Huong 2018]; [Markussen, Ngo Quang Thanh 2019]. Поставим в тот же ряд и самостоятельные работы Нгуен Ван Хунга [2020] и Чан Хыу Тхана [2019]. Эта группа авторов считает, что без выработки эффективной антикоррупционной политики и неукоснительного проведения её в жизнь коррупция «может привести к краху коммунистический режим и саму Компартию Вьетнама» [Чан Хыу Тхан 2019:11]. Схожие позиции занимают независимые вьетнамские эксперты, например, Ле Хонг Хиеп, сотрудничающий с американской CSIS.

В РФ мало таких работ ввиду труднодоступности данных. Из российских коллег больше других уделяет внимание последствиям коррупции и мерам против неё В.Н. Колотов [2019, 2021], хотя пока он не посвятил специальных публикаций данной теме. Сегодняшнюю ситуацию авторам статьи пришлось изучать на основе материалов СМИ, экспертных оценок, опираться на своё раннее исследование [Мазырин 2007: 74–76]. Из него следует, что острота проблемы возникла и к её решению приступили далеко не сегодня, как полагают многие эксперты, близкие к КПВ, – значит, кампания на протяжении более 20 лет велась неэффективно.

На Западе обращение к теме коррупции обычно используется для критики политической системы СРВ. В академической литературе она стала предметом анализа ряда авторитетных вьетнамоведов, таких как А. Фьорд [Fford 2021], К. Тейер [Thayer: 17.01.2018], М. Гейнсбург [Gainsborough 2013], Б. Керквлиет [Kerkvliet 2001]. Появились профильные исследования учёных более широкой специализации: [Fritzen 2002], [Rand, Tarp 2012], [Bai et al. 2013].

Кауфман, Край и Матруцци, комментируя оценки коррупции ведущей в данной сфере организации Transparency International, признали, что они не могут быть точными, независимо от того, использовались субъективные или объективные показатели. Из этого сделан обоснованный вывод: неточность и часто субъективизм базовых данных может влиять на корректность научных выводов по изучаемой теме [Коррупция во Вьетнаме: 25.06.2021].

Большинство экспертов анализируют уровень и проявления коррупции, достижения в борьбе с ней исходя из признания срочного характера данной работы и наносимого вреда обществу. Но поскольку эффект данной кампании невысок, в отличие от очевидного подъёма вьетнамской экономики и уровня жизни в СРВ, учёные США, видимо, решили «дать гарантии» на ближайшую перспективу и направить средства на «правильное дело». На примере Вьетнама Джи Бей из Пенсильванского университета и Бен Олькен из Массачусетского технологического университета пришли к заключению, что коррупция не такая серьезная проблема, как принято считать [Не надо бороться: 25.11.2013]. Согласно их теории, экономический рост сам по себе постепенно изживает коррупцию, поскольку коррупция и бедность, как правило, идут рука об руку. Обычно высокий уровень коррупции наблюдается в странах с низким уровнем доходов на душу населения. По мере экономического роста и повышения благосостояния коррупция снижается – эти страны просто из неё «вырастают». В результате, по оценке Бея – Олькена, у чиновников якобы пропадает желание брать взятки, а у фирм – их платить [Bai et al. 2013: 29]. Теория оптимистичная, вопрос только в том, насколько корректны расчёты¹ и как скоро можно прийти к искомому результату. Для СРВ её верификация затруднена ввиду низких доходов (она

¹ Экономисты изучили, как бизнесмены во Вьетнаме взаимодействуют с чиновниками, и посчитали уровень коррупции как долю выплаты взяток в доходах компании (эти данные основаны на ежегодных опросах Агентства США по международному развитию), сравнив их динамику с темпами роста занятости по отраслям.

входит в нижнюю подгруппу государств со средним размером подушевого ВВП) и планом достижения высокого достатка, как заявлено на XIII съезде КПВ, к 2045 г., то есть через четверть века [Nghị quyết Đại hội 2021].

Другие исследования утверждают, и жизнь доказывает, что снижение коррупции увеличивает социальное благосостояние людей в целом, снижает неравенство в доходах и повышает социальные расходы, особенно в сферах здравоохранения и образования. Известно также, что уровень коррупции падает по мере экономической стабилизации, в том числе снижения инфляции, и объективные условия для этого во Вьетнаме есть [Мазырин 2016: 259–275].

Основные характеристики коррупции во Вьетнаме

На протяжении последних десятилетий международные и национальные профильные ведомства неизменно фиксируют высокий *уровень* коррупции в современном Вьетнаме. Она признана системной проблемой, затрагивающей непосредственно все стороны социально-экономической и общественно-политической жизни вьетнамского государства. В частности, отмечается огромный урон государственному бюджету, снижение качества работы государственного аппарата, деградация системы правосудия. Все это подрывает основы социалистического строя в СРВ, снижает доверие граждан к правительству и правящей компартии, ведёт к разрушению и обесцениванию социальных, этических и других норм [Чан Хыу Тхан 2019: 3]. Международные организации называют коррупцию серьёзным препятствием для реализации национальной стратегии развития, поскольку она снижает эффективность управления, препятствует экономическому росту и усилиям по сокращению нищеты и бедности, искажает конкурентные условия в бизнесе.

Проблема коррупции широко обсуждается в СМИ и на политических площадках Вьетнама. Эксперты и обычные граждане единодушно считают, что коррупция будет представлять все большую опасность для вьетнамского общества и создавать препятствия для его фундаментальной политической и экономической модернизации. Коррупция признана одной из основных угроз общественной, финансово-экономической и политической стабильности СРВ.

По оценкам вьетнамских исследователей и авторитетных международных организаций, Вьетнам давно и серьёзно поражен коррупцией на всех уровнях, причём существенного прогресса в борьбе с ней не достигнуто. Коррупция практически повсеместно проникла в мышление и стиль работы госслужащих, высокопоставленных членов КПВ. Но специалисты не могут точно определить *сущность* этого явления, поскольку то, что на Западе считается коррупцией, зачастую воспринимается вьетнамцами как «покровительство» (клиентелизм), которое является частью их культуры. Как они говорят, «коррупция есть везде в жизни: если хочется сделать что-то быстро и легко, нужна взятка, а без взятки работа не может быть успешно завершена» [Nguyễn Duy Xuân: 02.04.2021].

Поскольку не существует общепринятого определения, понимания или измерения коррупции, трудно установить, насколько коррумпирована страна. Не все страны мира, в том числе и Вьетнам, подписываются под определением коррупции неправительственной организации (НПО) Transparency International, хотя признают её рейтинг.

Согласно опросу, проведённому этой международной организацией в 2016 г., более 30 % населения Вьетнама вынуждено подкупать чиновников для получения административных разрешений. Некоторые считают, что на самом деле охват шире – до 60–70 % населения. По данным Маруичи и Абэ, за выдачу лицензии или регистрацию бизнеса приходится давать взятки в размере от 50 до 500 долл. [Коррупция во Вьетнаме: 25.06.2021]. Всего, согласно опросам, фирмы совершают неформальных платежей на сумму 20–30 тыс. долл. в год, что составляет до половины их прибыли до вычета налогов [Nguyen T.V. et al. 2016: 362]. Виновниками коррупции обычно считают госчиновников и партийных работников, что вызывает недовольство населения и бизнеса.

По *индексу восприятия коррупции* за 2020 г., рассчитанному для 180 стран и территорий, Transparency International поставила Вьетнам на 104-е место (36 баллов из 100 возможных), в 2019 – на 96-е с 37 баллами (рис.1). Это прогресс относительно 2012–2015 гг. [Corruption Perceptions Index 2020]. Среди стран ЮВА Вьетнам поднялся на 5-е место, уступая Сингапуру, Брунею, Малайзии и Индонезии. По-прежнему низкая позиция СРВ в ключевом международном рейтинге позволяет западным партнерам осуждать Ханой за неэффективность мер против коррупции, намекать на монополию власти КПВ как причину этого явления и оказывать на нее политическое давление для получения уступок [[Vietnam Corruption Index](#)]².

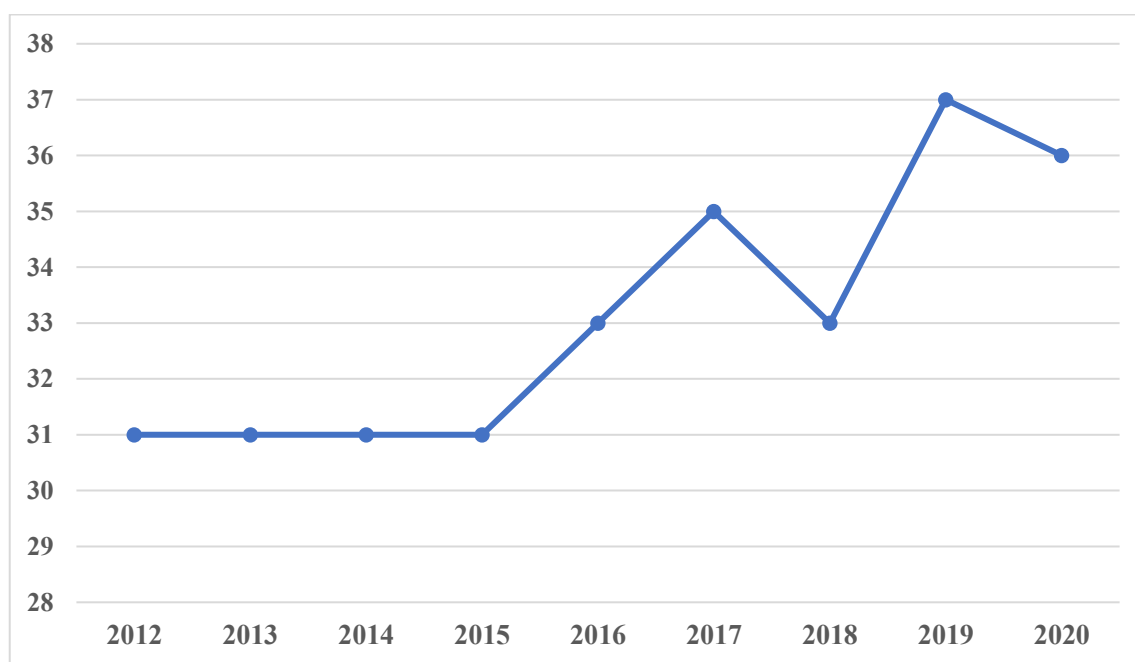

Рис. 1. Динамика оценки успехов Вьетнама в борьбе с коррупцией (в баллах)

Источник: Transparency International [Corruption Perceptions Index 2020]

Публикации вьетнамских СМИ и исследования специалистов указывают на следующие основные *причины* возникновения и развития коррупции:

– роль правоохранительных органов, таких как полиция и прокуратура, в антикоррупционной борьбе реализуется пока не в полной мере. На практике многие

² Индекс через оценки экспертов отражает распространение коррупции только в госсекторе и не дает полной картины из-за отсутствия данных из других секторов экономики.

коррупционные дела проводятся под прикрытием и с участием самих правоохранительных органов;

- нормативный акт, обязывающий всех чиновников публиковать информацию о своем имущественном положении и доходах, носит формальный характер, так как не распространяется ни на кого из их родственников, даже ближайших, таких как дети и супруги;

- переход от государственного управления экономикой к свободному рынку, появление частного бизнеса, акционирование государственных предприятий создают благоприятные условия и предпосылки для роста коррупции;

- дача взяток ради получения должностей, властных полномочий, дипломов, снятия возрастных ограничений и т.п. становится все более массовой;

- коррупция – одно из главных следствий деградации морально-нравственных ценностей и образа жизни части служащих государственного аппарата и кадровых работников КПВ;

- недооценка государственными органами роли граждан и СМИ в борьбе с коррупцией. Существует мнение, что материалы СМИ не всегда достоверны, а некоторые публикации носят заказной характер и осложняют деятельность контрольных органов по обнаружению и пресечению коррупционных дел;

- коррупционные риски связаны с культурой и историческими обычаями народа. В странах ЮВА в целом и Вьетнаме в частности существует ярко выраженный обычай делать подарки и фактически давать взятки: население считает, что для решения любой задачи необходима хорошая мотивация. Многие считают коррупцию полезной для сохранения гармонии в обществе, поддержания личных интересов граждан, в том числе повышения их доходов.

Характеризуя *экономические последствия* коррупции в СРВ, СМИ и эксперты выделяют следующие. Она фактически съедает часть средств из госбюджета, как это, например, происходит в строительной отрасли при закупке материалов, финансировании, организации аудита и других подобных работах. Подрядчики зачастую назначаются без проведения конкурса, а фактические затраты превышают бюджет строительных проектов. По данным правительственной инспекции, в период с 2008 по 2015 г. только по одному из 15 проектов, реализованных в сфере транспорта и охраны окружающей среды в Ханое, состоялись реальные конкурсы; подрядчики по остальным проектам были назначены в нарушение закона, впоследствии сроки реализации данных проектов были продлены, а сметы превышены на 1 трлн донгов (около 50 млн долл.) [Hàng loạt dự án: 20.07.2017]. В итоге многие объекты госсобственности попали в руки высокопоставленных должностных лиц и возникла когорта «красных капиталистов».

На конференции по оценке реализации антикоррупционного закона в период с 2005 по 2015 г., прошедшей 12 июля 2016 г., правительство СРВ обнародовало данные об экономических убытках, вызванных коррупцией за десять лет: общий ущерб составил 3 млрд долл., в бюджет возвращено лишь 7,8 % похищенной суммы [Nguyễn Hà: 13.07.2016]. Коррупция снижает конкурентоспособность предприятий, так как некоторые из них, не имея достаточных мощностей, не могут выполнить взятые обязательства, что ведёт к утрате доверия и другим последствиям, таким как, например, низкое качество строительства.

Коррупция поражает инвестиционную и деловую среду. Неофициальные расходы инвесторов — взятки с целью выиграть контракт — увеличивают общий бюджет проектов и снижают прибыльность, в связи с чем инвесторы часто колеблются в принятии решений об

осуществлении вложений. Кроме того, такие явления в экономике, как взяточничество, коррупция, привилегии и nepотизм, ставят предприятия, действующие в соответствии с законом, в неравное, невыгодное положение. В итоге во Вьетнаме, как и других странах с высоким уровнем коррупции, предпринимательская и инвестиционная деятельность испытывает много рисков, что замедляет экономический рост.

В торгово-экономических отношениях между странами коррупция угрожает эффективности проектов, негативно влияет на международный престиж участников. Она снижает доверие доноров из-за слабого освоения выделенных финансовых средств, без которых невозможна реализация многих проектов социально-экономического развития.

Как мы видим, обе категории экономических потерь от коррупции – прямые и косвенные – одинаково опасны. Прямые потери вызваны недополучением доходов государственным бюджетом, косвенные – ведут к общему понижению эффективности экономики.

Активизация антикоррупционной политики

Сознавая опасность сложившейся ситуации, руководство КПВ и правительство СРВ приняли множество резолюций, стратегий, политических, а главное – правовых мер по предотвращению и пресечению коррупции.

Одним из главных поборников наведения порядка выступает генсек ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг, что во многом способствовало сохранению им в 2021 г. поста на третий срок. Он проводит жёсткий и последовательный курс бескомпромиссной борьбы против коррупции во всех ее проявлениях (рис.2) [Tổng Bí thư Nguyễn Phú Trọng: 25.07.2020]. По оценке В.Н. Колотова, Нгуен Фу Чонг инициировал антикоррупционную программу *Đốt lò* («Раскаленная печь») по чистке руководства страны от скомпрометировавших себя элементов, и эта кампания сыграла важную роль в процессе самоочищения партии [Колотов 2021: 38–39].

Рис. 2. Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг выступает на заседании по борьбе с коррупцией 26 июля 2019 г. *Фото:* ВИА

Закон о борьбе с коррупцией принят еще в 2005 г., и, по оценке Всемирного банка, это один из лучших антикоррупционных правовых актов в Азии. Как отмечает Мартини – участник подготовки отчетов Transparency International, – определения, рамки и критерии, применённые в

законе, перенесены из западных или спонсируемых Западом источников и организаций. Неудивительно, что он сложен для реализации во Вьетнаме, но много говорит об ориентации лидеров этой страны [Коррупция во Вьетнаме: 25.06.2021].

9 декабря 2019 г. в СРВ вступил в силу обновлённый антикоррупционный закон № 36/2018/QH14 (Luật phòng, chống tham nhũng). Он впервые ввел на законодательном уровне определение понятия «конфликт интересов». Нормативные акты к нему разъясняют реализацию на практике установленных ограничений для бывших государственных служащих, претендующих на замещение должностей в определённых организациях негосударственного сектора, а также вводят обновлённые правила дарения и получения подарков госслужащими [Во Вьетнаме вступил в силу: 16.06.2021].

Закон обязывает коммерческие организации принимать кодекс поведения и внедрять механизмы внутреннего контроля с тем, чтобы предотвращать конфликты интересов и коррупционную деятельность, а также формировать культуру неподкупности внутри организации. На отдельные категории организаций частного сектора (публичные компании, кредитные и иные организации, созданные по решению высоких инстанций), а также на общественные организации, практикующие согласно уставу сбор пожертвований с населения, распространены положения, которым подчинены государственные организации: о раскрытии информации и прозрачности деятельности, о регулировании конфликта интересов, об ответственности руководителей и их заместителей за коррупционную деятельность в их организации.

В 2009 г. СРВ ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, взяв на себя обязательство принимать соответствующие меры, после чего борьба с этим злом во Вьетнаме приобрела системный характер. В итоге в отчете за 2010 г. Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) отмечается частичное выполнение Вьетнамом различных статей конвенции, таких как ужесточение законов о противодействии взяточничеству и хищениям. Так, власти СРВ активизировали борьбу с коррупцией, арестовав замешанных в ней ряд высокопоставленных чиновников. В то же время указано, что аресты могли быть и политически мотивированы. Несмотря на некоторый прогресс, из отчета УНП ООН следует, что при выполнении конвенции сделан ряд исключений, например, не криминализировано взяточничество в сфере частного бизнеса – сегодня основной в экономике страны [UNODC 2010].

Внутри самой КПВ также усилены надзорные меры. В частности, по решению VI пленума ЦК 12-го созыва (2012) создан специальный партийный орган – Комитет по противодействию коррупции, подчинённый Политбюро ЦК, а в Секретариате ЦК восстановлен Отдел внутренней политики. Такие же отделы созданы во всех провинциальных и городских комитетах компартии.

В июне 2018 г. органы партийного контроля получили право запрещать покидать пределы страны тем членам КПВ, которые подозреваются в причастности к коррупции, злоупотреблении властными полномочиями. Эта мера, по мнению ЦК КПВ, должна предотвратить попытки коррупционеров скрыться от вьетнамского правосудия за рубежом [Подозреваемым в коррупции: 17.06.2021]. Другой жёсткой мерой, направленной на наказание коррупционеров, стало предоставление органам партийного контроля права арестовывать имущество, нажитое преступным путем. Впоследствии оно может быть конфисковано в доход государства, и,

возможно, это еще один фактор, который заставит чиновников лишний раз задуматься, стоит ли совершать противоправные действия.

В рамках кампании за два года после XII съезда, к концу 2018 г. были приняты дисциплинарные меры в отношении 53 306 членов партии. Из них 1300 были привлечены к суду, наказаны за коррупцию и другие преступления. В 2019 г. Контрольная комиссия ЦК КПВ выявила много новых серьезных правонарушений. В период между XII и XIII съездами взыскания получили более 90 должностных лиц, входящих в номенклатуру ЦК КПВ, в том числе 21 бывший и действующий члена ЦК КПВ и два бывших члена Политбюро [Lê Hồng Hiệp: 06.07.2018; Nguyễn Văn Hùng: 10.06.2020]³.

Власти полны решимости довести эту борьбу до победного конца и утверждают, что для неё нет и не будет «запретных зон». Так, правительство СРВ выполнило программу действий по профилактике и борьбе с коррупцией на период до 2020 г. и сейчас проводит оценку её итогов [Thành lập Ban Chỉ đạo: 01.06.2021]. Принята программа на 2021–2025 гг. с акцентом на повышении роли, личной ответственности руководителей и сотрудников госучреждений в противодействии коррупции и обеспечении эффективной профилактики злоупотреблений.

Требование усиления борьбы с моральным перерождением руководящих партийных работников и связанным с этим ростом коррупции проходит красной нитью через документы последних съездов КПВ. Так, в докладе ЦК XII съезду ставилась задача «всемерно бороться против идейно-политической и моральной деградации членов партии, проявлений “самотрансформации” и “самоперерождения”, принимать решительные меры по пресечению и ликвидации явлений коррупции и расточительства» [XII съезд КПВ 2016: 87]. В материалах XII съезда самокритично отмечалось, что проявления коррупции и расточительства в партии остаются крайне серьезными, приобретают более утонченный, сложный характер.

Резолюция XIII съезда КПВ призывает кадровых работников и членов партии «усилить борьбу с коррупцией, расточительством, бюрократизмом, преступностью и социальными пороками» [Nghị quyết Đại hội: 25.02.2021]. Партконференции всех уровней перед съездом осуществляли отбор высоконравственных и квалифицированных работников, которые должны претворять в жизнь эти указания. По мнению В.Н. Колотова, «выбранные среди проверенных товарищей делегаты стали своеобразным заслоном на пути стремившихся к власти коррупционеров и перерожденцев» [Колотов 2021: 39].

В западных странах к работе по выявлению коррупционных дел активно привлекаются неправительственные организации. США и их партнеры всячески поощряют, поддерживают деятельность НПО в СРВ [Мазырин 2007: 103–104], заявляя, что тем самым помогают формировать здесь гражданское общество. Лидеры КПВ–СРВ не решаются в этих целях использовать НПО, чтобы не снизить политическую стабильность в стране, не утратить свои полномочия. В ответ раздается критика, что Ханой не полностью осознал конструктивную роль организаций гражданского общества, а граждане не мобилизованы на борьбу с коррупцией из опасения, что их свободная инициатива подорвет монопольное положение компартии.

³ Для сравнения: за период 2011–2016 гг. нарушения были выявлены в 15 900 партийных организациях, в основном низовых, привлечены к ответственности 56 572 членов партии, в том числе более 15 тыс. руководящих кадров, понесли наказание более 20 тыс. человек.

Наиболее резонансные антикоррупционные дела

К наиболее резонансным антикоррупционным делам можно отнести выявление преступлений, наказание самых высокопоставленных должностных лиц [Top 10 vụ tham nhũng: 12.06.2021]. Самым ярким примером стал суд над группой руководителей ведущей госкорпорации PetroVietnam, которые были арестованы и получили большие тюремные сроки. Среди осуждённых экс-министр транспорта Динь Ла Тханг, который занимал пост председателя правления компании. На момент ареста в декабре 2017 г. был зам. руководителя комиссии ЦК КПВ по экономическим вопросам и членом Политбюро. Он стал первым в истории КПВ функционером столь высокого ранга, отбывающим срок за коррупцию.

Также получил суровое наказание бывший председатель правления PetroVietnam Construction Чинь Суан Тхань⁴. Кроме того, были осуждены еще 20 фигурантов дела о коррупции как в самой государственной нефтегазовой корпорации, так и ряде её дочерних структур [Бывшие топ-менеджеры: 22.01.2018] (рис.3). Входящие в холдинг компании, в том числе банки, строительные фирмы, электростанции и текстильные комбинаты понесли в результате действий коррупционеров убытки в сотни миллионов долларов.

Рис. 3. Суд над обвиняемым Чинь Суан Тханем и другими соучастниками дела о коррупции в PetroVietnam. Ханой, 8 января 2018 г. *Фото ВИА*

Партия развернула борьбу с коррупцией в силовых ведомствах, которые, ввиду огромного влияния и важности для общественной безопасности, до этого были в значительной степени защищены от санкций. В результате 38 старших офицеров, в том числе 23 генерала (среди них

⁴ В июне 2017 г. он был похищен в Берлине сотрудниками госбезопасности СРВ, как сообщали Die Welt и Deutsche Welle, и вскоре оказался в заключении во Вьетнаме. МИД СРВ заявило, что Чинь Суан Тхань добровольно вернулся на родину. Германия осудила эту акцию и даже приостановила двустороннее стратегическое партнерство. Характерно, что международный скандал был быстро замят.

заместители министра общественной безопасности Буй Ван Тхань и Чан Вьет Тан), в 2016–2019 гг. привлечены к дисциплинарной и уголовной ответственности [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020].

В 2019 г. министр информации и коммуникаций Чыонг Минь Туан, его предшественник Нгуен Бак Шон и 12 сообщников в деле, касающемся покупки оператором сотовой связи MobiFone 95 % акций компании AVG, приговорены к тюремному заключению за серьёзные нарушения правил обращения с государственными инвестициями и взяточничество. В том же году было возбуждено более 200 коррупционных дел, к которым причастны около 500 человек. Многие из них осуждены за разворовывание государственной собственности, нарушения правил управления экономикой и должностные злоупотребления [Top 10 vụ tham nhũng: 12.06.2021].

В.Н. Колотов справедливо отмечает еще одну опасность коррупции в современном Вьетнаме – связи коррупционеров с западными странами, где они прячут нелегально полученные доходы. Как следствие происходит вербовка переправивших на Запад свои капиталы и родственников высокопоставленных коррупционеров и управление этой агентурной сетью со стороны спецслужб [Колотов 2019: 7].

Во властных кругах и СМИ CPB эти дела оцениваются как весомый конкретный результат противодействия коррупции, свидетельство его активизации, выполнения Закона о профилактике и борьбе с коррупцией, решимости лидеров страны очистить партийные ряды и госаппарат. На наш взгляд, это важные, но не более как отдельные, даже, возможно, показательные проявления проводимой кампании, далёкой от завершения, хоть их и следует оценить как обнадеживающие.

По словам политолога Ле Хонг Хиэпа, остается неясным, как долго эта кампания будет продолжаться и поможет ли снизить уровень коррупции на местном уровне власти, где она напрямую влияет на повседневную жизнь людей и бизнес. В противном случае граждане будут воспринимать её как политическое шоу [Lê Hồng Hiệp: 06.07.2018]. В государственных структурах, с которыми граждане и бизнес ежедневно вступают в контакт, таких как налоговые и таможенные органы, пока еще не достигнуто чётких признаков улучшения. Например, по опросу, проведённому в рамках гражданской акции «Добьёмся прозрачности», лишь 13 % опрошенных в г. Хошимине и 35 % в Ханое заявили, что коррупция за 2019 г. снизилась [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020]. Поэтому эксперты предлагают сместить акцент кампании по борьбе с коррупцией на более низкий уровень, а не только сосредотачиваться на серьёзных делах, и в то же время призывают реформировать политические и правовые институты для предотвращения коррупции вместо борьбы с ее последствиями. Это сделает антикоррупционную кампанию более устойчивой и эффективной, менее зависимой от какого-либо одного лидера.

Вместе с тем тот факт, что борьба с коррупцией до сих пор идет умеренными темпами, может объясняться большой осторожностью властей. Показательна позиция Нгуен Фу Чонга, который считает, что в этом деле «надо быть спокойным, трезвым, очень мудрым, иметь стратегический взгляд», «бить мышь так, чтобы ваза не разбилась», имея в виду важность политической стабильности в обществе. В итоге антикоррупционная кампания во Вьетнаме с 2016 г. по настоящее время характеризуется «медленным, но устойчивым подходом, сочетающим сильную политическую волю и хорошо продуманную тактику борьбы» [Lê Hồng Hiệp: 05.07.2018]. Следует иметь в виду и тот факт, что кампания замедляет экономическую активность в определённых областях. Поэтому обновлённое после XIII съезда КПВ руководство страны хочет найти баланс между борьбой с коррупцией и поддержанием инициатив по содействию

экономическому росту [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020]. Такой подход особенно востребован в условиях обострения пандемии COVID-19 и её последствий для экономики СРВ в 2021 г.

Заключение

Руководство КПВ за период 2012–2020 гг. предприняло значительные усилия по выявлению и пресечению коррупции в государственном секторе, прежде всего, осуществило комплекс мер по их правовому обеспечению и приведению законодательства в соответствие с международными нормами. Эти усилия принесли определённые позитивные сдвиги, способствовали раскрытию ряда громких дел в высших эшелонах власти. Коррупционные скандалы вызвали возмущение вьетнамской общественности огромными масштабами финансовых преступлений высокопоставленных лиц, но в то же время способствовали укреплению власти борющихся с ними лидеров КПВ.

Тем не менее приходится констатировать, что переломить имеющуюся тенденцию пока не удалось. Коррупция практически повсеместно проникла в мышление и стиль работы государственных служащих и высокопоставленных членов КПВ, оказывает сильное негативное влияние на положение в стране.

Судя по общему настроению во Вьетнаме, можно сделать вывод, что проводимый нынешним руководством КПВ курс на ужесточение борьбы с коррупцией будет продолжен, но ориентирован, как представляется, скорее на низовые партийные и государственные органы. Крупных скандалов с высшими чиновниками, возможно, станет меньше, так как они начали наносить серьёзный ущерб авторитету партии.

Список литературы

ХII съезд Компартии Вьетнама. Документы и экспертные оценки. М.: ИД ФОРУМ, 2016.

Бывшие топ-менеджеры PetroVietnam получили сроки за коррупцию // VietNews, 22.01.2018. URL: <https://vietnews.ru/law/byvshie-top-menedzhery-petrovietnam-poluchili-sroki-za-korrupciyu>

Во Вьетнаме вступил в силу новый антикоррупционный закон. Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/vo_vietname_vstupil_v_silu_novyy_antikorrupsionnyy_zakon (дата обращения 16.06.2021).

Колотов В.Н. Споры в ЮКМ и внутривластная ситуация во Вьетнаме // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 7.

Колотов В.Н. Стратегия развития Вьетнама в документах ХII съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 1. С. 30–51.

Коррупция во Вьетнаме. URL: https://ru.xcv.wiki/wiki/Corruption_in_Vietnam (дата обращения 25.06.2021).

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006 гг.): направления, динамика, результаты. М: ИД ФОРУМ, 2007.

Мазырин В.М. Развитие экономики СРВ в 2011–2015 гг. и перспективы 2016–2020 гг. // ХII съезд Компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. М: ИД ФОРУМ, 2016. С. 259–275.

Не надо бороться с коррупцией – сама пройдет. URL: https://bel.biz/other/ne_nado_borotsya_s_korrupciej_sama_projdet/, 25.11.2013.

Подозреваемым в коррупции во Вьетнаме запретят покидать пределы страны. URL: https://densegodnya.ru/about/article_post/podozrevayemym-v-korrupsii-vo-vyetname-zapretyat-pokidat-predely-strany (дата обращения 17.06.2021).

Чан Хыу Тхан. Антикоррупционная политика как фактор политической стабильности в современном Вьетнаме. Дисс. к. полит. н. РУДН, 2019.

Bai Jie, Seema Jayachandran, Edmund J. Malesky and Benjamin A. Olken. Does Economic Growth Reduce Corruption? Theory and Evidence from Vietnam. NBER Working Paper Series # 194863. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research, 2013.

Corruption Perceptions Index 2020. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/vnm> (дата обращения: 07.07.2021).

Gainsborough Martin. Vietnam: Rethinking the State. London and New York: Zed Books, 2010.

Fford Adam. Vietnamese Patterns of Corruption and Accumulation: Research Puzzles // Journal of Contemporary Asia. 2021 (планируется).

Fritzen Scott. Growth, Inequality and the Future of Poverty Reduction in Vietnam // Journal of Asian Economics. 2002. No. 13:5. P. 635–657.

Hàng loạt dự án giao thông nghìn tỷ ở Hà Nội có sai phạm [В серии транспортных проектов на триллион донгов в Ханое есть просчеты] // VnExpress, 20.07.2017. URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/thoi-su/hang-loat-du-an-giao-thong-nghin-ty-o-ha-noi-co-sai-pham-3615865.html>

Kerkvliet Benedict J.T. An Approach for Analysing State–Society Relations in Vietnam // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2001. No. 16:2. P. 238–278.

Le Hong Hiep. Vietnam's Anti-corruption Campaign: How much is it about Political Infighting? ISEAS, 05.07.2018. URL: <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/vietnams-anticorruption-campaign-how-much-is-it-about-political-infighting-by-le-hong-hiep/>.

Lê Hồng Hiệp. Chiến dịch chống tham nhũng có tiếp tục sau Đại hội 13? [Ле Хонг Хиеп. Продолжится ли антикоррупционная кампания после 13-го съезда?] // Nghiên cứu quốc tế, 30.01.2020. URL: <https://nghiencuuquocte.org/2020/01/30/chien-dich-chong-tham-nhung-co-tiep-tuc-sau-dai-hoi-13>

Lê Hồng Hiệp. Điều gì thúc đẩy cuộc chiến chống tham nhũng ở Việt Nam? [Ле Хонг Хиеп. Что стимулирует борьбу с коррупцией во Вьетнаме?] // Nghiên cứu quốc tế, 06.07.2018. URL: <https://nghiencuuquocte.org/2018/07/06/dieu-gi-thuc-day-cuoc-chien-chong-tham-nhung-o-viet-nam>

Markussen T., Ngo Quang Thanh. Economic and non-economic returns to communist party membership in Vietnam // World Development. 2019. No. 122. P. 370–384.

Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng [Резолюция XIII съезда КПВ] // Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam, 25.02.2021. URL: <https://dangcongsan.vn/xay-dung-dang/ngphi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-575315.html>

Nguyễn Duy Xuân. Tham nhũng vẫn ung dung cười ngạo nghễ [Нгуен Зюи Суан. Коррупция по-прежнему высокомерно улыбается] URL: <http://dantri.com.vn/dien-dan/tham-nhung-van-ung-dung-cuoi-ngao-nghe-20160312111606265.html> (дата обращения: 02.04.2021).

Nguyễn Hà. Thiệt hại từ tham nhũng gần 3 tỷ USD, thu hồi hơn 7% [Нгуен Ха. Коррупция привела к ущербу почти на 3 млрд долл. США, из которых возвращено только 7 %] // VnEconomy, 13.07.2016. URL: <http://vneconomy.vn/thoi-su/thiet-hai-tu-tham-nhung-gan-60000-ty-thu-hoi-hon-7-20160712104449958.htm>

Nguyen Thi Xuan Huong. Valuing Social Capital: Shifting Strategies for Export Success of Vietnamese Small- and Medium-Sized Enterprises. PhD thesis. Victoria Institute of Strategic Economic Studies, Victoria University, Melbourne, Australia, 2018.

Nguyen T.V., Ho B.D., Le C.Q. and Nguyen H. V. Strategic and Transactional Costs of Corruption: Perspectives from Vietnamese Firms Crime // Law and Social Change. 2016. No. 65:4. P. 351–374.

Nguyen Thu Thuy, van Dijk Mathijs A. Corruption, Growth, and Governance: Private vs. State-owned Firms in Vietnam // Journal of Banking and Finance. 2012. No. 36:11. P. 2935–2948.

Nguyễn Văn Hùng. Thực trạng và một số giải pháp phòng, chống tham nhũng ở Việt Nam hiện nay [Нгуен Ван Хунг. Текущая ситуация и некоторые решения по предотвращению и борьбе с коррупцией во

Вьетнаме сегодня] // Tạp chí điện tử Tổ chức nhà nước, 10.06.2020. URL: <https://tcnn.vn/news/detail/47668/Thuc-trang-va-mot-so-giai-phap-phong-chong-tham-nhung-o-Viet-Nam-hien-nay.html>

Rand John, Finn Tarp. Firm-Level Corruption in Vietnam // Economic Development and Cultural Change. 2012. No. 60:3. P. 571–595.

Thành lập Ban Chỉ đạo tổng kết Chiến lược quốc gia phòng chống tham nhũng [Создание Комитета по руководству Национальной стратегией профилактики и пресечения коррупции] // Vietnamnet, 22.12.2020. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/chinh-tri/thanh-lap-ban-chi-dao-tong-ket-chien-luoc-quoc-gia-phong-chong-tham-nhung-699328.html>

Thayer Carlyle A. What's Behind Vietnam's Unprecedented Crackdown on Corruption? // World Politics Review, 17.01.2018. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/23997/whats-behind-vietnam-s-unprecedented-crackdown-on-corruption>

Top 10 vụ tham nhũng lớn nhất Việt Nam hiện nay [10 крупнейших случаев коррупции во Вьетнаме сегодня] URL: <https://10hay.com/top-list/10-vu-tham-nhung-lon-nhat-viet-nam-hien-nay.html#ftoc-heading-6> (дата обращения: 12.06.2021).

Tổng Bí thư Nguyễn Phú Trọng nói về chống tham nhũng: “Sắp tới còn làm mạnh hơn nữa” [Генсек Нгуен Фу Чонг о борьбе с коррупцией: «Скоро она станет сильнее»] // VietNam Finance, 25.07.2020. URL: <https://vietnamfinance.vn/tong-bi-thu-nguyen-phu-trong-noi-ve-chong-tham-nhung-sap-toi-con-lam-manh-hon-nua-20180504224241486.htm>

UNODC: Promoting Health, Security and Justice. 2010 Report. URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/UNODC_Annual_Report_2010_LowRes.pdf (дата обращения 16.06.2021).

Vietnam Corruption Index. URL: <https://tradingeconomics.com/vietnam/corruption-index> (дата обращения: 15.06.2021).

Vu Anh Dao. Investigating the Persistence of Corruption in Vietnam. PhD Thesis. Victoria University of Wellington, 2017.

Авторы:

Кобелев Евгений Васильевич, к. и. н., в. н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Мазырин Владимир Моисеевич, д. э. н., г. н. с., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессор ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 18.06.2021

Дата поступления в переработанном виде: 15.08.2021

Принята к печати: 31.08.2021

E.V. Kobelev, V.M. Mazyrin

CORRUPTION IN VIETNAM AND MEASURES TO COMBAT IT: UNEASY CHALLENGE FOR THE CPV

Abstract. In Russian science the authors are in the first rows of those who have presented detailed characteristics of corruption in present-day Vietnam, including its definition, the degree and causes of the calamity growth, its main manifestations and consequences. The estimation of the scale and the way to overcome corruption is based on the data of international organizations and experts.

The article shows a gradual tightening of the CPV-SRV leadership's policy in this sphere, including trials of certain high-rank corrupters, the ban on leaving the country for party officials suspected in corruption etc. The anticorruption content of relevant official resolutions has been emphasized. As a whole, the efforts being undertaken have been assessed positively jointly with the conclusion that corruption in the Vietnamese society has become the challenge for the ruling party, the challenge which the party cannot combat efficiently, so far.

Keywords: the CPV, political stability, corruption characteristics, the Corruption Perception Index, anticorruption measures and their legal enforcement, Bai-Olken theory

For citation: Kobelev E.V., Mazyrin V.M. (2021). Corruption in Vietnam and Measures to Combat It: Uneasy Challenge for the CPV. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 27–51.

Introduction

In January 2021, the 13th Congress of the Communist Party of Vietnam took place in Hanoi. It formulated the task of making Vietnam a modern, economically wealthy, industrially developed country with a high living standard by 2045, i.e., by the 100th anniversary of its independence. [Nghị quyết Đại hội 2021]. Evidently, a healthy society is implied, too.

At the same time, specialists on Vietnam emphasize that strengthening corruption along with other negative processes in the ruling party and in the government interferes significantly in the solution of the task. Documents of the CPV Congresses, including the 13th Congress (January, 2021), state the relevance of the combat against corruption. It is admitted that corruption has achieved the scale of “national calamity” [Nguyễn Văn Hùng: 10.06.2020]. This determines the importance of a deep analysis of accompanying phenomena missing so far in Russian Oriental studies. This article discusses the problem.

Objective and detailed researches of the phenomenon in Vietnam are usually conducted jointly with Western researchers and are published in the West. In the 2020s, a set of outstanding works has been published: [Nguyen Thu Thuy, and van Dijk 2012]; [Nguyen T.V. et al. 2016]; [Vu Anh Dao 2017]; [Nguyen Thi Xuan Huong 2018]; [Markussen, Ngo Quang Thanh 2019]. The same problems are addressed in the works by Nguyen Van Hung [2020] and Tran Huu Thang [2019]. The authors of this group believe, that without the efficient anticorruption policy and without its rigorous putting into effect, corruption “can lead to the failure of the Communist regime and of the Communist Party of Vietnam” [Tran Huu Than 2019:11]. Independent Vietnamese experts take the positions like Le Hong Hiep, collaborating with the American CSIS.

There are few such works in the RF, because these data are difficult to access. Among Russian colleagues, V.N. Kolotov is the only one who pays the greater attention to the consequences of corruption and measures against it [2019, 2021], but so far, he has not written any special works on the theme. We had to study the current situation on the basis of mass-media materials, on expert estimations and on one of the early researches [Mazyrin 2007: 74–76]. It shows that the serious problem emerged and was addressed many years ago (the opinion of many experts of the CPV circle); it means that for more than twenty years the campaign has been inefficient.

In the West, the corruption matter is used to criticize the SRV political system. In academic literature it is a subject of analysis for such prestigious specialists on Vietnam like A. Fford [Fford 2021], C. Thayer [Thayer 01.17.2018], M. Gainsborough [Gainsborough 2013], B. Kerkvliet [Kerkvliet 2001]. There have appeared profile studies of wider specialties researchers [Fritzen 2002], [Rand & Tarp 2012]; [Bai et al 2013].

Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi, commenting corruption assessment by Transparency International, the leading organization in this sphere, acknowledged that they cannot be precise, irrespective of whether subjective or objective indicators had been used. The well-founded conclusion has been made: inaccuracy and often subjectivity of the basic data can influence the correctness of scientific conclusions on the theme of research [Korruptsiya vo V'etname: 25.06.2021].

Majority of experts analyze the level and manifestations of corruption, the achievements in the combat against it proceeding from the acknowledgement of the urgency of the work and of harm done to society. But as the efficiency of this campaign is low unlike the obvious growth of the Vietnamese economy and the living standard in Vietnam, the US researchers seem to “warrant” the nearest prospect and to direct the means to do the right thing. On Vietnam’s example Jie Bai from the Pennsylvania University and Ben Olken (Massachusetts Institute of Technology) came to the conclusion that corruption is not so serious a problem as they usually believe [Ne nado borot'sya: 25.11.2013]. Their theory argues that gradually economic growth will overcome corruption itself, as corruption and poverty usually go hand in hand. Usually, the high level of corruption is observed in the countries with the low-income level per person. As economy grows and wealth increases, corruption decreases, these countries just “are growing out of” it. As a result, officials, supposedly, lose their wish to take bribes and companies lose their wish to bribe [Bai et al. 2013: 29]. The theory is optimistic. The only question is: How correct are the calculations¹ and when will the effective relief be brought. For the SRV its verification is difficult because of low incomes (the republic belongs to the low subgroup of states with the middle GDP per person) and the plan to achieve the high-income level by 2045, i.e., in a quarter of a century, as the 13th Congress of the CPV declared [Nghị quyết Đại hội 2021].

Other researches argue and the life approves that anticorruption measures assist to increase social wealth of people on the whole, to reduce inequality in incomes and to increase social costs, particularly in public health and education spheres. Also, it is known that corruption level comes down with economic stabilization, including a decline in inflation. There are objective conditions for this in Vietnam [Mazyrin 2016: 259–275].

¹ Economists have studied how businessmen in Vietnam interact with officials and calculated corruption level as a share of bribes in a company income (the data are based on annual surveys by the US Agency for International Development) having compared their dynamics with job growth rates.

The main corruption characteristics in Vietnam

During the recent decades international and national profile departments have constantly recorded a high corruption *level* in current Vietnam. Corruption is considered to be a systemic problem, directly touching all aspects of socioeconomic and sociopolitical life of the Vietnamese state. In particular, they point to great casualties inflicted to the state budget, the low quality of the state apparatus work, deterioration of the justice system. The whole thing undermines the foundations of the socialist system in the SRV, show declining citizens' confidence in the government and the ruling Communist Party, lead to destruction and depreciation of social, ethnic, and other norms [Tran Huu Than 2019: 3]. International organizations call corruption a serious obstacle for the realization of the national development strategy, due to the governing efficiency decrease, it interferes with economic growth and the efforts to reduce poverty, misrepresents competitive conditions in business.

The corruption issue is widely discussed in mass media and on Vietnam's political platforms. Experts and ordinary citizens consider unanimously that corruption will be still more dangerous to the Vietnamese society and create obstacles for its fundamental political and economic modernization. Corruption is reputed the main dangers to social, finance, economic and political stability of the SRV.

Vietnamese researchers and prestigious international organizations assess that for a long time Vietnam has been seriously affected with corruption at all levels. At the same time, there is no significant progress in combating it. Virtually everywhere corruption penetrated into minds and working style of state officials, and of the high rank CPV members. But specialists cannot determine precisely *the essence* of this phenomenon, because corruption in the West differs from that in Vietnam. The Vietnamese call it "protection" (clientelism), and it is part of their culture. They say: "Corruption is everywhere in life: if you want to do something quickly and easily, you must bribe. With no bribe the work will not be completed" [Nguyễn Duy Xuân: 04.02.2017.]

As there is no generally accepted definition, comprehension and measuring of corruption, it is difficult to establish the degree of corruption in Vietnam. Not all the countries, Vietnam among them, subscribe to the corruption definition by NPO Transparency International, though they accept its rating.

The survey done by this international organization in 2016 showed that more than 30% of Vietnam's population are forced to bribe officials to receive administrative permissions. Some consider the scope to be virtually wider, up to 60–70% of population. Maruichi and Abe state that one has to give bribes of USD 50-500 for a license or for business registration. [Korruptsiya vo V'etname: 06.25.2021]. Totally (so in surveys) companies pay informally USD 20-30 thousand annually, i.e., nearly half of their gain, before taxes. [Nguyen T.V. et al. 2016: 362]. State officials and party workers are usually blamed for corruption. They are displeased by the population and business.

According to *the Corruption Perceptions Index 2020* (Transparency International), taking into account 180 countries and territories, Vietnam is perceived the 104th (ranking a score of 36 out of 100), in 2019 the 96th ranking a score of 37 (Fig.1). This is a progress compared to 2012–2015 [Corruption Perceptions Index 2020]. Among SEA countries Vietnam is the 5th, ceding to Singapore, Brunei, Malaysia, and Indonesia. As before, the SRV low position in the crucial international rating allows its Western partners to blame Hanoi for inefficient anticorruption measures, to hint at the CPV power monopoly being the cause of this phenomenon and to pressure it to get concessions [Vietnam Corruption Index].

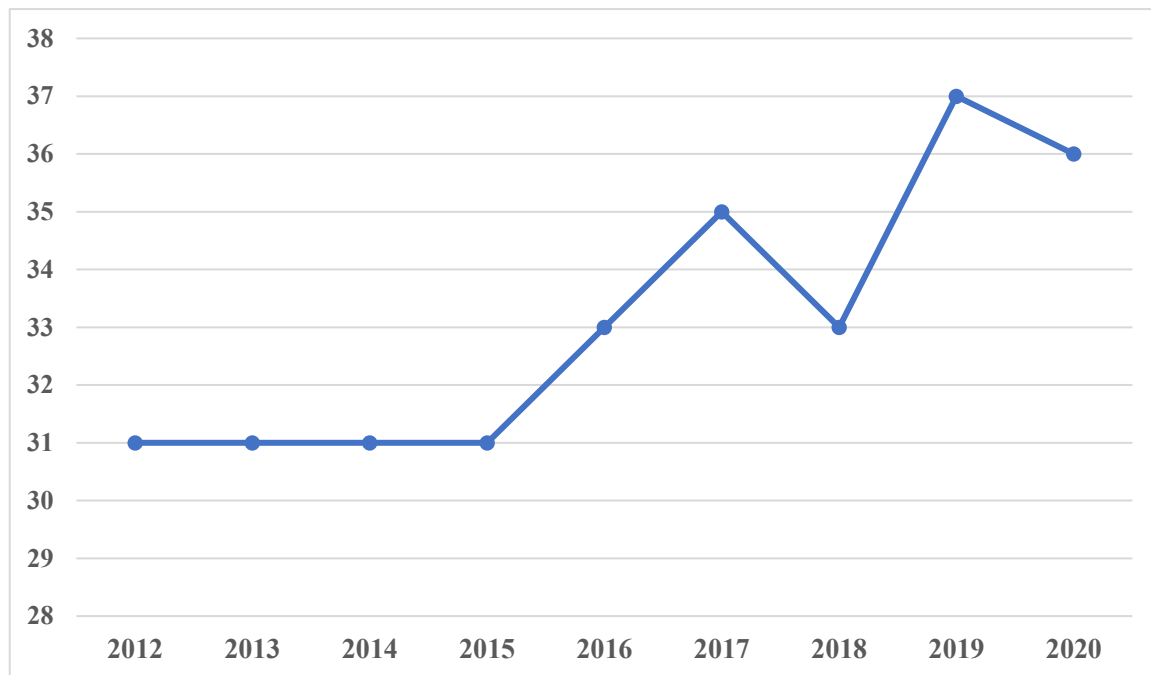

Fig. 1. The assessment of the dynamics of Vietnam's successes in its combat against corruption (scores)

The source: Transparency International [Corruption Perceptions Index 2020]

Publications of Vietnamese mass media and researches by specialists point to the following main *causes* of emergence and development of corruption:

- the role of law enforcement, such as police and the prosecutor's office, is not yet realized fully in the anticorruption combat. Virtually many corruption offences are realized under cover and with the participation of law enforcement itself;
- the normative act, obliging all officials to publish information on their property status and incomes is formal, as it is not applied to any relatives, even next of kin, such as children and spouses;
- the transition from the state management of economy to the free market, the emergence of individual business, privatization of state enterprises create favorable conditions and preconditions for the growth of corruption;
- bribing in order to get offices, posts, diplomas, removal of age restrictions etc. obtains mass character;
- corruption is one of the main consequences of deterioration of moral and ethical values and the life mode of some officials in the government and party workers in the CPV;
- underestimation of the role of citizens and mass media in the anticorruption combat by state authorities. The opinion exists that mass media information is not always trustworthy and some publications are puff pieces, which complicate the activity of monitoring bodies to detect and suppress corruption cases;
- corruption risks are connected with the people's culture and traditions. In all the countries of SEA (also, in Vietnam) there exists a pronounced tradition to make presents (virtually to bribe); people believe that a good motivation is necessary to address any task. Many of them consider

corruption to be useful to maintain harmony in the society, to support individual interests of citizens, including their incomes growth.

In their characteristics of concrete *economic consequences* of corruption in the CPV, mass media and experts point to the following: virtually corruption devours part of means from the state budget, as it usually happens in the construction industry (purchasing materials, financing, audit organization etc.). Contractors are often appointed with no competitive tenders and the budget of construction projects exceed actual costs. The governmental inspection data show that from 2008 to 2015 real competitive tenders in the sphere of transportation and environmental protection in Hanoi related but to one of 15 projects. Contractors of the rest projects were appointed breaking the law. Later these projects' realization terms extended and the costs exceeded 1 trillion dongs (about USD 50 million) [Hàng loạt dự án: 03.26.2020]. As a result, many objects of the state-owned property fell into hands of high-rank executives. Virtually, in this way the cohort of "red capitalists" is being formed.

At the conference (July 12, 2016) on the estimation of the anticorruption law realization from 2005 to 2015 the SRV Government published the data of economic losses due to ten years of corruption: in sum they amounted to USD 3 billion. Only 7.8% of the stolen sum returned to the budget [Nguyễn Hà: 04.02.2017]. Corruption brings down competitiveness of enterprises, as some of them having no sufficient capacities cannot implement their commitments, which leads to the loss of confidence and other consequences, such as the low quality of construction.

Corruption damages investment and business environment. Due to unofficial expenses (investors bribe to win the contract), the general budget of projects increases and profitability decreases; investors often hesitate about investing. Besides, due to such phenomena as bribing, corruption, privileges, and nepotism, the enterprises which obey the law get into an inequal, disadvantageous economic situation. As a result, in Vietnam, like in other countries with the high corruption level, entrepreneurial and investment activities are at risks, slowing down economic growth.

In trade and economic relationships between countries corruption threatens projects efficiency, affecting the partners' international prestige. It reduces donor's confidence due to a low utilization of funds having been got for implementation of many projects of social and economic development.

It is clear, that both direct economic losses and indirect ones, due to corruption, are equally dangerous. Direct losses mean shortfalls in the state budget, indirect ones lead to the general decrease of economic efficiency.

The activization of the anticorruption policy

Realizing the danger of the current situation, the CPV leadership and the SRV government adopted numerous resolutions, strategies, political and legal measures to prevent and stop corruption.

One of the chief champions of restoring order is Nguyen Phu Trong, the General Secretary of the Central Committee of the CPV. This was the chief reason to elect him for the third term in 2021. He steers a strict and consistent course of uncompromising anti-corruption combat in all its forms (Fig. 2) [Tổng Bí thư Nguyễn Phú Trọng: 07.25.2020]. V.N. Kolotov is of the opinion that Nguyen Phu Trong initiated the anticorruption program *Đốt lò* (The blazing furnace) on cleansing the country leadership of compromised elements, and that campaign was of great importance in the Party's self-cleansing [Kolotov 2021: 38–39].

Fig. 2. General Secretary of CC CPV Nguyen Phu Trong speaking at the session on anticorruption measures on July 26, 2019. *Photo: VIA*

The law on anticorruption combat was adopted in 2005. The World Bank estimates that it is one of the best anticorruption legal acts in Asia. Martini, one of the report preparers of Transparency International, mentions that the definitions, frameworks and criteria used in the law are borrowed either from Western sources and organizations or from those sponsored by the West. No surprise, that the law is complicated for Vietnam, but it says a lot about the orientation of Vietnam's leaders [Korruptsiya vo V'etname: 06.25.2021].

On December 9, 2019, updated anticorruption law № 36/2018/QH14 (Luật phòng, chống tham nhũng) came into force in Vietnam. It was the first document that introduced the concept of "conflict of interests" in legislation. The normative acts applied to the law interpret the practice of restrictions imposed for former state officials who aspire to positions in certain organization of the nongovernmental sector. Also, they introduce the updated rules of making and receiving presents by state officials [Vo V'etname vstupil v silu: 06.16.2021].

Commercial organizations are required by the law to adopt the code of conduct and to introduce the internal control to prevent conflicts of interests and corruption, as well as to form the culture of incorruptibility in organizations. Separate organizations of the nongovernmental sector (public companies, credit organizations etc., created by decision of high authorities, as well as public organizations with rules allowing to collect offerings of population) are required by the same regulations as state organizations, i.e., information disclosure and transparency of activity, conflicts of interests, responsibility of leaders and their deputies for corruption in their organizations.

In 2009, the SRV ratified the UN Convention against Corruption, having promised to adopt relevant measures. After that the anticorruption campaign in Vietnam acquired more systemic character. As a result, the report for 2010 of the UN Office on Drugs and Crime (UNODC) mentions the partial implementation of various articles of the Convention in Vietnam, such as the tightening the bribery and

felony theft laws. The report says that the SRV authorities intensify the anticorruption campaign, having arrested some officials of high rank. However, these arrests could have been politically motivated. Despite some progress, the UNODC report shows that some articles of the Convention have not been implemented. Thus, bribery in the sphere of individual business has not been criminalized, though this sphere is the main one in Vietnam's economy [UNODC 2010].

Also, the CPV strengthened supervision. Thus, by decision of the 6th CC Plenum of the 12th convocation (2012) there was established a special Party body, namely, the Anticorruption Committee under the CC Politbureau, and the Domestic Policies Department was restored in the CC Secretariat. The same departments were established in all provincial and municipal committees of the Communist Party.

In June 2018, the Party control bodies got the right to ban leaving the country to those CPV members who are suspected of being involved in corruption and abusing their authority. This measure is expected to prevent corrupters' attempts to avoid the Vietnamese justice abroad [Podozrevaemym v korrupcii: 06.17.2021]. Another strict measure for corrupters' punishment is the right of the Party control bodies to seize the property obtained by criminal means. Further it can be confiscated and returned to the state. This is another possible factor to make officials to think whether it is worth committing unlawful acts.

During the two years after the 12th Congress (by the end of 2018) a disciplinary action had been taken against 53306 Party members in the frameworks of the anticorruption campaign. 1300 of them had been brought to justice, punished for corruption and other crimes. In 2019 the Control Commission of the CPV Central Committee revealed many new serious unlawful acts. In the years between the 12th and 13th Congresses more than 90 officials of the CPV Central Committee nomenclature were submitted to the disciplinary action, 21 former and current Central Committee of the CPV members and two former members of the Politburo among them [Lê Hồng Hiệp: 07.06.2018; Nguyễn Văn Hùng: 06.10.2020].²

The authorities are resolute to fight for the victory. They argue that there are no and there must be no "prohibited zones" for the sake of the victory. Thus, the SRV government has completed the program of preventive anticorruption measures for 2020 and is assessing its result now [Thành lập Ban Chỉ đạo: 06.01.2021]. The program for 2021–2025 has been adopted. It emphasizes an increased role and individual responsibility of leaders and employees of governmental institutions in combating corruption and in efficient preventive measures against abuses.

The requirement to strengthen the combat against moral degeneration of party leaders and the further corruption growth is the central theme of the recent CPV Congresses documents. Thus, the CC report to the 12th Congress set the task "to fight in every possible way the ideological, political and moral degradation of party members, as well as manifestations of "self-transformations" and "self-degradation", to take strict measures to stop and eliminate corruption and profligacy" [XII s"ezd Kompartii 2016: 87]. The 12th Congress documents said that cases of corruption and profligacy in the Party still are extremely serious, becoming more refined and complicated.

The 13th CPV Congress calls party workers and members "to strengthen the combat against corruption, profligacy, bureaucracy, crime and social vices" [Nghị quyết Đại hội: 02.25.2021]. Before

² To compare, in 2011–2016 the abuses were revealed in 15900 party organizations, most of them grass-roots organizations. 56572 party members had been brought to justice, more than 15,000 leaders among them, more than 20,000 persons were punished.

the 13th Congress, Party conferences at all levels elected highly moral and qualified workers for realization of these instructions. In V.N. Kolotov's opinion, "the delegates having been elected among the true comrades were a kind of a covering force in the way of corrupters and renegades driving for power" [Kolotov 2021: 39].

Western countries actively attracted nongovernmental organizations to reveal corruption cases. The US and its partners are encouraging the NPO activity in the SRV in every way possible [Mazyrin 2007: 103–104], stating that they assist to form civil society here. The CPV-SRV leaders do not dare to attract NPO not to damage political stability in Vietnam and not to lose their power. In response they hear criticism that Hanoi is not aware of constructive role of civil society organizations, and citizens are not mobilized to fight corruption because of the fear that their free initiative will undermine the Communist party monopoly.

The most high-impact anticorruption cases

Malfeasances by officials of the highest rank and their punishment can be considered such cases [Top 10 vụ tham nhũng: 06.12.2021]. The brightest example was the trial of a group of the state corporation PetroVietnam leaders. They were arrested and got lengthy jail terms. Dinh La Thang, the former Minister of Transport, the Chairman of the Board of the company, was convicted on the case. In December of 2017, when arrested, he was the Deputy Leader of the Central Committee of the CPV Commission on Economy and one of the Politburo members. He was the first official of such a high rank in the CPV history, who served his sentence for corruption.

Also, Trinh Xuan Thanh, the former chairman of the Board of PetroVietnam Construction, was severely punished.³ Besides them, other twenty persons of interest in the corruption case were sentenced. They worked in the state petroleum corporation and in several subsidiary companies. [Byvshie topmenedzhery: 22.01.2018] (Fig. 3). As a result of the corrupters' actions, the holding companies, including banks, construction firms, power stations, and textile factories, suffered losses of hundreds of millions of dollars.

The Party is fighting corruption in security forces, which, due to their great influence and importance for public security, used to be significantly protected against sanctions. As a result, 38 senior officers, including 23 generals (Bui Van Thanh, Deputy Minister of Public Security, and Tran Viet Tan among them) were prosecuted in 2016–2019 [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020].

In 2019, Truong Minh Tuan, the Minister of Information and Communications, his predecessor Nguyen Bac Son and 12 persons of interest in the case of buying 95% of company AVG shares by MobiFone mobile operator, were sentenced to imprisonment for the violence of the rules of state investments and bribery. The same year, there were initiated more than 200 corruption cases, i.e., about 500 persons were involved in the case. Many of them were sentenced for the theft of large amounts of state propriety, violence of economy managing rules and malfeasance [Top 10 vụ tham nhũng: 12.06.2021].

³ In June 2017, he was kidnapped in Berlin by state security officers of the SRV, as Die Welt and Deutsche Welle had informed, and soon was imprisoned in Vietnam. The SPV Ministry of Foreign Affairs stated that Trinh Xuan Thanh had returned to Vietnam voluntarily. Germany denounced that state of affairs and even put the bilateral strategic partnership on hold. Typically, the international scandal had soon been put to a stop.

Fig. 3. The trial of convicted Trinh Xuan Thanh and other persons of interest of the PetroVietnam corruption case. Hanoi, January 8, 2018. *Photo VIA*

V.N. Kolotov justly mentions another danger of corruption in current Vietnam, namely, corrupters' connections with the Western countries, where they conceal their illegal proceeds. As a consequence, the intelligence services recruit those who transferred their capitals to the West and relatives of the corrupters of high rank as well as the management of this spy ring by intelligence services [Kolotov 2019: 7].

The ruling circles and mass-media of the SRV assess these cases as a significant result of anticorruption actions, the evidence of their intensification; the anticorruption law is enforced and the leadership of Vietnam is determined to cleanse the Party rows and the Government. In our opinion, they are important, but fragmentary demonstrations of the anticorruption campaign. Still, it is far from its completion, though it deserves to be assessed as a reassuring one.

According to Le Hong Hiep, a political scientist, it is still unclear, how long this campaign will last and if it will be of use to decrease authorities' corruption at local level, where it affects immediately the everyday life and business. Otherwise, people will consider the campaign to be but a political show [Lê Hồng Hiệp: 07.06.2018]. The institutions being in everyday contact with citizens and business, such as tax and customs bodies, do not show clear signs of improvement, so far. Thus, the survey conducted in the frameworks of the action for transparency showed that only 13% of respondents in Ho Chi Minh City said that during 2019 corruption had been decreasing [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020]. Therefore, experts suggest that the campaign focus should be shifted to a lower level, concentrating not only on high-impact cases. At the same time, they call to reform political and legal institutions to prevent corruption, instead of combating its consequences. This will make the anticorruption campaign more stable and efficient, less dependent on some leaders.

At the same time, moderate pace of the anticorruption campaign in Vietnam is probably due to authorities being cautious. Thus, Nguyen Phu Trong is of the opinion that in this case "one must be quiet, sober, very wise and have strategic view", "to kill the mouse, but not to break the vase", implying the

importance of political stability in the society. As a result, since 2016 the anticorruption campaign in Vietnam has been characterized with “slow but stable approach, combining strong political will and well-thought-out tactics of the combat” [Lê Hồng Hiệp: 05.07.2018]. It is noteworthy that this campaign entails the economic slowdown in some fields. Therefore, the leadership of Vietnam, renovated after the 13th CPV Congress wishes to find balance between the anticorruption combat and the support of initiatives to contribute to the economic growth [Lê Hồng Hiệp: 30.01.2020]. This approach is particularly needed in the conditions of COVID-19 pandemic increase and its consequences for the SRV economy in 2021.

Conclusion

During 2012–2020, the CPV leadership has taken significant efforts to reveal and put an end to corruption in the state sector. First and foremost, it has taken measures to support the actions legally and to bring them into line with international legal norms. These efforts have brought certain positive shifts assisting to detect a set of big cases in the highest levels of government. Corruption scandals aroused the indignation of the Vietnamese community with the immense scope of financial crimes of high-rank persons. At the same time, they helped to strengthen the positions of the CPV leaders who combatted corruption.

Nevertheless, the existing tendency could not be broken, so far. Virtually everywhere corruption penetrated into minds and working style of state officials and the CPV members of high rank, having a strong negative effect on the conditions in Vietnam.

To all appearances, one can conclude that the current CPV leadership’s course to strengthen the anticorruption campaign will go on in Vietnam, but it seems to be oriented to grass-roots party and governmental bodies. Big scandals seem to decrease, as they are of great harm to the Party prestige.

References

- XII s'ezd Kompartii V'etnama. Dokumenty i ekspertnye ocenki [XII Congress of the Communist Party of Vietnam. Documents and expert assessments] (2016). M.: Forum.
- Bai Jie, Jayachandran Seema, Malesky Edmund J. and Olken Benjamin A. (2013). *Does Economic Growth Reduce Corruption? Theory and Evidence from Vietnam*. NBER Working Paper Series # 194863. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research.
- Byvshie top-menedzhery PetroVietnam poluchili sroki za korrupciyu [Former top managers of PetroVietnam received sentences for corruption] (2018). *VietNews*, January 22. URL: <https://vietnews.ru/law/byvshie-top-menedzhery-petrovietnam-poluchili-sroki-za-korrupciyu>
- Corruption Perceptions Index 2020. Retrieved on 07.07.2021 from URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/vnm>
- Fford, Adam (2021, forthcoming). Vietnamese Patterns of Corruption and Accumulation: Research Puzzles. *Journal of Contemporary Asia*.
- Fritzen Scott (2002). Growth, Inequality and the Future of Poverty Reduction in Vietnam. *Journal of Asian Economics*, 13 (5): 635–657.
- Gainsborough Martin (2010). *Vietnam: Rethinking the State*. London and New York: Zed Books.
- Hàng loạt dự án giao thông nghìn tỷ ở Hà Nội có sai phạm [Hanoi Trillions of VND Transportation Projects Have Miscalculations] (2017). *VnExpress*, July 20. URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/thoi-su/hang-loat-du-an-giao-thong-nghin-ty-o-ha-noi-co-sai-pham-3615865.html>

Kerkvliet Benedict J.T. (2001) An Approach for Analysing State-Society Relations in Vietnam. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*, 16(2) :238–278.

Kolotov V.N. (2019) Disputes in the SKM and the internal political situation in Vietnam. *Asia and Africa today*, 7: 7.

Kolotov V.N. (2021) The Development Strateg of Vietnam in the Documents of the 13th Congress of the CPV. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 1: 30–51.

Korruptsiya vo V'etname [Corruption in Vietnam]. Retrieved on 25.06.2021 from URL: https://ru.xcv.wiki/wiki/Corruption_in_Vietnam

Lê Hồng Hiệp (2018). Điều gì thúc đẩy cuộc chiến chống tham nhũng ở Việt Nam? [What drives the fight against corruption in Vietnam?] *Nghiên cứu quốc tế*, July 6. URL: <https://nghiencuuquocte.org/2018/07/06/dieu-gi-thuc-day-cuoc-chien-chong-tham-nhung-o-viet-nam>

Le Hong Hiep (2018). *Vietnam's Anti-corruption Campaign: How much is it about Political Infighting?* ISEAS, July 5. URL: <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/vietnams-anticorruption-campaign-how-much-is-it-about-political-infighting-by-le-hong-hiep/>

Lê Hồng Hiệp (2020). Chiến dịch chống tham nhũng có tiếp tục sau Đại hội 13? [Will the anti-corruption campaign continue after the 13th Congress?]. *Nghiên cứu quốc tế*, January 30 URL: <https://nghiencuuquocte.org/2020/01/30/chien-dich-chong-tham-nhung-co-tiep-tuc-sau-dai-hoi-13>

Markussen T., Ngo Quang Thanh (2019). Economic and non-economic returns to communist party membership in Vietnam. *World Development*, 122: 370–384.

Mazyrin V.M. (2007) *Reformy perekhodnogo perioda vo V'etname (1986–2006 gg.): napravleniya, dinamika, rezul'taty* [Transitional reforms in Vietnam (1986–2006): directions, dynamics, results]. M: Forum.

Mazyrin V.M. (2016) Razvitie ekonomiki SRV v 2011–2015 gg. i perspektivy 2016–2020 gg. In: *XII s"ezd Kompartii V'etnama: dokumenty i ekspertnye ocenki*. [Development of the SRV economy in 2011–2015. and prospects for 2016–2020. In: *XII Congress of the Communist Party of Vietnam: documents and expert assessments*]. M: Forum. P. 259–275.

Ne nado borot'sya s korruptsiej – sama projdet [There is no need to fight corruption - it will pass by itself]. URL: https://bel.biz/other/ne_nado_borotsya_s_korruptsiej_sama_projdet/, 25.11.2013.

Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng [Resolution of the XIII Congress of the CPV] (2021). Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam, February 25. URL: <https://dangcongsan.vn/xay-dung-dang/nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-575315.html>

Nguyễn Duy Xuân. *Tham nhũng vẫn ung dung cười ngạo nghễ* [Corruption still smiles arrogantly]. Retrieved on 02.04.2021 from URL: <http://dantri.com.vn/dien-dan/tham-nhung-van-ung-dung-cuoi-ngao-nghe-20160312111606265.html>

Nguyễn Hà. Thiệt hại từ tham nhũng gần 3 tỷ USD, thu hồi hơn 7% [Corruption caused nearly \$ 3 billion in damage, of which only 7% was returned] (2016). *VnEconomy*, July 13. URL: <http://vneconomy.vn/thoi-su/thiet-hai-tu-tham-nhung-gan-60000-ty-thu-hoi-hon-7-20160712104449958.htm>

Nguyen T.V., Ho B.D., Le C.Q. and Nguyen H. V. (2016) Strategic and Transactional Costs of Corruption: Perspectives from Vietnamese Firms Crime. *Law and Social Change*, 65 (4): 351–374.

Nguyen Thi Xuan Huong (2018). *Valuing Social Capital: Shifting Strategies for Export Success of Vietnamese Small- and Medium-Sized Enterprises*. PhD thesis. Victoria Institute of Strategic Economic Studies, Victoria University, Melbourne, Australia.

Nguyen Thu Thuy, van Dijk Mathijs A. (2012) Corruption, Growth, and Governance: Private vs. State-owned Firms in Vietnam. *Journal of Banking and Finance*, 6 (11): 2935–2948.

Nguyễn Văn Hùng (2020). Thực trạng và một số giải pháp phòng, chống tham nhũng ở Việt Nam hiện nay [Current situation and some solutions to prevent and combat corruption in Vietnam today]. *Tạp chí điện tử Tổ*

chức nhà nước, June 10. URL: <https://tcnn.vn/news/detail/47668/Thuc-trang-va-mot-so-giai-phap-phong-chong-tham-nhung-o-Viet-Nam-hien-nay.html>

Podozrevaemym v korrupcii vo V'etname zapretyat pokidat' predely strany [Corruption suspects in Vietnam will be banned from leaving the country]. Retrieved on 17.06.2021 from URL: https://densegodnya.ru/about/article_post/podozrevayemym-v-korrupsii-vo-vyetname-zapretyat-pokidat-predely-strany

Rand John, Finn Tarp (2012). Firm-Level Corruption in Vietnam. *Economic Development and Cultural Change*, 60 (3): 571–595.

Thành lập Ban Chỉ đạo tổng kết Chiến lược quốc gia phòng chống tham nhũng [Establishment of the Committee for the Governance of the National Strategy for the Prevention and Suppression of Corruption] (2020). Vietnamnet, December 22. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/chinh-tri/thanh-lap-ban-chi-dao-tong-ket-chien-luoc-quoc-gia-phong-chong-tham-nhung-699328.html>

Thayer, Carlyle A. (2018) What's Behind Vietnam's Unprecedented Crackdown on Corruption? *World Politics Review*, January 17. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/23997/whats-behind-vietnam-s-unprecedented-crackdown-on-corruption>

Tổng Bí thư Nguyễn Phú Trọng nói về chống tham nhũng: “Sắp tới còn làm mạnh hơn nữa” [Secretary General Nguyen Phu Trong on the fight against corruption: "Soon it will be stronger"] (2020). *VietNam Finance*, July 25. URL: <https://vietnamfinance.vn/tong-bi-thu-nguyen-phu-trong-noi-ve-chong-tham-nhung-sap-toi-con-lam-manh-hon-nua-20180504224241486.htm>

Top 10 vụ tham nhũng lớn nhất Việt Nam hiện nay [Top 10 Corruption Cases in Vietnam Today] Retrieved on 12.06.2021 from URL: <https://10hay.com/top-list/10-vu-tham-nhung-lon-nhat-viet-nam-hien-nay.html#ftoc-heading-6>

Tran Huu Than (2019). *Antikorrupcionnaya politika kak faktor politicheskoy stabil'nosti v sovremennom V'etname* [Anti-corruption policy as a factor of political stability in modern Vietnam]. The Ph.D. (Politics) thesis, RUDN University.

UNODC: Promoting Health, Security and Justice. 2010 Report. Retrieved on 16.06.2021 from URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/UNODC_Annual_Report_2010_LowRes.pdf Vietnam Corruption Index. URL: <https://tradingeconomics.com/vietnam/corruption-index>

Vo V'etname vstupil v silu novyj antikorrupcionnyj zakon. Antikorrupcionnyj centr NIU VShE [A new anti-corruption law has come into force in Vietnam. HSE Anti-Corruption Center]. Retrieved on 16.06.2021 from URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/vo_vietname_vstupil_v_silu_novyy_antikorrupsionnyy_zakon

Vu Anh Dao (2017). *Investigating the Persistence of Corruption in Vietnam*. PhD Thesis. Victoria University of Wellington.

Authors:

Kobelev Yevgeny V., Ph.D. (History), Leading Researcher, Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Mazyrin Vladimir M., D.Sc. (Economy), Chair in Centre for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS; Professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Article history:

Received: June 18, 2021

Received in revised form: August 15, 2021

Accepted: August 31, 2021

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-52-70

Тю Тхи Май Фыонг, Ты Тхюи Ань, Динь Тхи Тхань Бинь ФАКТОРЫ ДЕГРАДАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ВО ВЬЕТНАМЕ: РОЛЬ ИННОВАЦИЙ*

Аннотация. Целью исследования является эмпирическое изучение взаимосвязи инноваций, потребления энергоресурсов, открытости торговли, урбанизации, экономического роста и выбросов углекислого газа во Вьетнаме в период 1986–2020 гг. В статье дана оценка ранее не изученного воздействия технологических инноваций на выбросы углекислого газа во Вьетнаме. Сделано несколько важных выводов. *Во-первых*, выявлена отрицательная связь между технологическими инновациями и выбросами углекислого газа во Вьетнаме. *Во-вторых*, приведены доказательства гипотезы о «загрязнённой гавани», подтверждающие, что открытость торговли привела к ухудшению состояния окружающей среды во Вьетнаме. *В-третьих*, пересмотрена гипотеза, основанная на экологической кривой Кузнеця, и доказано, что по мере экономического роста во Вьетнаме качество окружающей среды начинает улучшаться. *В-четвертых*, признано, что деградацию окружающей среды усиливает потребление энергоресурсов, в то время как урбанизацию, похоже, не стоит в этом винить. При разработке политики по снижению деградации окружающей среды во Вьетнаме, помимо увеличения государственных инвестиций в инновации, автор предлагает учитывать уровень открытости торговли и потребления энергоресурсов в стране, а не урбанизацию и экономический рост.

Ключевые слова: выбросы углекислого газа, инновации, торговая открытость, урбанизация, экономический рост

Для цитирования: Тю Тхи Май Фыонг, Ты Тхюи Ань, Динь Тхи Тхань Бинь. Факторы деградации окружающей среды и экономического роста во Вьетнаме: роль инноваций // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 52–70.

Введение

В последние годы влияние экономической деятельности на выбросы углекислого газа вызывает растущую озабоченность. На международном уровне эта озабоченность проявилась в проведении экологических конференций в Стокгольме в 1979 г., Рио-де-Жанейро в 1992 г., Йоханнесбурге в 2002 г., Копенгагене в 2009 г. и Дурбане в декабре 2011 г. Многие страны, включая Вьетнам, сталкиваются с серьёзной проблемой, которая вызвана многовекторными связями между экономическими, социальными и экологическими аспектами развития. Вьетнам вместе с такими организациями, как Организация Объединённых Наций и

* Это исследование было поддержано грантом Министерства образования и подготовки кадров СРВ в рамках проекта B2020_NTH-01 «Влияние технологий и инноваций на занятость на предприятиях обрабатывающей промышленности Вьетнама».

Всемирный экономический форум, предпринял некоторые попытки уменьшить негативное воздействие на экономику глобального потепления и изменения климата. В целях сокращения выбросов парниковых газов в 1997 г. был принят Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Он предусматривал ограничение выбросов парниковых газов с 2008 по 2012 г. на 5,2 % по сравнению с уровнем 1990 г. Вьетнам подписал Киотский протокол, однако экологические проблемы, учитывая его экономический рост, всё ещё существуют. За последние два десятилетия страна стала самым быстрорастущим источником выбросов парниковых газов на душу населения в мире с их ежегодным увеличением примерно на 5% [World Bank 2021].

Во Вьетнаме, как и во всем мире, среди важных движущих сил роста выброса парниковых газов доминирует энергетический сектор. По данным Института мировых ресурсов (2020), на сегодняшний день при потреблении энергоресурсов производятся чудовищные 73 % этих газов [World Resources Institute 2020]. С другой стороны, в течение последних нескольких десятилетий в социально-экономическом развитии Вьетнама энергия играла важную роль не только как топливо, необходимое для роста экономики, но и как основной источник экспортных доходов страны, ВВП, а также доходов государственного бюджета. Несмотря на значительный вклад в экономику Вьетнама, энергетика с её ускоренной эксплуатацией природных ресурсов создаёт серьёзные риски для их дальнейшего сохранения и, соответственно, устойчивого экономического развития и в определённой степени препятствует инновациям и инвестициям, направленным на создание новых возможностей взамен зависимости от полезных ископаемых.

Помимо потребления энергоресурсов, на выбросы углекислого газа влияют и другие движущие сила экономического роста – урбанизация, открытость торговли и инновации. В настоящее время Вьетнам переживает один из самых быстрых в мире этапов развития урбанизации. Быстрый рост городов серьёзно повлиял на качество окружающей среды и нанёс вред здоровью населения. Что касается открытости торговли, то её либерализация привела к более высокому уровню инвестиций, но при этом большая часть ПИИ по-прежнему сосредоточена в сфере деятельности, связанной с интенсивным загрязнением окружающей среды.

В эпоху цифровых технологий технологические инновации стимулируют рост энергоэффективности и производительности, поэтому они считаются решением экологических проблем [Balsalobre et al. 2018; Samargandi 2017]. Следовательно, технологические инновации, несомненно, играют важную роль в сокращении выбросов углекислого газа. Однако эмпирическая связь между инновациями и выбросами CO₂ оказалась не везде одинаковой. Этот эффект отличается в разных странах и регионах в зависимости от местных особенностей, политики, инфраструктуры и характера самих инноваций.

Таким образом, целью исследования является эмпирическое изучение взаимосвязи между инновациями, потреблением энергоресурсов, открытостью торговли, урбанизацией, экономическим ростом и выбросами углекислого газа во Вьетнаме в период 1986–2020 гг., а также формулирование практических выводов для Вьетнама в отношении зелёного развития.

Обзор литературы и отчёт об исследовании

Связь между потреблением энергоресурсов, инновациями, экономическим ростом и выбросами углекислого газа ранее изучалась в экономических работах Али и соавторов [Ali et al. 2017, 2018a), Кумара и Манаги [Kumar, Managi 2009], Хелпмана [Helpman 1998], Шабаза и

соавторов [Shabaz et al. 2012], Озтюрка и Алумами [Ozturk, Alumami 2011]. По каждому из определяющих факторов в литературе получены определённые эмпирические результаты. Исследования [Shabaz et al. 2012; Ali et al. 2018] показали, что потребление энергоресурсов положительно влияет на выбросы углекислого газа, поскольку высокотемпературная обработка в процессе производства и потребления энергии вызывает выброс большого количества двуокиси углерода. Что касается воздействия инноваций, результаты довольно неоднозначны. Фан и соавторы [Fan et al. 2006] отметили, что технологические инновации и CO₂ связаны, но в разных странах эта связь имеет свои особенности. Кумар и Манаги [Kumar and Managi 2009] показали, что технологические инновации сокращают выбросы углекислого газа в развитых странах, но увеличивают его выбросы в развивающихся странах.

Что же касается гипотезы о «загрязнённой гавани», то ожидаемое влияние открытости торговли на выбросы CO₂ в экономической литературе имеет неоднозначную оценку. В то время как Насир и Рехман [Nasir and Rehman 2001], а также Халиджиоглу [Halicioglu 2009] поддерживают гипотезу о «загрязнённой гавани», то есть считают, что между открытостью торговли и выбросами CO₂ существует положительная взаимосвязь, Хелпман [Helpman 1998], Шабаз и соавторы [Shabaz et al. 2012] предполагают обратное. Влияние урбанизации на выбросы CO₂ также оценивается неоднозначно. Например, Ван и соавторы [Wang et al. 2016], а также Дуган и Туркекул [Dugan, Turkecul 2016] считают, что существует активное влияние, а Йорк и соавторы [York et al. 2003], Сю и Чжан [Xu, Zhang 2016], а также Али и соавторы [Ali et al. 2017] придерживаются мнения, что взаимосвязь отрицательная.

Кроме того, влияние экономического роста на выбросы CO₂ свидетельствует о реальности экологической кривой Кузнеця. Выбросы углекислого газа увеличиваются по мере развития экономики в ранний период её подъема из-за экстенсивного роста тяжёлой промышленности. Однако по мере повышения национального дохода производство предприятий тяжёлой промышленности постепенно сокращается благодаря технологическим достижениям и переходу на сервисное обслуживание, что ведёт к обратной зависимости между развитием и качеством окружающей среды. Поэтому, согласно Халиджиоглу [Halicioglu 2009], Пао и Цай [Pao, Tsai 2011], а также Озтюрку и Алумами [Ozturk, Alumami 2011], ожидается, что в долгосрочной перспективе это воздействие будет отрицательным.

Что касается исследований по Вьетнаму, Танг и соавторы [Tang et al. 2016], Нгуен и Ле [Nguyen, Le 2018] рассмотрели взаимосвязь между экономическим ростом и выбросами углекислого газа, а Линь и Лин [Linh, Lin 2014] изучали взаимосвязь между потреблением энергоресурсов, экономическим ростом и прямыми иностранными инвестициями. Ты [Tu 2021] добавила ещё одну характеристику, отметив, что корпоративная экологическая ответственность имеет отличия у компаний разных секторов (например, в секторе ПИИ, государственном и негосударственном), в то время как Као [Cao 2017] показал неоднозначное влияние открытости на окружающую среду. Ле [Le 2021] исследовал выбросы углекислого газа в ходе землепользования, изменений в лесном хозяйстве на материковой части Вьетнама. Эвитабиль [Avitabile et al. 2016] проанализировал выбросы углекислого газа, возникшие в результате изменения почв в Центральном Вьетнаме.

Несмотря на проведённые обширные исследования, в которых изучались определяющие факторы выбросов CO₂, и их практическую значимость, ныне по многим причинам существует большая необходимость в дальнейшем изучении различных аспектов, особенно во Вьетнаме. *Во-первых*, все ещё не проводились исследования влияния инноваций на выбросы углекислого газа в СРВ. *Во-вторых*, эмпирические исследования дали

неоднозначные результаты, затрудняющие разработку политики. В связи с этим важно всесторонне проанализировать факторы, влияющие на выбросы углекислого газа во Вьетнаме, включая технологические инновации. Настоящая статья восполняет этот важный пробел в литературе.

Настоящее исследование вносит вклад в изучение данной тематики по нескольким направлениям. *Во-первых*, в нём определены факторы, влияющие на выбросы CO₂, путём изучения роли технологических инноваций, чему в прошлых исследованиях уделялось мало внимания. *Во-вторых*, дан анализ гипотезы о «загрязнённой гавани» применительно к Вьетнаму через оценку воздействия открытости торговли. *В-третьих*, пересмотрена гипотеза экологической кривой Кузнецца с учётом применения инноваций во Вьетнаме: находится ли он по-прежнему в «плохом» сегменте кривой или начинает переходить в «хороший» сегмент. *В-четвёртых*, изучено влияние потребления энергоресурсов и урбанизации на выбросы углекислого газа во Вьетнаме.

Методология

Модель и данные

В статье для изучения факторов деградации окружающей среды используется модель STIRPAT:

$$\ln CO_{2t} = \alpha_1 + \alpha_2 \ln ENC_t + \alpha_3 \ln INNOV_t + \alpha_4 \ln TRO_t + \alpha_5 \ln UBN_t + \alpha_6 \ln GDP_t + e_t,$$

где CO₂ означает выбросы диоксида углекислого газа, измеряемые в тоннах на душу населения; ENC означает потребление энергоресурсов на душу населения в килограммах нефтяного эквивалента; INNOV означает инновации, выраженные расходами на НИОКР в процентах от ВВП; TRO представляет собой открытость торговли – сумму экспорта и импорта товаров и услуг, выраженную как доля ВВП; UBN – годовой прирост городского населения, показатель урбанизации, относящийся к проживающим в городских районах людям и измеренный в процентах; GDP – реальный ВВП на душу населения (долл. США в ценах 2010 г.).

В исследовании используются годовые временные ряды данных за период с 1986 по 2020 г. Данные по ВВП на душу населения, выбросах CO₂, энергопотреблении, инновациях и урбанизации были взяты из сборника World Development Indicators Всемирного банка (data.worldbank.org), данные по открытости торговли получены из материалов Конференции Организации Объединённых Наций по торговле и развитию (unctadstat.unctad.org). Чтобы запустить модель, все переменные преобразуются в натуральные логарифмы.

В этом исследовании для оценки долгосрочного и краткосрочного воздействия технологических инноваций, экономического развития, роста городского населения, потребления энергии и открытости торговли на выбросы углекислого газа используется авторегрессионная модель с распределённым лагом (ARDL). Метод ARDL имеет много преимуществ по сравнению с другими методами коинтеграции. *Во-первых*, его главное преимущество перед традиционными методами коинтеграции состоит в том, что ARDL подходит, даже если порядок интеграции переменных представляет собой сочетание I(0) и I(1). *Во-вторых*, в случае небольшого размера выборки использование ARDL статистически более значимо для тестирования коинтеграции, чем метод коинтеграции Йохансена, который требует большого размера выборки для достижения надёжности. *В-третьих*, в отличие от традиционных методов поиска долгосрочных взаимосвязей при использовании метода ARDL оценивается не система уравнений, а только одно уравнение. *В-четвёртых*, используя ARDL, можно эффективно скорректировать эндогенную проблему независимых переменных.

Наконец, можно одновременно оценивать краткосрочную динамическую взаимосвязь между переменными и долгосрочную взаимосвязь в модели коинтеграции.

Эмпирические результаты

Критерий единичных корней

Использование модели ARDL не требует, чтобы все переменные были стационарными переменными одного порядка, однако прежде чем применять тест пределов ARDL, необходимо подтвердить, что ни одна из переменных не является стационарной переменной второго порядка. Поэтому используется расширенный метод Дики – Фуллера с результатами, приведёнными в табл. 1. Результат теста подтвердил, что LnCO_2 , LnENC , LnINNOV , LnTRO , LnGDP являются стационарными переменными $I(1)$, а LnURN является стационарной переменной $I(0)$ и $I(1)$. Согласно Песарану и Шину [2001], если переменные находятся не на одном уровне взаимодействия $I(1)$ или $I(0)$, то применение процедуры ARDL является наиболее приемлемым.

Таблица 1. Сводка по критерию единичных корней

Переменные	Расширенный критерий Дики – Фуллера	
	I(0)	I(1)
LnCO_2	0,161	-3,797
LnENC	-0,062	-5,147
LnINNOV	-2,57	-8,208
LnTRO	-2,15	-5,517
LnURN	-3,56	-3,96
LnGDP	-0,704	-4,319
Критические показатели теста		
уровень 1%	-3,65	
уровень 5%	-2,957	
уровень 10%	-2,617	

Источник: расчёты авторов

Граничное тестирование (The Bound test)

Поскольку количество наблюдений в этом исследовании невелико, то используются критерии выбора лага AIC. Найдены оптимальные значения лагов для переменных выбросов CO_2 , потребления энергоресурсов, инноваций, открытости торговли, урбанизации и экономического роста (1,0,1,0,0,1). Таким образом, выбранная модель – ARDL (1,0,1,0,0,1). Результаты теста границ, полученные после выбора соответствующего лага, приведены в табл. 2. Поскольку F-критерий предела значим при 1 %, нулевая гипотеза об отсутствии коинтеграции отклоняется, что указывает на наличие долгосрочной коинтеграции между выбросами CO_2 , потреблением энергоресурсов, инновациями, открытостью торговли, урбанизацией и экономическим ростом.

Таблица 2. Результаты граничного теста ARDL

Модель: $\text{LnCO}_2 = f(\text{LnECN}, \text{LnINNOV}, \text{LnTRO}, \text{LnURN}, \text{LnGDP})$	
F-статистика теста пределов	4,245*
Значимость	1 %

Нижний предел I(0)	2,26
Верхний предел I(1)	3,35

Примечание: * указывает на уровень значимости при 1%. Источник: расчёты авторов

Результаты оценки по ARDL

Результат оценки долгосрочного и краткосрочного равновесного соотношения между переменными, к которым применяется ARDL (1,0,1,0,0,1), представлен в таблице 3.

Таблица 3. Долгосрочная и краткосрочная оценки

Долгосрочная (панель А)		Краткосрочная (панель В)	
Зависимая переменная: LnCO ₂			
LnECN	1,058*** (0,135)	ΔlnENC	1,0896*** (0,027)
LnINNOV	-0,211** (0,102)	ΔlnINNOV	-0,0157** (0,007)
LnTRO	0,431** (0,204)	ΔlnTRO	-0,0635** (0,026)
LnURN	-0,053** (0,022)	ΔlnURN	0,031 (0,151)
LnGDP	-0,673*** (0,141)	ΔlnGDP	0,0517 (0,823)
C	-6,112*** (1,901)	ECT(-1)	-0,701*** (0,131)
Диагностический тест			
		F-статистика	Значение p
RESET-тест		0,629	0,428
LM-тест Бройша – Годфри на автокорреляцию		0,862	0,353
Тест Бройша – Пагана – Годфри на гетероскедастичность		0,016	0,899

Примечание: *** и ** означает статистическую значимость на уровне 1 % и 5 % соответственно. Цифры в скобках обозначают стандартную ошибку. ECT – корректирующий компонент. Источник: расчёты авторов

Стоит отметить, что коэффициент корректирующего компонента (ECT) отрицателен и значим на уровне 1%. Отрицательный коэффициент ECT указывает на жизнеспособность достижения долгосрочного равновесия. Коэффициент ECT показывает скорость возврата к долгосрочному равновесному пути. Основываясь на оценках, можно сказать, что, когда экономика отклоняется от своего равновесного пути, выбросы CO₂ могут вернуться к долгосрочному равновесию. Коэффициент ECT 0,701 показывает, что в течение года происходит 70,1 % корректировок.

Кроме того, для проверки общей подгонки модели мы использовали RESET-тест, LM-тест и тест Бройша – Пагана – Годфри. Незначительные результаты RESET-теста указывают на то, что общая подгонка модели приемлема. Для определения серийной корреляции в оцениваемой модели мы использовали LM-тест Бройша – Годфри. Незначительные

результаты LM-теста Бройша – Годфри подтвердили отсутствие серийной корреляции. Наконец, гетероскедастичность Бройша – Пагана – Годфри, равная нулю, не является гетероскедастичностью. В целом можно констатировать, что модель определена надлежащим образом и результаты могут быть использованы для выработки конкретных мер.

Выводы и их интерпретация

Результаты долгосрочной оценки (табл. 3, панель А) проливают свет на различные аспекты. Видно, что взаимосвязь между инновациями и выбросами CO₂ статистически значима на уровне 5 %. Отрицательный коэффициент указывает на то, что более высокий уровень инноваций приведёт к снижению выбросов. Этот вывод обнадеживает, поскольку Вьетнам подтверждает, что инновации являются новой и важной движущей силой экономического развития; кроме того, в последние годы быстро росло внимание к этому вопросу, а также инвестиции в инновации и технологии. Правительство даже определило девизом 2021 г. следующий лозунг: «Солидарность, дисциплина, инновации, вдохновение – для развития». Министерство планирования и инвестиций (МПИ) быстро разработало и запустило программу поддержки цифровой трансформации на период 2021–2025 гг. Цель состоит в том, чтобы к 2025 г. довести осведомлённость о цифровой трансформации до 100 % предприятий и оказать техническую поддержку для цифровой трансформации как минимум 100 тысячам предприятий. В этой статье приведены доказательства того, что во Вьетнаме при наличии более развитой инновационной экосистемы можно ожидать улучшения окружающей среды. Наш результат подтверждается теорией эндогенного роста, в которой отмечается, что технический прогресс улучшает возможности нации заменять загрязняющие окружающую среду ресурсы другими, экологически чистыми ресурсами. Наши результаты согласуются с исследованиями Фернандеса и его соавторов [Fernández et al. 2018].

Кроме того, влияние открытости торговли на выбросы CO₂ считается прямым и статистически значимым на уровне 5 %, и таким образом во Вьетнаме подтверждается реальность гипотезы о «загрязнённой гавани». По мере роста открытости Вьетнам испытал растущее давление в связи с ухудшением состояния окружающей среды и приложил много усилий для ослабления этого негативного эффекта открытости. Ожидается, что в стране нынешний проект закона об охране окружающей среды (с поправками) будет способствовать проверке и предотвращению реализации иностранных инвестиционных проектов с устаревшими технологиями, а также создаст здесь благоприятную правовую среду для присоединения к соглашениям о свободной торговле (ССТ) нового поколения, которые требуют принятия очень строгих экологических обязательств, как это сделано в Соглашении о свободной торговле между Вьетнамом и ЕС (EVFTA). Полученные нами результаты, подтвердив, что открытость до сих пор усиливает деградацию окружающей среды, предусматривают принятие правительством более решительных мер по этому вопросу.

Результаты также показывают, что потребление энергоресурсов и выбросы CO₂ находятся в прямой зависимости и их взаимосвязь является значимой на уровне 1 %, то есть рост потребления энергоресурсов приведёт к увеличению выбросов CO₂. Фактически за последние десять лет общее потребление электроэнергии во Вьетнаме утроилось, и процесс этот идёт быстрее, чем прирост генерирующих мощностей. В связи с растущей зависимостью от ископаемого топлива на долю энергетического сектора Вьетнама в настоящее время приходится почти две трети общих выбросов парниковых газов в стране [World Bank 2021]. Можно сказать, что основной причиной увеличения выбросов CO₂ во Вьетнаме является

потребление энергоресурсов. Наш вывод, по сути, указывает на острую необходимость ускорить переход в стране на чистую энергию.

Что касается урбанизации, то результаты исследования показывают её значительное отрицательное воздействие на выбросы углекислого газа, означающее, что развитие городов не является препятствием для улучшения качества окружающей среды. Воздействие урбанизации на окружающую среду не является одинаковым. Оно, скорее, очень сложное и идёт через множество разных, даже противоречащих друг другу каналов. Вероятная причина положительного эффекта урбанизации заключается в том, что урбанизация вытесняет загрязняющие отрасли из города, развивая торговлю и услуги, что может перекрывать все отрицательные эффекты. Результаты исследования авторов показывают изначальную эффективность проводимой политики. Вьетнам движется в правильном направлении; политика урбанизации должна быть направлена в сторону зелёных городов, чтобы воспользоваться этим положительным эффектом. Таким образом, урбанизацию не следует рассматривать как препятствие при формировании политики, направленной на снижение деградации окружающей среды.

Связь между экономическим ростом и выбросами CO₂ отрицательна и статистически значима при 1 %. Это показывает, что Вьетнам достиг поворотной точки на экологической кривой Кузнецова по уровню доходов. Страна одобрила Национальную стратегию зелёного роста (VGGS) на период 2011–2020 гг. и на перспективу до 2050 г. с упором на развитие с низким уровнем выбросов, сокращение выбросов парниковых газов, зелёное производство, зелёный образ жизни и устойчивое потребление. После почти десяти лет внедрения эта стратегия помогла повысить осведомлённость общественности о значении зелёного роста. Были повсеместно приняты меры по сокращению выбросов парниковых газов, в результате чего их уровень снизился на 12,9 % по сравнению со сценарием обычного развития. В частности, непогашенные кредиты на финансирование зелёного роста к 2018 г. составили почти 238 трлн вьетнамских донгов (10,36 млрд долл.), что на 235 % больше, чем в 2015 г. [New green growth strategy: 18.05.2021].

Статья предоставляет доказательства того, что развитие Вьетнама снижает деградацию окружающей среды, а это, в свою очередь, подтверждает успех текущей Национальной стратегии зелёного роста на период 2021–2030 гг., разрабатываемой МПИ с твёрдым намерением как можно скорее превратить Вьетнам в углеродно нейтральную экономику [MPI 2021].

Модель исправления ошибок с использованием подхода ARDL применена для измерения краткосрочной динамической взаимосвязи между выбросами CO₂, потреблением энергоресурсов, инновациями, открытостью торговли, урбанизацией и экономическим ростом. Результаты приведены в табл. 3, панель В. Что касается инноваций и энергопотребления, то краткосрочное и долгосрочное воздействие аналогичны. В отношении влияния урбанизации и экономического роста на выбросы CO₂ в краткосрочной перспективе модель не предлагает статистических доказательств такого взаимодействия. Что касается открытости торговли, то она оказывает негативное воздействие на выбросы CO₂, и в краткосрочной перспективе статистически значима на уровне 5 %, а в долгосрочной – предполагает положительное воздействие. Этот результат показывает, что Вьетнам прилагает усилия для уменьшения воздействия открытости торговли на выбросы CO₂ в краткосрочной перспективе; однако одной разработки и реализации политики недостаточно для сохранения данного эффекта в долгосрочной перспективе. Такой результат требует внесения изменений в

Закон об охране окружающей среды в направлении более эффективного управления международной интеграционной деятельностью в отношении защиты окружающей среды.

Список литературы

- Ali H.S., Abdul-Rahim A.S., Ribadu M.B.* Urbanization and Carbon Dioxide Emissions in Singapore: Evidence from the ARDL Approach // *Environmental Science and Pollution Research International*. 2017. No. 24(2). P. 1967–1974.
- Ali H.S., Law S.H., Chin L., Yusop Z. et al.* Financial Development and Carbon Dioxide Emissions in Nigeria: Evidence from the ARDL Bounds Approach // *Geo Journal*. 2018. P. 1–15.
- Avitabile V., Schultz M., Herold N., de Bruin S. et al.* Carbon Emissions from Land Cover Change in Central Vietnam // *Carbon Management*. 2016. No. 7:5-6. P. 333–346.
- Balsalobre-Lorente D., Shahbaz M., Roubaud, D., Farhani S.* How Economic Growth, Renewable Electricity and Natural Resources Contribute to CO₂ Emissions? // *Energy Policy*. 2018. No.113. P. 356–367.
- Cao T.H.V.* Applying Vector Error Correction Model to Analyze the Bi-directional Linkage between FDI and Pillars of Sustainable Development in Vietnam // *Journal of International Economics and Management*. 2017. No 96, July.
- Dugan E., Turkekul B.* CO₂ Emissions, Real Output, Energy Consumption, Trade, Urbanization and Financial Development: Testing the EKC Hypothesis for the USA // *Environmental Science and Pollution Research*. 2016. No. 23(2). P. 1203–1213.
- Fan Y., Liu L., Wu G., We Y.* Analyzing Impact Factors of CO₂ Emissions Using the STIRPAT Model // *Environmental Impact Assessment Review*. 2006. No. 26(4). P. 377–395.
- Fernández Y.F., López M.F., Blanco B.O.* Innovation for Sustainability: The Impact of R&D Spending on CO₂ Emissions // *Journal of cleaner production*. 2018. No.172. P. 3459–3467.
- Halicioglu F.* An Econometric Study of CO₂ Emissions, Energy Consumption, Income and Foreign Trade in Turkey // *Energy Policy*. 2009. No. 37(3). P. 1156–1164.
- Helpman E.* Explaining the Structure of Foreign Trade: Where Do We Stand // *Review of World Economics*. 1998. No. 134(4). P. 573–589.
- Kumar S., Managi S.* Energy Price-induced and Exogenous Technological Change: Assessing the Economic and Environmental Outcomes // *Resource and Energy Economics*. 2009. No.31(4). P. 334–353.
- Le Q.H., Takashi A., Vu T.P.T.* Carbon Emissions in the Field of Land Use, Land Use Change, and Forestry in the Vietnam Mainland. *Wetlands Ecology and Management*. 2021. No.29. P. 315–329.
- Linh D.H., Lin S.* CO₂ Emissions, Energy Consumption, Economic Growth and FDI in Vietnam // *Managing Global Transitions*. 2014. No.12(3). P. 219–232.
- Ministry of Planning and Investment (MPI). The National Strategy on Green Growth for 2021–2030. URL: <http://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=49916&idcm=188> (дата обращения: 05.05.2021).
- Nasir M., Rehman F.U.* Environmental Kuznets Curve for Carbon Emissions in Pakistan: An Empirical Investigation // *Energy Policy*. 2001. No. 39(3). P. 1857–1864.
- New Green Growth Strategy to Promote Carbon-Neutral Economy // *Vietnamnet*, 18.05.2021. URL: <https://vietnamnet.vn/en/sci-tech-environment/new-green-growth-strategy-to-promote-carbon-neutral-economy-737557.html>
- Ozturk I., Al-Mulali U.* Investigating the Validity of the Environmental Kuznets Curve Hypothesis in Cambodia // *Ecological Indicators*. No. 57, October 2015. P. 324–330.
- Pao H.T., Tsai C.M.* Multivariate Granger Causality between CO₂ Emissions, Energy Consumption, FDI (Foreign Direct Investment) and GDP (Gross Domestic Product): Evidence from a Panel of BRIC (Brazil, Russian Federation, India, and China) Countries // *Energy*. 2011. No. 36(1) .P. 685–693.
- Pesaran M.H., Shin Y., Smith R.J.* Bounds Testing Approaches to the Analysis of Level Relationships // *Journal of applied econometrics*. 2001. No.16(3). P. 289–326.
- Samargandi N.* Sector Value Addition, Technology and CO₂ Emissions in Saudi Arabia // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2017. No.78. P. 868–877.

Shahbaz M., Hye Q.M.A., Tiwari A.K., Leitaio N.C. Economic Growth, Energy Consumption, Financial Development, International Trade and CO₂ Emissions in Indonesia // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. September 2013. No.25. P. 109–121.

Shahbaz M., Khan S., Tahir M.I. The Dynamic Links Between Energy Consumption, Economic Growth, Financial Development and Trade in China: Fresh Evidence From Multivariate Framework Analysis // *Energy Economics*. November 2013. No.40. P. 8–21.

Shahbaz M., Lean H.H., Shabbir M.S. Environmental Kuznets Curve hypothesis in Pakistan: Cointegration and Granger causality // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2012. No.16(5) . P. 2947. P 2953.

Tang C.F., Tan B.W., Ozturk I. Energy Consumption and Economic Growth in Vietnam // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. February 2016. No.54. P. 1506–1514.

Tu T.A., Chu T.M.P. A New Measurement and Its Determinants for Corporate Environmental Management: An Empirical Study in Vietnam // *Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2021(планируется).

Wang Y., Chen L., Kubota J. The Relationship between Urbanization, Energy Use and Carbon Emissions: Evidence from a Panel of Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) countries // *Journal of Cleaner Production*. 2016. No.112(2). P. 1368–1374.

Wang Y., Li L., Kubota J., Han R. Zhu X. Does Urbanization Lead to More Carbon Emission? Evidence from a Panel of Brics Countries // *Applied Energy*. 2016. No.168. P. 375–380.

World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/vi/country/vietnam/overview> (дата обращения: 25.07.2021).

World Resources Institute, 2020. <https://www.wri.org/annualreport/2019-20> (дата обращения: 27.07. 2021)

Xu H.; Zhang W. The Causal Relationship between Carbon Emissions and Land Urbanization Quality: A Panel Data Analysis for Chinese Provinces // *Journal of Cleaner Production*. 2016. No.137. P. 241–248.

York R., Rosa E.A., Dietz T. Foot Prints on the Earth: The Environmental Consequences of Modernity // *American Sociological Review*. 2003. No. 68(2). P. 279–300.

Авторы:

Тю Тхи Май Фьонг, к. э. н., преподаватель, факультет мировой экономики, Университет внешней торговли, Ханой. ORCID: 0000-0002-4434-8389. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Ты Тхюи Ань, к. э. н., доцент, главный редактор журнала «Мировая экономика и управление», зав. кафедрой прикладной экономики, факультет мировой экономики, Университет внешней торговли, Ханой. ORCID: 0000-0003-2949-9995. E-mail: thuyanh.tu@ftu.edu.vn

Динь Тхи Тхань Бинь, к. э. н., преподаватель, зав. кафедрой эконометрии, факультет мировой экономики, Университет внешней торговли, Ханой. ORCID: 0000-0002-0984-5902. E-mail: binhdt@ftu.edu.vn

Продвижение статьи:

Дата поступления: 05.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 25.08.2021

Принята к печати: 10.09.2021

Chu Thi Mai Phuong, Tu Thuy Anh, Dinh Thi Thanh Binh

FACTORS OF ENVIRONMENTAL DEGRADATION AND ECONOMIC GROWTH IN VIETNAM: THE ROLE OF INNOVATION*

Abstract: The purpose of the study is to empirically examine the interaction between innovation, energy consumption, trade openness, urbanization, economic growth and the emission of carbon dioxide in Vietnam during 1986-2020. The article contributes to the assessment of impact of technological innovation on carbon emission in Vietnam that has not yet been examined. Firstly, the article shows the negative interrelation between technological innovation and carbon emission in Vietnam. Secondly, this research evidences the existence of the pollution haven hypothesis having shown that trade openness has led to the environmental deterioration in Vietnam. Thirdly, the author revisits the environmental Kuznets curve hypothesis and provides evidence that economic growth in Vietnam starts to enhance the environmental quality. Fourthly, energy consumption increases the environmental deterioration while urbanization seems not to be blamed. Besides increasing government investment in innovation, policy makers should consider the country's level of trade openness and energy consumption instead of urbanization and economic growth when formulating policies to reduce environmental deterioration in Vietnam.

Keywords: carbon emission, innovation, trade openness, urbanization, growth

For citation: Chu Thi Mai Phuong, Tu Thuy Anh, Dinh Thi Thanh Binh (2021). Factors of Environmental Degradation and Economic Growth in Vietnam: The Role of Innovation. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 52–70.

Introduction

Recently, the effects of economic activities on carbon emissions have aroused growing concern. This concern manifested itself worldwide through the organization of environmental conferences in Stockholm (1979), Rio de Janeiro (1992), Johannesburg (2002), Copenhagen (2009) and Durban (December 2011). Many countries including Vietnam are facing a major challenge, namely, the multi-directional links between economic, social and environmental aspects of development. Vietnam jointly with world organizations, such as the United Nations or the World Economic Forum, have made some attempts to reduce the adverse impacts of global warming and climate change on the economy. As an effort to mitigate greenhouse gas emissions, the Kyoto protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change was introduced. The objective of the 1997 Kyoto protocol was to reduce greenhouse gases by 5.2% compared to the level in 1990 (for the period from 2008 to 2012). Though Vietnam signed the Kyoto protocol to curb emission levels, there still exist environmental concerns due to the country's recent economic growth. Over the past two decades, Vietnam has emerged as the fastest-growing greenhouse gas emitter (per capita) in the world – with an increase of about 5% annually [World Bank 2021].

Among important driving forces of economic growth, the energy sector dominates as a greenhouse gas emitter both in Vietnam and in the world. According to the World Resources Institute (2020), energy consumption is by far the biggest source of human-caused greenhouse gas emissions,

*This research was supported by a grant from the Ministry of Education and Training (Vietnam) under the project B2020_NTH-01 entitled "The impact of technology and innovation on employment in processing industry enterprises in Vietnam".

responsible for a whopping 73% worldwide. On the other hand, in the process of socio-economic development of Vietnam over the last few decades, energy has played an important role not only as fuel for economic growth, but also as a principal contributor to the country's export earnings, GDP and government revenues in Vietnam. Despite a significant contribution to Vietnam's economy, energy with its accelerated exploitation of natural resources is posing serious risks to preservation and sustainable development of natural resources and is somewhat discouraging innovation and investment to build up new capacities instead of relying on natural endowments.

Besides energy consumption, carbon emissions are also generated by other driving forces of economic growth, namely, urbanization, trade openness and innovation. In terms of urbanization, Vietnam is undergoing one of the fastest urban transitions in the world. The rapid urban expansion has seriously affected the environment quality and created harm to public health. With regard to the trade openness, trade liberalization has led to a higher level of investment; however, foreign investment mostly concentrates in pollution-intensive activities, so far.

The digital era, with its technological innovation triggers energy efficiency and productivity, requires the response to the environmental challenge [Balsalobre et al. 2018; Samargandi 2017]. Hence, technological innovation plays an undoubtedly important role in mitigating carbon emission. However, the empirical nexus between innovation and CO₂ emissions is not monotonic. This effect can differ across countries and regions, due to the regional properties, policies, infrastructures and nature of innovation itself.

Therefore, the purpose of the study is to empirically examine the interaction between innovation, energy consumption, trade openness, urbanization, economic growth and the emission of carbon dioxide in Vietnam in 1986–2020, and to withdraw policy implications on Vietnam's way towards green development.

This article is organized as follows: Section 2 reviews the literature; Section 3 presents the research methods; Section 4 provides findings and discussions; Section 5 is the conclusion.

Literature review and research statement

The linkages between energy consumption, innovation, economic growth and carbon emissions have been examined in economic literature [Ali et al. 2017, 2018], Kumar and Managi [2009], Helpman [1998] and Shabaz et al. [2012], Ozturk and Alumami [2011]. For each of the determinants, some empirical results have been found in the literature: Shabaz et al. [2013] and Ali et al. [2018] showed that the impacts of energy consumption on carbon emission are positive since high-temperature treatment in the production process resulting from energy consumption causes the emission of large amounts of carbon dioxide. As far as the impacts of innovation are concerned, the results are rather mixed. Fan et al. (2006) have indicated that technological innovation and CO₂ are interconnected but they are different across the countries. Kumar and Managi [2009] showed that technological innovation mitigates carbon emission in developed countries, but it increases CO₂ emission in developing economies.

Meanwhile, regarding the pollution haven hypothesis, the expected impacts of trade openness on CO₂ emission is found mixed in economic literature. While Nasir and Rehman [2001] and Halicioglu [2009] support the pollution haven hypothesis i.e., a positive relationship between trade openness and carbon emissions, Helpman [1998] and Shabaz et al. [2012] suggest the opposite. Also, the impact of urbanization on CO₂ emission was found ambiguous in the past research. While Wang et al. [2016], Dugan and Turkekul [2016] suggested a positive impact, York et al. [2003], Xu and Zhang [2016] and Ali et al. [2017] supported the negative one.

Furthermore, the impact of economic growth on CO₂ emission provides evidence regarding the environmental Kuznets curve. The carbon emissions increase as the economy grows at the early period of development of a country due to the extensive industrial-heavy production. However, as the national income becomes higher, the industrial-heavy production is phased out in favor of a technological advances and service-centralized production leading to a negative relationship between growth and environmental quality. This effect is therefore expected to be negative in the long-term according to Halicioglu [2009], Pao and Tsai [2011] as well as Ozturk and Alumami [2011].

As for the studies on Vietnam, Tang et al. (2016) and Nguyen and Le [2018] investigated relationships between economic growth and carbon emissions while Linh and Lin [2014] examined the linkages between energy consumption, economic growth and foreign direct investment. Tu [2021] has added another dimension by indicating that corporate environmental responsibility differs across company types (e.g., FDI, state or nonstate) while Cao [2017] showed an ambiguous impact of openness on environment. Le [2021] has investigated carbon emissions in the field of land use, land use change, and forestry in Vietnam mainland. Avitabile [2016] analyzed carbon emissions from land cover change in Central Vietnam.

Despite the voluminous previous research that has explored the determinants of CO₂ emission with practical implications, further research from various aspects especially on Vietnam is of great need due to many reasons. Firstly, a research examining impacts of innovation on carbon emission in Vietnam is missing, so far. Secondly, empirical investigations have shown mixed results that hamper policy making process; hence, a comprehensive research of factors affecting carbon emission in Vietnam including technological innovation is important. This article fills in this gap.

Therefore, the present study contributes to the literature in several ways. Firstly, this study examines the effect of factors affecting CO₂ emission by exploring the role of technological innovation, which recently has attracted little attention. Secondly, with the existence of innovation, this research investigates the pollution haven hypothesis in Vietnam by estimating impacts of trade openness. Thirdly, this study revisits the environmental Kuznets curve hypothesis with the existence of innovation in Vietnam: whether Vietnam is still on the “bad” side of the curve or the country starts to move to its “good” side. Fourthly, this research examines impacts of energy consumption and urbanization on carbon emission in the existence of innovation in Vietnam.

Methodology

Model and data

This paper adopts the STIRPAT model to examine determinants of environmental deterioration as follows:

$\ln CO_{2t} = \alpha_1 + \alpha_2 \ln ENC_t + \alpha_3 \ln INNOV_t + \alpha_4 \ln TRO_t + \alpha_5 \ln UBN_t + \alpha_6 \ln GDP_t + e_t$, where CO₂ denotes the carbon dioxide emissions measured in metrics tons per capita; ENC indicates the energy consumption per capita measured in kilograms of oil equivalent per capita; INNOV represents the innovation proxied by the R&D spending as percentage of GDP; TRO represents the trade openness - the sum of exports and imports of goods and services measured as a share of GDP; UBN (unsatisfied basic needs) means the annual urban population growth, a proxy for urbanization referring to people living in urban areas measured in percentage; GDP is the real GDP per capita (constant 2010 US dollars).

The study employs annual time-series data covering the period between 1986 and 2020. The data for GDP per capita, CO₂ emissions, energy consumption, innovation and urbanization have been received from the World Development Indicators of the World Bank (data.worldbank.org), while the

source for trade openness data was the United Nations Conference on Trade and Development (unctadstat.unctad.org). All the variables have been transformed into their natural logarithms to run the model.

In order to estimate the long-run and short-run effects of technological innovation, economic growth, urban population growth, energy consumption and trade openness on carbon emissions, this research uses the autoregressive distributed lag model (ARDL). The ARDL method has many advantages over the other co-integration methods. Firstly, its main advantage over traditional co-integration techniques is that ARDL is appropriate even when the order of integration of the variables is a mix of $I(0)$ and $I(1)$. Secondly, in a case of small sample size, ARDL approach is statistically more significant to test co-integration than the Johansen's co-integration technique that requires large sample size to achieve reliability. Thirdly, in contrast to conventional methods for finding long-run relationships, the ARDL method does not estimate a system of equations. Instead, it only estimates a single equation. Fourthly, it can effectively correct the endogenous problem of explanatory variables. Last, it has the ability to estimate the short-term dynamic and long-term co-integration relationship between variables simultaneously.

Empirical results

Unit Root Test

The application of ARDL model does not require all the variables to be single ordered stationary, however it must be confirmed that none of the variable is a second order stationary before applying ARDL bound testing approach. Therefore, the Augmented Dickey-Fuller (ADF) is used with results in Table 1. The test result confirms that $\ln CO_2$, $\ln ENC$, $\ln INNOV$, $\ln TRO$, $\ln GDP$ are stationary $I(1)$ and $\ln URN$ is stationary at $I(0)$ and $I(1)$. According to Pesaran and Shin (2001, variables are not at the same level of association $I(1)$ or $I(0)$, then applying ARDL is the most relevant procedure.

Table 1. Summary of Unit Root Testing

Variables	Augmented Dickey-Fuller	
	$I(0)$	$I(1)$
$\ln CO_2$	0.161	-3.797
$\ln ENC$	-0.062	-5.147
$\ln INNOV$	-2.57	-8.208
$\ln TRO$	-2.15	-5.517
$\ln URN$	-3.56	-3.96
$\ln GDP$	-0.704	-4.319
Test critical values		
1% level	-3.65	
5% level	-2.957	
10% level	-2.617	

Source: Authors' calculations

The Bound Test

As the number of observations in this research is small, it uses the AIC lag selection criteria. The optimum lag lengths of the variables CO_2 emissions, energy consumption, innovation, trade openness, urbanization and economic growth are found (1,0,1,0,0,1). Therefore, the selected model is ARDL (1,0,1,0,0,1). After having selected the relevant lag, the results from the Bound test are shown in Table 2. Since the Bond F test is significant at 1%, the null-hypothesis of no-co-integration is rejected

indicating that there is a long-run co-integration between CO₂ emissions, energy consumption, innovation, trade openness, urbanization and economic growth.

Table 2. Results of ARDL Bounding Test

Model: LnCO ₂ = f(LnECN, LnINNOV, LnTRO, LnURN, LnGDP)	
Bond test F-statistic	4.245*
Significance	1%
Lower I(0) Bound	2.26
Upper I(1) Bound	3.35

Note: * indicate the significance level at 1%. Source: Authors' calculations

ARDL estimation results

The result of the long and short run equilibrium relationship between the variables applying the ARDL (1,0,1,0,0,1) is summarized in Table 3.

Table 3. Long and short run estimations

Long run (Panel A)		Short run (Panel B)	
Dependent variable: LnCO ₂			
LnECN	1.058*** (0.135)	ΔlnENC	1.0896*** (0.027)
LnINNOV	-0.211** (0.102)	ΔlnINNOV	-0.0157** (0.007)
LnTRO	0.431** (0.204)	ΔlnTRO	-0.0635** (0.026)
LnURN	-0.053** (0.022)	ΔlnURN	0.031 (0.151)
LnGDP	-0.673*** (0.141)	ΔlnGDP	0.0517 (0.823)
C	-6.112*** (1.901)	ECT(-1)	-0.701*** (0.131)
Diagnostic test			
		F-statistic	p-value
RESET test		0.629	0.428
Breusch-Godfrey Serial Correlation LM test		0.862	0.353
Breusch –Pagan –Godfrey heterokedasticity test		0.016	0.899

Note: *** and ** denotes significant at 1% and 5% significance level, respectively. The standard errors in parentheses. ECT is error correction term. Source: Authors' calculations

It is noteworthy that coefficient of error correction term (ECT) is negative and significant at 1% level. A negative coefficient of error correction term (ECT) indicates the viability to achieve long-term equilibrium. The coefficient of ECT shows the rate of adjustment back to long-run equilibrium path. The estimations allow to conclude that when economy fluctuates from its equilibrium path, CO₂ emissions can return to a long-run equilibrium. The ECT coefficient 0.701 shows that 70.1% adjustments occur during a year.

Besides, to check the overall fitting of the model we use RESET test, LM test and Breusch-Pagan-Godfrey. The insignificant results of RESET test indicate that the overall fitting of the model is relevant. To determine the serial correlation in the estimated model, we employ Breusch-Godfrey LM test. The insignificant results of Breusch-Godfrey LM test have confirmed that there is no serial correlation. Finally, Breusch-Pagan-Godfrey heteroscedasticity null is no heteroscedasticity. Overall, it can be stated that model is appropriately specified and the results can be used for policy formulation.

Findings and discussion

Results of the long run estimation (Table 3-Panel A) shed lights on various aspects. It is seen that the relationship between innovation and CO₂ emission is significant at 5% level. The negative coefficient indicates that the higher the rate of innovation the lower CO₂ emissions are. This finding is encouraging since in Vietnam innovation is a new and important driving force of economic development, and the attention to and investment in innovation and technology have been rapidly increasing in current Vietnam. The Government has even set “Solidarity, discipline, innovation, inspiration for development” as the motto for 2021. The Ministry of Planning and Investment has actively developed and implemented the program to support digital transformation in 2021–2025. The goal suggests that by 2025, 100% of businesses should have their awareness of digital transformation increased and at least 100,000 businesses should receive technical support for digital transformation. This article provides evidence to expect the environment upgrading in Vietnam will result in a more developed innovation ecosystem. Our result is supported by the endogenous growth theory indicating that technological progress improves the capability of a nation to replace the polluting resources with other environmentally friendly resources. Our results are in line with the studies of Fernández et al. [2018].

Furthermore, the effect of trade openness on CO₂ emissions is found positive and significant at 5% level that confirms the existence of “pollution haven hypothesis” in Vietnam. Along with the process of opening up, Vietnam has been under a lot of pressure on environmental deterioration, and has put much effort on reducing this negative effect of openness. Virtually, the ongoing draft Law on Environmental Protection (amended) is expected to prevent and screen projects with outdated technology for foreign investment in Vietnam, and creates a favorable legal environment for Vietnam to join new- Free Trade Agreements (FTAs) generation that requires very strict environmental commitments such as the Vietnam–EU FTA (EVFTA). Our finding reaffirms that openness increases the environmental deterioration in Vietnam, suggests that the government should take more drastic action on this issue.

The result also shows that the relationship between energy consumption and CO₂ emission is positive and significant at 1% level that indicates that the higher the energy consumption the higher the CO₂ emissions result is. Virtually, total electricity consumption in Vietnam has tripled in the past ten years, faster than electricity production. With an increasing reliance on fossil fuels, the energy sector in Vietnam currently emits nearly two-thirds of the country's total greenhouse gas emissions [World Bank, 2021]. It can be stated that the main culprit behind increasing CO₂ emissions in Vietnam is energy consumption. Our finding really sets an urgent need to accelerate the transition to clean energy in Vietnam.

Turning to urbanization, the finding reveals a negative and significant impact of urbanization on carbon emissions in Vietnam, which means that urban development is not an obstacle to the improvement of environmental quality. The impact of urbanization on the environment is not monotonic, but very complex via many different, sometimes contradictory, channels. The likely reason is that the positive effect of urbanization that push the polluting industries away from the city, setting up the commercial and service sectors instead may dominate all the negative effects. Our finding shows the initial effectiveness of urbanization policy in Vietnam. Vietnam moves in the right direction; the urbanization policy should be forced towards green cities to take advantage of this positive effect. Hence, urbanization should not be considered an obstacle when initiating policies that will be used to reduce environmental deterioration in Vietnam.

The relationship between economic growth and CO₂ emissions is negative and significant at 1%. It shows that Vietnam has reached the environmental Kuznets curve turning point of income level. Virtually, Vietnam approved the National Green Growth Strategy (VGGS) for the period 2011–2020 with a vision to 2050 with a focus on low-emission development, reduced GHG emission, green production, green lifestyle and sustainable consumption. After almost ten years of implementation, it helped raise public awareness about the significance of green growth. Measures to cut greenhouse gas emissions were carried out widely, resulting in such emissions falling 12.9 per cent compared to the normal development scenario. In particular, outstanding loans funding green growth stood at nearly VND238 trillion (USD10.36 billion) by 2018, or 235 per cent higher than in 2015 [New Green Growth Strategy: 18.05.2021].

This article shows evidence that Vietnam's growth reduces the environmental deterioration which can prove the success of the current VGGS. The finding also supports a new national strategy on green growth for 2021-30 being drafted by the MPI with a stronger commitment to make Vietnam a carbon-neutral economy as soon as possible [MPI 2021].

The error correction model employing ARDL approach to measure the short-run dynamic relationship between CO₂ emissions, energy consumption, innovation, trade openness, urbanization and economic growth. The results are shown in Table 3-Panel B. With regards to innovation and energy consumption, the impacts in short run and long run reveal to be like. Turning to the effects of urbanization and economic growth on CO₂ emissions in the short-run, the model suggests no statistical evidence for this interaction. The only attention is paid on the impact of trade openness. Trade openness has negative impact on CO₂ emissions, and it is significant at 5% level in the short run, while it is positive and significant in the long run. This result shows that Vietnam puts efforts to reduce the impact of trade openness on CO₂ emissions in the short-run; however, the policy formulation and implementation is not good enough for that effect to persist in the long run. This result insists that policy makers should amend the Law on Environmental Protection, as far as better management of international integration activities related to environmental protection is concerned.

References

- Avitabile V., Schultz M., Herold N., de Bruin S. et al. (2016). Carbon Emissions from Land Cover Change in Central Vietnam. *Carbon Management*, 7 (5–6): 333–346.
- Ali H.S., Law S.H., Chin L., Yusop Z. et al. (2018). Financial Development and Carbon Dioxide Emissions in Nigeria: Evidence from the ARDL Bounds Approach. *Geo Journal*, p. 1–15.
- Ali H.S.; Abdul-Rahim A.S.; Ribadu M.B. (2017). Urbanization and Carbon Dioxide Emissions in Singapore: Evidence from the ARDL Approach. *Environmental Science and Pollution Research International*, 24(2): 1967–1974.
- Balsalobre-Lorente D., Shahbaz M., Roubaud, D., & Farhani, S. (2018). How Economic Growth, Renewable Electricity and Natural Resources Contribute to CO₂ Emissions? *Energy Policy*, 113: 356–367.
- Cao T.H.V. (2017). Applying Vector Error Correction Model to Analyze the Bi-Directional Linkage between FDI and Pillars of Sustainable Development in Vietnam. *Journal of International Economics and Management*, 96, July.
- Dugan E., Turkekul B. (2016). CO₂ Emissions, Real Output, Energy Consumption, Trade, Urbanization and Financial Development: Testing the EKC Hypothesis for the USA. *Environmental Science and Pollution Research*, 23(2): 1203–1213.
- Fan Y., Liu L., Wu G., & Wei Y. (2006). Analyzing Impact Factors of CO₂ Emissions Using the STIRPAT Model. *Environmental Impact Assessment Review*, 26(4): 377–395.
- Fernández Y. F., López M. F., & Blanco B. O. (2018). Innovation for Sustainability: the Impact of R&D Spending on CO₂ Emissions. *Journal of cleaner production*, 172: 3459–3467

- Halicioglu F. (2009). An Econometric Study of CO₂ Emissions, Energy Consumption, Income and Foreign trade in Turkey. *Energy Policy*, 37(3): 1156–1164.
- Helpman E. (1998). Explaining the Structure of Foreign Trade: Where Do We Stand. *Review of World Economics*, 134(4): 573–589.
- Kumar S., Manag, S.(2009). Energy Price-Induced and Exogenous Technological Change: Assessing the Economic and Environmental Outcomes. *Resource and Energy Economics*, 31(4): 334–353.
- Le Q. H., Takashi A., Vu T. P. T. (2021). Carbon Emissions in the Field of Land Use, Land Use Change, and Forestry in the Vietnam Mainland. *Wetlands Ecology and Management*, 29: 315–329.
- Linh D.H., Lin S. (2014). CO₂ Emissions, Energy Consumption, Economic Growth and FDI in Vietnam. *Managing Global Transitions*, 12 (3): 219–232.
- Ministry of Planning and Investment (MPI) (2021). The National Strategy on Green Growth for 2021–2030. Retrieved on 05.05.2021 from URL: <http://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=49916&idcm=188>
- Nasir M., Rehman F.U. (2001). Environmental Kuznets Curve for Carbon Emissions in Pakistan: An Empirical Investigation. *Energy Policy*, 39(3): 1857–1864.
- New Green Growth Strategy to Promote Carbon-Neutral Economy (2021). Vietnamnet, May 18. URL: <https://vietnamnet.vn/en/sci-tech-environment/new-green-growth-strategy-to-promote-carbon-neutral-economy-737557.html>
- Ozturk I., Al-Mulali U. (2015). Investigating the Validity of the Environmental Kuznets Curve Hypothesis in Cambodia. *Ecological Indicators*, 57: 324–330.
- Pao H.T., Tsai C.M. (2011). Multivariate Granger Causality between CO₂ Emissions, Energy Consumption, FDI (Foreign Direct Investment) and GDP (gross Domestic Product): Evidence from a Panel of BRIC (Brazil, Russian Federation, India, and China) Countries. *Energy*, 36(1): 685–693.
- Pesaran M.H., Shin Y., & Smith R.J. (2001). Bounds Testing Approaches to the Analysis of Level Relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3): 289–326.
- Shahbaz M., Hye Q.M. A., Tiwari A.K., & Leita N.C. (2013). Economic Growth, Energy Consumption, Financial Development, International Trade and CO₂ Emissions in Indonesia. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 25: 109–121.
- Shahbaz M., Khan S., & Tahir, M.I. (2013). The Dynamic Links between Energy Consumption, Economic Growth, Financial Development and Trade in China: Fresh Evidence from Multivariate Framework Analysis. *Energy Economics*, 40: 8–21.
- Shahbaz M., Lean H.H., and Shabbir M.S. (2012). Environmental Kuznets Curve Hypothesis in Pakistan: Cointegration and Granger Causality. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 16(5): 2947–2953.
- Samargandi N. (2017). Sector Value Addition, Technology and CO₂ Emissions in Saudi Arabia. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 78: 868–877.
- Tang C.F., Tan B.W., Ozturk I. (2016). Energy Consumption and Economic Growth in Vietnam. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 54: 1506–1514.
- Tu T A. and Chu T. M.P. (2021 Forthcoming). A New Measurement and Its Determinants for Corporate Environmental Management: An Empirical Study in Vietnam. *Journal of Asian Finance, Economics and Business*.
- Wang Y., Chen L., Kubota J. (2016). The Relationship Between Urbanization, Energy Use and Carbon Emissions: Evidence from a Panel of Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) countries. *Journal of Cleaner Production*, 112(2): 1368–1374.
- Wang Y., Li L., Kubota J., Han R. & Zhu X. (2016). Does Urbanization Lead to More Carbon Emission? Evidence from a Panel of Brics Countries. *Applied Energy*, 168: 375–380.
- World Bank 2021. Retrieved on 25.07.2021 from URL: <https://www.worldbank.org/vi/country/vietnam/overview>
- World Resources Institute 2020. Retrieved on 27.07.2021 from URL: <https://www.wri.org/annualreport/2019-20>

Xu H.; Zhang W. (2016). The Causal Relationship between Carbon Emissions and Land Urbanization Quality: A Panel Data Analysis for Chinese Provinces. *Journal of Cleaner Production*, 137: 241–248.

York R., Rosa E. A., & Dietz, T. (2003). Foot Prints on the Earth: The environmental Consequences of Modernity. *American Sociological Review*, 68(2): 279–300.

Authors:

Chu Thị Mai Phương, Ph.D. (Economics), Lecturer, Faculty of International Economics, Foreign Trade University, Hanoi. ORCID: 0000-0002-4434-8389. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Từ Thúy Anh, Ph.D. (Economics), Assoc. Prof., Editor-in-Chief of Journal of International Economics and Management, Head of Department of Applied Economics, Faculty of International Economics, Foreign Trade University, Hanoi. ORCID: 0000-0003-2949-9995. E-mail: thuyanh.tu@ftu.edu.vn

Đinh Thị Thanh Bình, Ph.D. (Economics), Head of Department of Econometrics, Faculty of International Economics, Foreign Trade University, Hanoi. ORCID: 0000-0002-0984-5902. E-mail: binhdtt@ftu.edu.vn

Article history:

Received: July 5, 2021

Received in revised form: August 25, 2021

Accepted: September 10, 2021

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-71-89

Нгуен Тхи Тхань Бинь, Та Тхи Там

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА
ВЬЕТНАМСКО-КИТАЙСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЫНКАХ
ПОСЛЕ 1990 г.**

Аннотация. Рынки на вьетнамско-китайской границе – место не только обмена и покупки товаров, но и социально-культурного обмена родственными этническими группами, проживающих по обе стороны границы. Восстановление экономики Вьетнама с конца 1980-х годов и нормализация вьетнамско-китайских отношений в 1991 г. способствовали развитию рыночного обмена на границе между двумя странами, что удовлетворяло потребности этнических групп в торговле товарами в прилегающих районах, помогало культурному взаимодействию, поддерживало и расширяло родственные отношения и дружбу между ними. В статье исследуются трансграничные этнические отношения, связанные с торговлей, обменом товарами и развитием социальных сетей этнических меньшинств на двух типичных приграничных рынках – рынке Локбинь в районе Локбинь пров. Лангшон и рынке общины Канкау в уезде Симакай пров. Лаокай, что проясняет динамику межэтнических отношений на приграничных территориях Вьетнама и Китая после 1990 г.

Ключевые слова: родственные этнические общины, трансграничные отношения, приграничные рынки, вьетнамско-китайская граница

Для цитирования: Нгуен Тхи Тхань Бинь, Та Тхи Там. Трансграничные этнические отношения на вьетнамско-китайских приграничных рынках после 1990 г. // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 71–89.

Введение

Трансграничные этнические отношения могут устанавливаться между людьми одной и той же этнической группы или разных этнических групп в приграничных районах соседних стран [Vương Xuân Tình và cộng sự 2014: 4]. Такие типы отношений имеют долгую историю, проявляющуюся в экономической деятельности, культурном обмене и религиозных убеждениях. В контексте глобализации и вследствие развития современного транспорта, современных коммуникаций и рыночной экономики эти отношения не только укрепляются внутри соответствующих стран, которые имеют общую границу, но и охватывают многие другие страны, где проживают люди той же этнической принадлежности, исповедующие одну и ту же религию [Lý Hành Sơn 2014: 26].

Общая граница между Вьетнамом и Китаем простирается вдоль семи вьетнамских провинций (последовательно с востока на запад) – Куангнинь, Лангшон, Каобанг, Хазянг, Лаокай, Лайтяу и Диенбиен, двух китайских провинций – Юньнань и Гуанси, а также части Гуанси-Чжуанского автономного района. Помимо основной вьетнамской этнической группы кинь, в этом регионе проживает 25 этнических меньшинств [Vương Xuân Tình 2014: 59]. Большие этнические группы – численностью более миллиона человек – это нунги, таи, тхай и хмонги. Небольшие этнические группы – численностью менее 10 тыс. человек – это пупео,

сила, лаху и др. [Tổng điều tra dân số 2010]. Между тем на юге Китая долгое время проживает 12 этнических меньшинств¹, имеющих родственные отношения с этническими меньшинствами на границе с Вьетнамом [Vương Xuân Tình 2014: 56]. Жители этих приграничных районов в течение долгого времени состояли в экономических, культурных и социальных отношениях, и они проявляются обычно на оживлённых рынках этой зоны и вблизи границы.

С тех пор как Вьетнам начал экономические реформы и особенно после того как в 1991 г. Вьетнам и Китай нормализовали отношения, помимо созданных заново рынков, был восстановлен ряд традиционных мест торговли. К настоящему времени в приграничной зоне насчитывается около 200 больших и малых рынков, расположенных в городах, посёлках и общинных центрах. Рынки в большей степени сконцентрированы в провинциях Хазянг (90) и Каобанг (32) и меньше в пров. Диенбиен (1). Существующая рыночная система удовлетворяет потребности жителей в товарообмене и обеспечивает место для поддержания и осуществления культурного и социального обмена всех участвующих этнических групп, проживающих по обе стороны границы. Развитие рыночного обмена на вьетнамско-китайской приграничной территории не только способствует обмену между жителями, но и создаёт возможности для крупнейшего сухопутного движения товаров как в северной горной зоне СРВ, так и по всей стране. Таким образом, социальные сети и отношения между несколькими этническими меньшинствами по обе стороны границы все больше расширяются.

Данная статья основана на полевых исследованиях, проведённых за последние три года на двух рынках – рынке Локбинь в уезде Локбинь пров. Лангшон и рынке общины Канкау в уезде Симакай пров. Лаокай. В ней представлено осмысление трансграничных этнических отношений через торговлю, а также создание и поддержание социальных сетей между этническими группами и торговцами в приграничном регионе, что, в свою очередь, проясняет роль отношений этнических меньшинств и торговли между ними.

Обзор литературы

До 2000 г. рынки, расположенные в высокогорных районах в целом и приграничные рынки Вьетнама и Китая в частности, привлекали мало внимания исследователей и упоминались как культурные центры лишь в нескольких этнографических исследованиях [Lý Hải 1995; Hà Thị Kim Oanh 1997]. В последнее время многие учёные заинтересовались трансформацией приграничных рынков и сложившимися здесь социально-экономическими отношениями. Исследование Кр. Боннин [Bonnin 2011], проведённое в пров. Лаокай, сфокусировано на осмыслении динамики передвижения местных этнических меньшинств при обмене товарами на этих рынках и влиянии современной государственной политики в отношении развития рынка на коммерческую жизнь и источники существования мелких торговцев. К. Грийо [Grillot 2014] уделила больше внимания опыту взаимодействия вьетнамских и китайских мелких торговцев на рынке Монгкай в пров. Куангнинь, который помогает преодолению культурных различий и деловых рисков. Исследование К. Эндрес [Endres 2019], проведённое в провинции Лаокай, нацелено на раскрытие социальных отношений в контексте рыночной деятельности и экономических операций в приграничных районах, изучение культурных практик, благодаря которым мелкие предприниматели формируют социальные взаимосвязи, выявляя их динамику и трудности. Исследование Та Тхи

¹ Чжуан, ханьцы, дай, буи, мяо (хмонги), яо, и, хани, лаху, гэлао, цзин и хуэй.

Там [Tạ Thị Tâm 2013] положения на рынке Коклеу в пров. Лаокай помогает понять, как малые предприятия создают социальные сети на основе близких родственных и других отношений на таких рынках. До сих пор исследования по этой теме в основном касались социальных сетей мелких вьетнамских торговцев и торговых отношений между вьетнамскими и китайскими торговцами в целом, но при этом мало внимания уделялось отношениям этнических меньшинств в этом районе.

В то время как во Вьетнаме этнические отношения обычно являются предметом исследования многих социальных наук, особенно этнографии и антропологии, изучению трансграничных этнических отношений не уделяется должного внимания, особенно с учетом этнической истории, культурных отношений, перспектив миграции и труда, а также брака и родственных отношений [Vương Xuân Tình et al. 2014: 6–7]. Исследовательские работы Вьонг Суан Тиня [2011], Ли Хань Шона и Чан Тхи Май Лан [2017] являются двумя наиболее глубокими трудами по трансграничным этническим отношениям в современной вьетнамско-китайской приграничной зоне. В этих исследованиях показано, что трансграничные отношения этнических меньшинств в этой области до сих пор соответствуют разнообразным традициям. Этнические отношения, родство и брак продолжают играть ключевую роль в экономических, социальных и культурных отношениях. Они проявляются в экономической деятельности, например, при обмене урожаем и животными, в трансграничной торговле, при найме иностранных рабочих, аренде земли для производства товаров, направляемых за границу, в социальных системах (родственники и брак) и в культурном обмене (использование языка, культурных продуктов и участие в семейных ритуалах). С. Тернер [2010], а также Л. Шёнберг и С. Тернер [2008] изучали жизнь мелких торговцев во вьетнамско-китайской приграничной зоне, отметив, что, хотя государство принимает административные меры по ужесточению учёта и контроля на границе, жители часто обходят их, пользуясь преимуществами своего социального-культурного положения (местный опыт, доступные торговые сети, знание языка и этнические отношения), чтобы преодолевать трудности и найти возможности улучшения своей жизни. В настоящем исследовании рассматривается, как торговцы из этнических меньшинств на обоих приграничных рынках используют свои трансграничные этнические, родственные и дружеские отношения при товарном обмене на рынках.

Обзор двух рынков

Рынок Локбинь

Рынок Локбинь расположен в г. Локбинь уезда Локбинь пров. Лангшон в 15 км от контрольно-пропускного пункта Тима, вблизи уезда Ниньминь и экономической зоны контрольно-пропускного пункта Айдием (Китай). Это один из традиционных рынков пров. Лангшон с характерными чертами для народов таи и нунг. Рынок возник еще до французского колониального периода, и до пограничной войны 1979 г. здесь было много китайских торговцев. В 2011 г. рынок Локбинь перестроили на старом месте площадью 6000 кв.м. Три четверти рыночной площади полностью застроены и разделены на ряды с киосками для одежды, обуви, электроприборов и бытовой техники, а также для товаров животноводства, птицеводства и лесоматериалов. На рынке есть специальная площадка под открытым небом для стихийных торговцев, приезжающих продавать сельскохозяйственную продукцию, но большинство людей в этом районе сохраняют старые привычки и предпочитают торговать на улицах вдоль берега реки протяженностью несколько километров.

Раньше рынок работал только шесть раз в месяц – 1, 6, 11, 16, 21 и 26 числа по лунному календарю. С 1990 г. он работает каждый день, и жители района могут здесь покупать и продавать товары. Долгое время лучшими товарами на рынке были продукция сельского хозяйства, лесоматериалы и местные продукты. Около 80 домашних хозяйств из общин народов таи и нунг² имеют постоянные прилавки на рынке, где продаются саженцы, сельскохозяйственные материалы и местные сельскохозяйственные продукты, такие как грибы, в том числе древесные, побеги бамбука и все виды ценных лечебных трав, таких как кардамон, анис, корица и сычуаньский любисток (*ligusticum striatum*). Этот специальный ассортимент часто переправляется трейдерами, которые торгуют им на рынках конечного потребления и в Китае. Несколько мелких торговцев импортируют китайскую электронику и бытовую технику, продают их на рынке и доставляют в районные магазины.

Рынок Канкау

Рынок Канкау – традиционный рынок народа хмонг из общины Канкау, расположенной в уезде Симакай, пров. Лаокай. До 1995 г. рынок был невелик, и люди здесь продавали то, что выращивали сами: овощи, кукурузу, рис, кур и свиней, а некоторые мелкие торговцы привозили на рынок продовольственные товары и предметы первой необходимости. В общине насчитывался десяток торговцев хмонг, которые покупали буйволов и продавали их местным жителям и торговцам-хмонгам в других частях Китая. Однако сделки обычно заключались только среди семей в деревне. Когда рынок был отстроен заново, то удобный транспортный подъезд, а также рост покупательной способности местного населения стали привлекать на рынок него все больше и больше приезжающих в Канкау и в соседние общины. Семьи, желающие купить или продать буйволов, и торговцы из общины также отправляются на рынок, тем самым создавая здесь торговую зону для скота. С 1995 по 2000 г. рынок Канкау постепенно разрастался, удовлетворяя спрос на крупный рогатый скот и буйволов не только в общине и регионе, но отсюда стали поставлять большое количество буйволов и на китайский рынок. Поначалу рынок работал один день в неделю – по субботам, а с 2018 г. добавились еще три рабочих дня – вторник, четверг и пятница – для торговли буйволами. В период 2000–2009 гг. в дни работы рынка продавалось всего несколько сотен буйволов, а с 2010 по 2018 г. их количество увеличилось до тысячи. С конца 2018 г. оно снизилось по сравнению с предыдущим периодом: из-за ограничений на стороне Китая за день продавалось примерно 300–500 буйволов³.

С 2010 г. в дни работы рынка здесь торгуют 480 домашних хозяйств хмонгов из общины (всеми категориями товаров, включая буйволов); около 120–150 торговцев буйволами из хмонгов и торговцы некоторых других этнических меньшинств из соседних общин и уездов Бакха и Симакай, 50–70 торговцев кинь из расположенных в дельте провинций, таких как Бакзянг, Виньфук и Тханьхоа, и примерно 30–45 китайских торговцев. Около 80 % буйволов, продаваемых на рынке Канкау, покупают китайские торговцы, 10 % – торговцы из Хайфона и

² Среди них около 50 домохозяйств составляют представители этнической группы таи, а 30 домохозяйств – представители этнической группы нунгов. Народ таи, как правило, торгует более ценными товарами, такими как бытовая техника, изделия из пластика и лекарственные растения, в то время как нунги торгуют сельскохозяйственными материалами, продуктами питания и овощами.

³ Ежегодно в районе вьетнамско-китайской границы в уезде Симакай действует от пяти до семи таких ограничений, каждое продолжительностью от трех до пяти дней. Во время действия ограничений пересекающие границу товары задерживают. Китайские торговцы не склонны приезжать в это время и не решаются ввозить товары в Китай, опасаясь, что их конфискуют китайские таможенники.

провинций Центрального плато⁴, ищущие боевых буйволов а оставшиеся 10% продаются местным жителям и жителям из близлежащих общин, которые покупают буйволов для разведения и работы.

Трансграничные этнические отношения на рынках

Народы таи и нунг из района на границе между Вьетнамом и Китаем поддерживают давние отношения с чжуанами из провинции Гуанси в Китае [Vương Xuân Tình 2014]. Многие из таи и нунгов, проживающих в Локбине, имеют родственников и соседей по ту сторону границы, особенно это касается супружеских отношений, потому что их предки мигрировали из Китая во Вьетнам на протяжении многих поколений. До пограничной войны 1979 г. во время праздников регулярно совершались переходы через границу по местным дорогам. С 1979 г. количество семей и родов таи и нунгов, которые помнят и поддерживают связь с родственниками в Китае, сократилось из-за войны и пограничного контроля, осуществляемого местными полицейскими силами обеих стран, что со временем привело к постепенному сокращению отношений между кланами. После нормализации отношений между Вьетнамом и Китаем в 1991 г. торговля возобновилась и трансграничные экономические отношения между этими этническими группами стали более заметными и разнообразными по форме [Lý Hành Sơn 2014: 26].

После того как открыли границу и в близлежащих районах стала развиваться экономика, многие товары из приграничной зоны Локбинь, такие как продукты питания, домашний скот, птица и лекарственные растения, покупались и отправлялись на рынок Айдием в Китае. Мелкие китайские торговцы – в основном представители народа чжуан – перевозят через границу такие товары, как, например, лекарственные растения, сахарный тростник и птица. Они приходят на рынок в Локбине, делают заказ или покупают сразу и перевозят товар прямо через границу. Так, Фыонг, женщина из народа таи, торгует на рынке и поддерживает отношения с тремя деловыми друзьями-чжуанами из Китая, которые часто приходят туда, чтобы заказать вьетнамские лекарственные растения, такие как настоящий кардамон, клубни горца остроконечного, жимолость и гималайский женьшень. Она покупает эти товары у местных жителей и продает их на рынке. Фыонг поддерживает торговые отношения с этими друзьями более 20 лет, начиная с 1999 г. Хай, тоже женщина из народа таи, 15 лет торгует лекарственными растениями у ворот рынка Локбинь, закупаая дома свежие лекарственные растения для китайских торговцев. У нее сложились отношения с пятью друзьями-чжуанами и одним родственником таи из г. Айдием по другую сторону границы. Бай, продавец препаратов китайской медицины из народа таи, имеет хорошие деловые отношения с тремя друзьями-чжуанами, а две его тети из народа таи вышли замуж в Китае. Все они просили Бая купить жимолость и сакандру голую (*sarcandra glabra*). Они ходят за товарами в Локбинь два-три раза в месяц. Бай – скупщик лекарственных растений – имеет деловые отношения с друзьями-чжуанами более 30 лет с 1990 г. по настоящее время.

⁴ Ежегодно 9 августа по лунному календарю в прибрежном районе Дошон, Хайфон, проводится традиционный фестиваль боёв буйволов. В провинциях Центрального плато (Тэйнгуен) проводится праздник жертвоприношения буйволов, который становится центральным событием. Чтобы подготовиться к этим праздникам, владельцы буйволов объезжают горные провинции, особенно их интересуют северные горные уезды, где они отбирают крупных, здоровых и уравновешенных буйволов, а затем обеспечивают им уход и готовят их для участия в культурных праздниках сообщества.

Вышеприведенные истории показывают, что деловые отношения продавцов, торгующих на рынке Локбинь, с мелкими торговцами, проживающими по другую сторону границы с Китаем, установились в основном после 1990 г. на основе новых социальных отношений. Трансграничные родственные отношения в рыночной торговле являются частью трансграничных отношений и играют жизненно важную роль в работе мелких торговцев. У Бонг, женщины из народа таи, торгующей курами на рынке Лок Бинь, три тётки со стороны отца и две тётки со стороны матери, одна младшая сестра – все по происхождению таи, замужем за чжуанами из китайского Айдиема, из них две тётки по материнской линии и одна тётка по отцу торгуют курами на рынке в Айдиеме. Они состоят в деловых отношениях с Бонг и часто приезжают в Локбинь на лунный Новый год, праздник посещения могил и годовщины смерти. В апреле 2018 г. Бонг выдавала свою дочь замуж, и все её родственники из Китая приехали на свадьбу в Локбинь.

У Хоан, этнической таи, торгующей пластмассовыми изделиями на рынке Локбинь, есть две тётки и четыре племянницы таи, и все вышли замуж в Айдиеме. Ещё у неё есть шесть родственников-чжуанов, четверо из которых связаны с семьёй её мужа. У родственников Хоан в Китае есть важные контакты в бизнесе и торговле, и вышеупомянутые родственники помогали Хоан импортировать товары, выбирать производителей, доставлять товары в Локбинь и оказывали финансовую поддержку. В 2014 г. Хоан понесла убытки и заняла денег у ростовщика на оплату импорта товаров, но одна из её тётка, две племянницы и три друга из Китая одолжили ей 300 млн донгов и познакомили с тремя продавцами, которые предоставили ей кредит на импорт товаров в Локбинь. Спустя два года Хоан выплатила все долги и теперь независима в своем бизнесе. По сравнению со многими мелкими торговцами на рынке Хоан имеет преимущество, поскольку ей очень помогали родственники, проживающие по другую сторону границы. Эти отношения важны для Хоан, и она часто встречается с родственниками и друзьями в Локбинь и в Китае на лунный Новый год, во время праздника посещения могил, на свадьбах, похоронах и годовщинах смерти.

Такие отношения, как у Хоан и её родственников, являющиеся результатом деятельности на рынке или связанные с ней, возникают достаточно часто и иногда закладывают основу для многих трансграничных браков. Около 15 женщин, торгующих на рынке Локбинь, вышли замуж за китайцев⁵. Эти женщины познакомились со своими мужьями, когда ездили в Китай за товарами, встречались с друзьями и навещали родственников. По словам Линь, женщины из народа нунг, которая 13 лет была замужем за чжуаном – китайским владельцем малого бизнеса, – до 2000 г. она со своей матерью ездила в Китай за товаром и поддерживала деловые отношения с семьёй своего мужа. Выйдя замуж, Линь осталась в Китае, но часто бывала в Локбинь, доставляя сюда товары мужа. За это время она помогла своему мужу продать больше товаров и расширить деловые отношения семьи.

На рынке Канкау хмонги считаются одной из этнических групп с самыми сильными трансграничными связями среди 26 этнических групп в приграничной зоне Вьетнама и Китая. Обычай хмонгов гласит, что люди с одинаковой фамилией и имеющие одних предков являются братьями, где бы они ни находились, и им запрещено вступать в брак. Если они знают друг друга, то должны помогать друг другу. У хмонгов существует практика бесплатной

⁵ Это отражает общую тенденцию в этнических группах таи и нунг в приграничных районах. Согласно статистике, с 1990 по 2011 г., если рассматривать только приграничные районы пров. Лангшон, 3004 женщины, большинство из таи и нунгов, вышли замуж по ту сторону границы, из них на район Локбинь пришлось 863 случая [Lý Hành Sơn 2014: 142].

миграции, поэтому они до сих пор часто циркулируют в приграничных районах, чтобы поприсутствовать на праздниках у родственников и друзей из других этнических групп. Основываясь на родословных и связанных с родством правилах, хмонги расширили свои отношения через деятельность по обеспечению средств к существованию благодаря этническим социальным организациям и культурной деятельности. Однако количество хмонгов, вступающих в брак с представителями своей этнической группы, проживающими за границей, меньше, чем у других меньшинств в Северном Вьетнаме [Lý Hành Sơn 2014: 126–127, 149]. Среди женщин-хмонгов в общине Чанкау только две недавно вышли замуж за китайских хмонгов, проживающих за границей. По словам местных жителей, хмонги издавна и вплоть до наших дней уделяют больше внимания поддержанию и укреплению родственных и этнических отношений во всех сферах жизни мужчин. Таким образом, женщины не играют важной роли в социально-экономическом обмене через трансграничные браки. Более того, хмонги в этой общине строго следуют обычаю не вступать в брак с людьми одного происхождения. Поэтому они поддерживают и укрепляют родственные отношения со своими родственниками, проживающими за границей посредством другой деятельности, а не через супружеские отношения.

До 1979 г. несколько местных хмонгов торговали буйволами в Лаокае, чтобы удовлетворить потребности своей этнической группы и хмонгов, проживающих в Китае [Bonnin 2011]. В прошлом такие операции имели небольшой масштаб, но между хмонгами, торговавшими буйволами в Канкау, и китайскими хмонгами существовали торговые связи и социальные отношения, так же как и с другими этническими группами на китайской территории. С тех пор как рынок был восстановлен и расширен, хмонги, которые раньше покупали буйволов на рынке Канкау, передали свой опыт и деловые связи своим потомкам. Благодаря этому торговые отношения между хмонгами в Канкау и хмонгами, проживающими по другую сторону границы, не только сохранились, но и ещё больше расширились.

Трансграничное родство и сеть этнических отношений играют важную роль в торговле буйволами на рынке Канкау. Чанг А.Д., 69-летний торговец с многолетним опытом торговли буйволами, сообщил, что до 1990 г. он покупал буйволов на рынке Фалонг, где в баре встретил Чанга А.В., 65-летнего хмонга из пров. Юньнань, Китай. Поговорив друг с другом, они поняли, что являются родственниками из одной семьи. С тех пор Чанг А.В. часто просил Чанга А.Д. найти и купить буйволов и познакомил его с четырьмя другими родственниками в Китае, которые также торговали буйволами. Позже они остановились в его доме, когда Чанг А.В. приехал покупать буйволов в Канкау.

Зянг А.К. – крупный торговец буйволами на рынке Канкау. В прошлом он покупал буйволов у Бао Йена, чтобы продавать их местным жителям. Десять лет назад Зянг А.К. встретил трёх дядей, которые потеряли связь с семьёй после эмиграции в 1980-х годах. Он покупал для них только буйволов и просил своих родственников купить лошадей в Китае и передать их людям в его районе и на равнине. Зянг А.К. рассказал, что, помимо трёх дядей в Китае, которые покупали буйволов на этом рынке, у него есть пять братьев, два младших шурина и пять младших братьев, которые тоже покупают и продают буйволов на рынке Канкау. Один из китайских дядей часто покупал буйволов у Зянга А.К. и их родственников. По словам Зянга А.К., пять братьев также стали крупными торговцами буйволами благодаря своим отношениям с тремя дядями, проживающими на китайской стороне.

Помимо этнических родственников, важную роль в торговой деятельности на рынке Канкау играют друзья. 42-летний Зянг А.Л. много лет занимается торговлей буйволами. Когда

его попросили составить список своих партнеров и отношений по работе, Зянг А.Л. сказал, что знает 20 торговцев буйволами хмонгов из общины Чанкау, 30 хмонгов в пров. Лаокай, семь друзей хмонгов в Китае и 20 друзей, принадлежащих к кинь и другим этническим группам. Случай Зянга А.Л. показывает, что в дружеских отношениях самую важную роль играет этническая принадлежность. Согласно объяснению Зянга А.Л., торговля буйволами требует капитала, географической близости, доверия и одного языка – все это делает условия для торговли более благоприятными и обеспечивает безопасность. Зянг А.Л. сказал, что в торговля с людьми из других этнических групп во время переговоров и выборе товаров часто возникают трудности и проблемы. Этнические друзья по другую сторону границы также становятся все более важными для торговцев буйволами, таких как Зянг А.Л. Китайские друзья-хмонги, которых он знал, были представлены ему родственниками при общении в баре на местном рынке. На нынешнем рынке Канкау многие хмонги участвуют в обмене и посещают бары. Как и родственные отношения, дружба, связанная с бизнес-деятельностью этнических меньшинств, поддерживается и укрепляется благодаря приглашениям друг друга на праздники, свадьбы, похороны и другие подобные мероприятия.

Несмотря на то что на рынке Канкау торговлей буйволами занимаются много кинь и некоторые другие этнические меньшинства, хмонги в этом районе, особенно в Канкау, играют важную роль в торговых операциях на рынке. Большинство этнических групп и торговцев в других местах часто вынуждены продавать буйволов хмонгам в Канкау вместо того, чтобы продавать их напрямую китайским торговцам.

Покупка буйволов у народа хмонг в Канкау для продажи в Китай не влечет за собой капитальных убытков и обычно приносит большую прибыль, поскольку цена, говорят, соответствует ценности буйвола. Между тем люди кинь не так честны, как хмонги, потому что назначают более высокую цену и иногда продают нездоровых буйволов. Если вы хотите иметь устойчивый бизнес, вам следует объединить бизнес с хмонгами в Канкау (Зянг Сео Л., 41 год, китайский хмонг, интервью на рынке Канкау в декабре 2017 г.).

Некоторые торговцы кинь пытались совершать сделки напрямую с китайскими торговцами хмонгами, но эти операции оказались менее успешными и эффективными, чем при продаже хмонгам в Канкау. Выяснилось, что языковое, культурное и религиозное сходство, основанное на этнических отношениях, является преимуществом хмонгов, помогая им стать посредниками в сделках по продаже буйволов между кинь и другими этническими группами в этом районе, включая китайских хмонгов.

Заключение

В течение долгого времени этнические меньшинства на вьетнамско-китайской приграничной территории поддерживали трансграничные отношения с теми же и другими этническими группами, участвуя почти во всех сферах экономической деятельности, социальной жизни, культурной и религиозной деятельности. Однако в прошлом эти отношения зависели от прямого контакта и обмена, что ограничивалось географическими и транспортными реалиями. Последствия пограничной войны 1979 г. и десятилетия закрытых границ между Китаем и Вьетнамом прервали и испортили отношения. После нормализации в 1991 г. дипломатических связей между двумя странами наряду с интенсивным развитием систем электронной связи и социальных сетей эти отношения все больше расширялись и укреплялись. Зоны пограничных пунктов и рынки служат местами, которые не только

позволяют жителям с обеих сторон границы обмениваться товарами, но и способствуют развитию транснациональных отношений между этническими группами.

Данное исследование показало, что трансграничные экономические отношения на указанных рынках, как правило, формируются на основе новых социальных отношений, таких как партнерство и браки. Что касается торговли, то китайские предприниматели часто идут на приграничные рынки, где сформированы или восстановлены трансграничные этнические и родственные отношения. На основании рекомендаций родственников и друзей, проживающих по обе стороны границы, а также в процессе рыночной торговли было заключено множество трансграничных браков, что ещё больше способствовало развитию социальных отношений и обмену товарами между этническими группами двух стран. Благодаря незначительным связям по линии кровного родства и давним знакомствам с представителями этнических групп по другую сторону границы в последние годы отношения между этническими меньшинствами на вьетнамско-китайской границе укрепились, что расширило экономические, социальные и трансграничные брачно-семейные отношения, а также транснациональные контакты. Некоторые этнические группы, такие как хмонги, знают, как использовать свои социокультурные преимущества для поддержания этнических и родственных трансграничных отношений, чтобы стать посредниками в сделках и играть важную роль на приграничных рынках. В этом случае трансграничные этнические отношения создают возможность для интеграции и развития этнических меньшинств по обе стороны границы.

Список литературы

Bonnin Christine. Markets in the Mountains: Upland Trade – Scapes, Trader Livelihoods, and State Development Agendas in Northern Vietnam. Doctoral thesis of Philosophy. Faculty of Graduate Studies and Research, McGill University, Montréal, 2011.

Endres W. Kirsten. Market Frictions: Trade and Urbanization at the Vietnam-China Border. NY: Berghahn, 2019.

Grillot Caroline. “Làm kinh doanh không dễ”: Những thay đổi thất thường của buôn bán ở vùng biên giới theo cách nhìn của người buôn bán Trung Quốc” [«Вести бизнес непросто»: неустойчивые изменения в приграничной торговле с точки зрения китайских торговцев] // *Tạp chí Dân tộc học.* 2014. №.3. Tr.16–25.

Hà Thị Kim Oanh. “Chợ tình” của người Dao đỏ Sa Pa [«Рынок любви» красных зао в Сапе] // *Tạp chí Dân tộc học.* 1997. №. 1. Tr. 75–76.

Lý Hải. Chợ – một trung tâm văn hóa ở vùng cao [Рынок - культурный центр в высокогорье] // *Tạp chí Văn hóa Dân gian.* 1995. №. 4. Tr. 21–24.

Lý Hành Sơn. Quan hệ xuyên biên giới trong hoạt động kinh tế ở một số tộc người vùng miền núi phía Bắc [Трансграничные отношения в экономической деятельности некоторых этнических групп в горных регионах Севера] // *Tạp chí Dân tộc học.* 2014. №. 4. Tr. 25–37.

Lý Hành Sơn, Trần Thị Mai Lan (đồng chủ biên). Quan hệ dân tộc xuyên quốc gia ở Việt Nam (Nghiên cứu tại vùng miền núi phía Bắc) [Транснациональные этнические отношения во Вьетнаме (исследования в горных районах Севера)]. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội, 2017.

Schoenberger Laura, Turner Sarah. Negotiating Remote Borderland Access: Small-Scale Trade on the Vietnam–China Border // *Development and Change.* 2008. No. 39(4). Blackwell Publishing.

Tạ Thị Tâm. Mạng lưới xã hội của các tiểu thương ở chợ vùng biên (Nghiên cứu trường hợp chợ Cốc Lều, tỉnh Lào Cai) [Социальная сеть мелких торговцев на приграничных рынках (на примере рынка Коклеу, провинция Лаокай)]. Luận văn Thạc sĩ Dân tộc học, Đại học Khoa học xã hội và Nhân văn Hà Nội [Магистерская диссертация по этнографии, Ханойский университет общественных и гуманитарных наук], 2013.

Tổng điều tra dân số và nhà ở năm 2009. Tổng cục thống kê. [Перепись населения и жилищного фонда 2009 г. Главное статистическое управление]. Hà Nội: Nxb. Thống kê, 2010.

Turner Sarah. Borderlands and border narratives: a longitudinal study of challenges and opportunities for local traders shaped by the Sino-Vietnamese border // Journal of Global History. 2010. No.5. P. 265–287.

Vương Xuân Tình. Một số vấn đề cơ bản về dân tộc dưới tác động của sự phát triển vùng biên giới Việt - Trung (Nghiên cứu về người Hà Nhì ở một làng của tỉnh Lào Cai và một làng thuộc châu Hồng Hà, tỉnh Vân Nam, Trung Quốc) [Основные этнические проблемы, возникающие под влиянием развития приграничной территории Вьетнама и Китая (Исследование народа ха-ни в деревне провинции Лаокай и деревне провинции Хонгха провинции Юньнань, Китай)]. Đề tài cấp Bộ. Viện Dân tộc học, 2011

Vương Xuân Tình. Văn hóa với phát triển bền vững ở vùng biên giới Việt Nam [Культура с устойчивым развитием в приграничных районах Вьетнама]. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội, 2014.

Vương Xuân Tình et al. Nghiên cứu quan hệ dân tộc xuyên quốc gia: Cách tiếp cận, phương pháp và khung phân tích [Исследование транснациональных этнических отношений: подходы, методы и аналитические основы] // Tạp chí Dân tộc học. 2014. № 4. Tr. 4–14.

Авторы:

Нгуен Тхи Тхань Бинь, канд. наук по антропологии, заместитель директора, Институт антропологии ВАОН. ORCID: 0000-0002-0712-9566. E-mail: nguyenttbinh@yahoo.com

Та Тхи Там, канд. наук по антропологии, научный сотрудник, Институт антропологии ВАОН. E-mail: tam110986@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 17.03.2021

Дата поступления в переработанном виде: 06.08.2021

Принята к печати: 24.08.2021

Nguyen Thi Thanh Binh, Ta Thi Tam
**CROSS-BORDER ETHNIC RELATIONS AT VIETNAM-CHINA
BORDER MARKETS SINCE 1990**

Abstract. At the Vietnamese-Chinese border, markets serve as places not only for exchanging and purchasing goods but also for socio-cultural exchanges among ethnic groups on both sides of the border. The Vietnamese economic renovation in the late 1980s and the process of normalizing Vietnam-China relations in 1990 have contributed to the development of the market system at the borderline between these two countries, meeting the commodity trade needs of involved ethnic groups in the region and the surrounding areas, promoting cultural exchange, and maintaining and expanding kinship relations and friendship between the ethnic groups on both sides of the border. This article explores the cross-border ethnic relationships shown in trading, exchanging goods, and developing social networks of ethnic minorities in two typical border markets – Loc Binh market in Lang Son’s Loc Binh district and Can Cau commune market in Lao Cai’s Si Ma Cai district – thereby clarifying the dynamics of ethnic relations in the Vietnam-China border area since 1990.

Keywords: ethnic relations, cross-border relations, border markets, Vietnam-China border

For citation: Nguyen Thi Thanh Binh, Ta Thi Tam (2021). Cross-Border Ethnic Relations at Vietnam-China Border Markets since 1990. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 71–89.

Introduction

Cross-border ethnic relations can be established among people with the same and different ethnic groups in border areas with neighboring countries [Vương Xuân Tình và cộng sự 2014: 4]. These types of relationships have a long history, manifested in economic activities, cultural exchange, and religious beliefs. In the context of globalization, and with the impact of modern transport, modern communication, and the market economy, these relationships not only increase within the relevant countries that share a border but also reach out to many other countries where people with the same ethnicity and the same religion may live [Lý Hành Sơn 2014: 26].

The shared border between Vietnam and China stretches over seven Vietnamese provinces, which, from east to west, includes Quang Ninh, Lang Son, Cao Bang, Ha Giang, Lao Cai, Lai Chau, and Dien Bien, as well as the two Chinese provinces Yunnan and Guangxi province and parts of the Zhuang autonomous regions. Besides the major Vietnamese ethnic group of the Kinh, 25 ethnic minorities are living in this area [Vương Xuân Tình 2014: 59]. Ethnic groups with a large population - over one million people - are Nung, Tay, Thai and Hmong people. Ethnic groups with a small population – under 10,000 people- are Pu Peo, Si La, La Hu... [Tổng cục thống kê 2010]. Meanwhile, in the South of China, there are 12 ethnic minorities¹ living for a long time, with kinship relationships with ethnic minorities in the border of Vietnam [Vương Xuân Tình 2014: 56]. For a long time, the residents in these border areas have had economic, cultural, and social exchanges, and these activities commonly take place at the bustling markets in the region and near the border.

Since Vietnam implemented its economic reforms and especially since Vietnam and China normalized relations in 1990, a series of traditional markets has been re-established in addition to some that are newly established. Up to now, the Vietnam-China border area has nearly 200 large and small markets, distributed in cities, towns, commune centers in the region. The markets concentrate

¹ Zhuang, Han, Dai, Buyi, Miao (Hmong), Yao, Yi, Hani, Lahu, Kelao, Jing and Hui.

more in Ha Giang province (90 markets), Cao Bang province (32 market) and less in Dien Bien province (1 market). This market system meets the needs of goods exchange of residents and provides a place for maintaining and delivering cultural and social exchange of all participating ethnic groups on both sides of the border. The development of the market system in the Vietnam-China border area not only has the role of promoting exchange activities between residents but also often represents the largest commodity transactions by land in the Northern mountainous region as well as the entire country. Therefore, the relationships and social networks between several ethnic minorities in the region on both sides of the border are increasingly expanding.

Based on field research at two of these markets—Loc Binh market in Lang Son's Loc Binh district and Can Cau commune market in Lao Cai's Si Ma Cai district—conducted over the past three years, this report presents an understanding of cross-border ethnic relations through trading and establishing and maintaining social networks between ethnic groups and traders in the border region, thereby clarifying the role of ethnic minority relations and trade among them.

Academic Discours

Before 2000, highland markets in general and Vietnam-China border markets received little research attention, with only a few ethnographic studies referring to these markets as cultural centers [Lý Hải 1995; Hà Thị Kim Oanh 1997]. Recently, many scholars have become interested in the transformation of border markets and the socioeconomic relations that take place there. Bonnin's [2011] research in Lao Cai province focused on understanding the dynamics of local ethnic minorities in exchanging goods in these markets and the impact of the recent market development policies of the state on the commercial livelihoods of small merchants. Grillot [2014] paid greater attention to the experience of cooperating between Vietnamese and Chinese small merchants in trading at Mong Cai market in Quang Ninh province to overcome cultural differences and business risks. Endres' [2019] research in Lao Cai focused on understanding social relations in the context of market activities and economic transactions in the border areas, examining cultural practices that enable small businesses to build and shape their social relationships, thereby demonstrating the dynamics and challenges that small traders need to overcome. A study by Tạ Thị Tâm (2013) at Coc Leu market in Lao Cai province aimed to understand how small businesses build social networks based on kinship, relatives, and other relationships in such markets. Up to now, research on this topic has been mainly concerned with the social networks of Vietnamese small traders and the trade relations between Vietnamese and Chinese traders in general, but little attention has been paid to the relations of ethnic minorities in the area.

While ethnic relations generally attract the attention of many social sciences in Vietnam, especially ethnography and anthropology, the study of cross-border ethnic relations has not been given adequate attention, especially when considering the perspective of ethnic history, cultural relations, migration and labor, and marriage and kinship relations [Vương Xuân Tình và cộng sự 2014: 6–7]. The research papers of Vương Xuân Tình [2011] and Lý Hành Sơn and Trần Thị Mai Lan [2017] are two of the most in-depth works on cross-border ethnic relations in the recent Vietnam-China border area. These studies show that up to now, the cross-border relations of ethnic minorities in this area still take place according to many traditions. Ethnic relations, kinship, and marriage continue to play a key role, making these the foundation for economic, social, and cultural relationships. These relationships are manifested through economic activities such as the exchange of crops and animals; cross-border trading; cross-border employment; land lease for production across borders, social systems (relatives and marriage), and cultural exchange (by using language,

cultural products, and attending family rituals). Turner (2010) and Schoenberger and Turner (2008) studied small-scale traders in the Vietnamese-Chinese border area and pointed out that, although the state has measures to tighten border management in terms of administration, residents often take advantage of their socio-cultural capital (e.g., local expertise, available trading networks, language proficiency, and ethnic relations) to overcome challenges and seize opportunities in their livelihood development. This study will clarify how ethnic minority traders in both border markets make use of their cross-border ethnic, kinship, and friendship relations in commodity exchanges at the markets.

Overview of the two studied markets

Loc Binh market

Located in Loc Binh town in Lang Son's Loc Binh district, 15 km away from the Chi Ma border gate, and adjacent to the Ninh Minh district and Ai Diem border gate economic zone (China), Loc Binh market is one of the traditional, ancient markets with characteristics of the Tay and Nung people in Lang Son province. Formed before the French colonial period, before the 1979 border war, there were many Chinese traders at the market. In 2011, Loc Binh market was rebuilt on the grounds of the old market covering an area of 6,000 m². Three-quarters of the market area are fully built and separated into rows with kiosks for clothing, footwear, electrical appliances, and household appliances, as well as breeders, livestock, poultry, and forest products. The market has a dedicated open-air area for amateur traders who come to sell agricultural products, but most people in the area retain the old habits and tend to focus on trading on the streets along the riverbank that stretches over several kilometers in length.

Previously, the market had only six sessions per month on the 1st, 6th, 11th, 16th, 21st, and 26th of the lunar month. Since 1990, Loc Binh market has been held every day to enable the people in the district to buy and sell goods. For a long time, the market's outstanding products were agricultural, forestry, and local products. About 80 households from the Tay and Nung communities² have permanent stalls at the market selling seedlings, agricultural materials, and native agricultural products such as mushrooms, bamboo shoots, cloud ear fungi, and all kinds of valuable medicinal herbs, such as cardamom, anise, cinnamon, and *ligusticum striatum*. These specialties are often transferred by traders who sell them at downstream markets and to China. Several small traders also import Chinese electronics and household appliances to sell at the market and deliver them to regional stores.

Can Cau market

Can Cau Market is a traditional market of the Hmong people of Can Cau commune in Lao Cai's Si Ma Cai district. Before 1995, Can Cau market was only a small-scale market where people sold cultivated products such as vegetables, maize, rice, chicken, and pigs; and some small traders brought groceries and necessities for sales to the market. There were 10 Hmong traders in the commune who bought buffalo and sold it to locals and Hmong traders in other parts of China. However, transactions usually only took place among families in the village. When the market was newly built at the current location, its convenience for traffic, along with the increasing purchasing power of local people, attracted more and more visitors to Can Cau and the neighboring communes around to the market. Families wishing to buy and sell buffaloes and traders in the commune also went to the market to trade, thus forming a trading area for cattle at the market. From 1995 to 2000,

² Among these, about 50 households are Tay ethnic people, and 30 households are Nung people. The Tay people tend to trade more valuable goods such as household appliances, plastic goods or medicinal plants, while the Nung people tend to trade agricultural materials, foods, or vegetables.

Can Cau market gradually increased in scale, meeting not only the demand for cattle and buffalo exchanges in the commune and the region but also providing a large number of buffaloes for the Chinese market. Starting with one session per week on Saturdays, in 2018, Can Cau market opened three more sessions on Tuesdays, Thursdays, and Fridays for buffalo trading. While in the 2000–2009 period, each session saw only a few hundred buffaloes traded, from 2010 to 2018 that number increased to thousands of buffaloes. From the end of 2018, the volume of traded buffaloes in the market decreased compared to before, with only about 300–500 buffaloes sold per session due to the impact of China's border ban³.

Since 2010, each market session saw the participation of 480 Hmong households from the commune (trading in all categories including buffaloes); about 120–150 Hmong buffalo traders and some other ethnic minorities from the neighboring communes and districts of Bac Ha and Si Ma Cai; 50–70 Kinh traders from delta provinces, such as Bac Giang, Vinh Phuc, and Thanh Hoa; and about 30–45 Chinese traders. About 80% of buffaloes traded at Can Cau market are sold to Chinese traders, 10% are sold to merchants looking for fighting buffaloes from Hai Phong and the Central Highlands provinces⁴, and the remaining 10% are traded with people from the area and the surrounding communities who buy buffaloes for breeding and work.

Cross-border ethnic relations in the markets

The Tay and Nung people in the Vietnam-China border area have had long-standing relations with the Zhuang people in Guangxi province, China [Vương Xuân Tình 2014]. Many Tay and Nung people in Loc Binh have relatives and neighbors across the border, especially marital relations, because their ancestors have migrated from China to Vietnam for many generations. Before the border war in 1979, traveling during the holidays took place regularly through local roads. Since 1979, the number of Tay and Nung families and lineages who remember and keep in touch with relatives in China has decreased due to the impact of the war and border controls by local police forces of both countries, both of which led to gradually split relations between the clans over time. However, since Vietnam and China normalized relations in 1990, goods were traded again, and cross-border economic relations among these ethnic groups became more prominent and diversified in forms [Lý Hành Sơn 2014: 26].

Since the opening of the border and the development of the nearby economy, many commodities such as food, livestock, poultry, and medicinal plants from the Loc Binh border area have been purchased and sold to Ai Diem market in China. Some items such as medicinal plants, sugarcane, and poultry are brought to the other side of the border by minor Chinese traders – mostly Zhuang people – who come to Loc Binh market to order or buy directly for the other side of the border. Mrs. Phuong, a Tay saleswoman at Loc Binh market, has relationships with three Zhuang business friends from China who often come to the market to order Vietnamese medicinal plants such as true cardamom, tuber fleecflower, honeysuckle, and Himalayan ginseng. She buys these from

³ Every year, the Vietnam–China border area in the district of Si Ma Cai experiences five to seven such bans, with each lasting three to five days. During these bans, goods crossing the border are stalled. Chinese traders are less likely to come, or even do not dare to bring goods into China for fear of seizure by Chinese functional forces.

⁴ Every year on August 9 in the lunar calendar, there is a traditional buffalo fighting festival of the people in the coastal region of Do Son, Hai Phong. In the provinces of the Central Highlands, the buffalo stabbing festival takes place when there are major events in the community. To prepare for these festivals, buffalo owners go around the mountainous provinces, especially the northern mountainous areas, to find and select large, healthy, and well-balanced buffaloes for care taking and training to serve the community's cultural festivals.

people in the area to sell them at the market. Mrs. Phuong has had a trading relationship with these three friends for over 20 years since 1999. Mrs. Hai, a Tay woman who has been trading medicinal plants for 15 years in front of the gate of Loc Binh market, buys fresh medicinal plants for Chinese traders. She has relationships with five Zhuang friends and one Tay relative on the other side of Ai Diem town. Mr. Bay – a Tay seller of Chinese medicine – has good business relationships with three Zhuang friends and two of his aunts, who are Tay people, married in China. They all asked Mr. Bay to buy the honeysuckle and *sarcandra glabra*. They go to Loc Binh two to three times a month to collect goods. Mr. Bay has been a medicinal plant purchasing agent and has had business relationships with Zhuang friends for over 30 years, from 1990 to the present.

The above stories show that the business relationships of the sellers in Loc Binh market with small traders on the other side of China were mainly established after 1990 based on the new social relationships. Cross-border kinship relationships in market trade are also a part of cross-border relations and play a vital role in assisting the work of small traders. Mrs. Bong, a Tay woman selling chicken at Loc Binh market, has three aunts (on her father's side), two aunts (on her mother's side), one younger sister who are all Tay people, married to Zhuang husbands in Ai Diem, China, of which there are two aunts on the mother's side and one aunt on the father's side, who also sell chickens at the market in Ai Diem. They also have business relationships with Mrs. Bong and often go to Loc Binh for Lunar New Year, the Grave-visiting festival, and anniversaries of deaths. In April 2018, Mrs. Bong held a wedding for her daughter and all her relatives from China who went to Loc Binh to celebrate her daughter's wedding.

Mrs. Hoan, a Tay ethnic woman who sells plastic goods at Loc Binh market, has two aunts and four nieces who are Tay and married in Ai Diem, China. She also has six other relatives who belong to the Zhuang, of which four are related to her husband's family. Mrs. Hoan's relatives in China have important contacts in business and trading, and the above-mentioned relatives helped Mrs. Hoan import products, choose manufacturers, provide capital support, and transport goods to Loc Binh. In 2014, Mrs. Hoan made losses and borrowed from a loan shark to import goods, but one of her aunts, two nieces, and three friends from China lent her VND300 million and introduced her to three sellers who allowed her credit when importing to Loc Binh. After two years, Mrs. Hoan paid off all debts and is now independent in her business. Compared to many small traders in the market, Mrs. Hoan has an advantage, as she received a lot of help from her relatives on the other side of the border. These relationships are important to Mrs. Hoan, and they often meet each other for Lunar New Year, the Grave-visiting festival, weddings, funerals, and anniversaries of deaths in Loc Binh and China.

Relationships such as those between Mrs. Hoan and her relatives that result from or relate to the market happen often, and sometimes lay the foundation for many cross-border marriages. Up to 15 women who trade at Loc Binh market have married Chinese husbands⁵. These women got to know their husbands from going to China to pick up goods, meet friends, and visit relatives. According to Linh – a Nung woman who had been married for 13 years to a Chinese Zhuang small business owner – before 2000, she followed her mother to China to import goods and had a business relationship with her husband's family. After getting married, Linh stayed in China but often returned to Loc Binh to deliver the goods for her husband. Since then, she has helped her husband sell more products and expand the family's business relationships.

⁵ This reflects the general trend of the Tay and Nung ethnic groups in the border areas. According to statistics, from 1990 to 2011, only counting the border districts of Lang Son province, there were 3,004 women, most of them Tay and Nung, who got married across the border, of which, Loc Binh district had 863 cases [Lý Hành Sơn 2014: 142].

At Can Cau market, the Hmong are considered one of the ethnic groups with the strongest cross-border relations among the 26 ethnic groups in the Vietnam-China border area. Hmong customs stipulate that people with the same surname and ancestors are brothers, wherever they are, and are forbidden to get married. When they know each other, they should help each other. The Hmong also have free migration practices, so up to now, the Hmong often go back and forth between the border areas to visit and attend festivals of relatives and ethnic friends. Based on the lineages and their regulations, the Hmong have expanded into other relationships through livelihood activities, ethnic social organizations, and cultural activities. However, the number of Hmong people who marry their co-ethnic group across the border is less than other minorities in Northern Vietnam [Lý Hành Sơn 2014: 126–127, 149]. Among the Hmong women in Can Cau commune, only two have recently married Chinese Hmong across the border. According to the local people, the Hmong place greater emphasis on maintaining and consolidating kinship and ethnic relations in all areas of life, taking place among men from many generations to now. Thus, women do not have an important role in socioeconomic exchange through cross-border marriage. Moreover, the Hmong in this commune strictly follow the custom of not marrying people of the same lineage. Therefore, they maintain and strengthen kinship relations with their relatives across the border through other socioeconomic activities, rather than through marital relations.

Before 1979, several local Hmong traded buffaloes in Lao Cai to serve the need for traction between the local Hmong and those in China [Bonnin 2011]. In the past, these transactions have remained on a small scale, but a commodity connection and social relationships exist between the Hmong buffalo traders in Can Cau and those Hmong, as well as other ethnic groups, on the Chinese side. Since the market was restored and expanded, the Hmong who bought buffaloes from previous generations to Can Cau market passed their experience and their business relationships to their descendants. Owing to that, the trading relations between the Hmong in Can Cau and the Hmong on the other side of the border have been maintained and increasingly expanded.

Cross-border kinship and a network of ethnic relations play an important role in the buffalo trade in Can Cau market. Mr. Trang A.D., a 69-year-old trader with many years of experience in buffalo trading, said that before 1990, he bought buffaloes at Pha Long market, where he met Mr. Trang A.V., a 65-year-old Hmong from Yunnan province, China, at a pub. After talking to each other, they realized they were relatives from the same family lineage. Since then, Mr. Trang A.V. has often asked Mr. Trang A.D. to find and buy buffaloes and introduced Mr. Trang A.D. to four other relatives in China who also traded buffaloes. Later, they stayed at his house when Mr. Trang A.V. came to buy buffaloes in Can Cau.

Mr. Giang A.Q. is a large buffalo trader at Can Cau market. In the past, he bought buffaloes from Bao Yen to sell to people in the area. Ten years ago, Mr. Giang A.Q. met three uncles who had lost contact with the family after emigrating across the border in the 1980s. He only bought buffaloes for them and asked his relatives to buy horses from China and transfer these to the people in his area and the lowland areas. Mr. Giang A.Q. recounted that, in addition to the three uncles from China who bought buffaloes at this market, he had five brothers, two younger brothers-in-law, and five younger brothers who also buy and sell buffaloes at Can Cau market. One of the Chinese uncles often bought buffaloes from Mr. Giang A.Q. and their relatives. According to Mr. Giang A.Q., the five brothers also became big buffalo traders because of their relationship with the three uncles across the border.

In addition to ethnic relatives, friends also play an important role in trading activities at Can Cau market. Mr. Giang A.L., who is 42 years old, has been a buffalo trader for many years. When asked to make a list of his partners and relationships at work, Mr. Giang A. L. said that he knew 20

Hmong buffalo traders at Can Cau commune, 30 Hmong in Lao Cai province, seven Hmong friends in China, and 20 friends who belong to the Kinh and other ethnic groups. The case of Mr. Giang A.L. shows that, within friendships, the same ethnicity plays the most important role. According to Mr. Giang A.L.'s explanation, buffalo trade needs capital, geographic proximity, trust, and the same language – all of which make the conditions for trade more favorable and ensure safety. Mr. Giang A.L. said that trading with people of other ethnic groups often leads to difficulties and problems in bargaining and selecting items. Ethnic friends on the other side of the border are also increasingly important to buffalo traders like Mr. Giang A.L. The Chinese Hmong friends he knew were introduced by relatives through exchanges at a pub in the local market. At the current Can Cau market, many Hmong participate in exchanges and visit pubs. Like kinship relations, friendships surrounding the business activities of ethnic minorities are also maintained and strengthened through inviting each other to attend festivals, weddings, funerals, and other similar events.

Although there is a large number of Kinh and some other ethnic minorities involved in the buffalo trade at Can Cau market, the Hmong in the area, especially the Hmong in Can Cau, play an important role in commodity trading at the market. Most ethnic groups and traders in other localities often must sell buffaloes to the Hmong in Can Cau, instead of selling them directly to Chinese traders.

Buying buffaloes from the Hmong people in Can Cau to sell in China does not incur capital losses, and usually brings in a lot of profit, as the price they say is the same as the value of the buffalo. Meanwhile, Kinh people are not as honest as the Hmong because they ask for a higher price and sometimes sell unhealthy buffaloes. If you want to do a sustainable business, you should combine business with the Hmong in Can Cau (Mr. Giang Seo L., 41 years old, Chinese Hmong, interview at Can Cau market in December 2017).

Some Kinh traders tried to transact directly with Chinese Hmong traders but were less successful and effective than when selling to the Hmong in Can Cau. The linguistic, cultural, and belief similarities based on ethnic relations have been shown to be an advantage of the Hmong, helping them become intermediaries in buffalo transactions between the Kinh and other ethnic groups in the area, including Chinese Hmong.

Conclusion

For a long time, ethnic minorities in the Vietnamese-Chinese border area have had cross-border relations with the same and different ethnic groups, taking place in almost all economic activities, social relations, cultural, and religious activities. However, in the past, these relationships depended on direct contact and exchange, limited by geographic and traffic difficulties. The impacts of the border war in 1979 and a decade of closed borders between China and Vietnam interrupted and damaged the relationships. Since the two countries normalized diplomatic relations in 1990, along with the strong development of electronic communication systems and social networks, these relations have been increasingly expanded and enhanced. Border gate areas and markets serve as places that not only allow the exchange of commodities between the two countries but also promote the transnational ethnic relations of ethnic groups on both sides of the border.

This study has shown that cross-border economic relations in these markets are mainly formed based on new social relations, such as partnerships and marriages. When it comes to trading relations, Chinese traders often go to these border markets, where cross-border ethnic and kinship relations have been formed or re-established. Based on the recommendations of relatives and friends on either side of the border and during the market trade, many cross-border marriages have taken place, further promoting social relations and the exchange of goods between ethnic groups in the two countries.

From minor blood-related relationships and long-standing acquaintanceships with ethnic groups on the other side of the border, in recent years, the relationships between ethnic minorities around the Vietnamese-Chinese border have been strengthened, thus expanding economic, social, cross-border marital relations, as well as transnational relationships. Some ethnic groups like the Hmong know how to take advantage of their socio-cultural advantages in maintaining ethnic and kinship relations across the border to become intermediaries in transactions and take an important role in the border markets. In this case, cross-border ethnic relations provide an opportunity for the integration and development of ethnic minorities on both sides of the border.

References

- Bonnin Christine (2011). *Markets in the mountains: Upland Trade - Scapes, Trader Livelihoods, and State Development Agendas in Northern Vietnam*. Doctoral thesis of Philosophy, Faculty of Graduate Studies and Research, McGill University, Montréal.
- Endres W. Kirsten (2019). *Market Frictions: Trade and Urbanization at the Vietnam-China Border*. NY: Berghahn.
- Grillot Caroline (2014). “Làm kinh doanh không dễ”: Những thay đổi thất thường của buôn bán ở vùng biên giới theo cách nhìn của người buôn bán Trung Quốc” [“Business is Not Easy to Do”. The Vagaries of Border Trade from the Chinese Wholesalers’ Perspective]. *Tạp chí Dân tộc học*, 3: 16–25.
- Hà Thị Kim Oanh (1997). “Chợ tình” của người Dao đỏ Sa Pa [“Love market” of the Red Yao in Sapa]. *Tạp chí Dân tộc học*, 1: 75–76.
- Lý Hải (1995). Chợ – một trung tâm văn hóa ở vùng cao [Market – a cultural center of the upland]. *Tạp chí Văn hóa Dân gian*, 4: 21–24.
- Lý Hành Sơn (2014). “Quan hệ xuyên biên giới trong hoạt động kinh tế ở một số tộc người vùng miền núi phía Bắc” [Transborder Ethnic Relation in Economic Activity of a Number of Ethnic Peoples in Northern Upland]. *Tạp chí Dân tộc học*, 4: 25–37.
- Lý Hành Sơn, Trần Thị Mai Lan (Đồng chủ biên) (2017). *Quan hệ dân tộc xuyên quốc gia ở Việt Nam (Nghiên cứu tại vùng miền núi phía Bắc)* [Cross-border Ethnic Relation in Vietnam (Research at the Northern Upland)]. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội.
- Schoenberger Laura, Turner Sarah (2008). Negotiating Remote Borderland Access: Small-Scale Trade on the Vietnam-China Border. *Development and Change*, 39(4), Blackwell Publishing.
- Tạ Thị Tâm (2013). *Mạng lưới xã hội của các tiểu thương ở chợ vùng biên (Nghiên cứu trường hợp chợ Cốc Lếu, tỉnh Lào Cai)* [Social network of small traders in a border market (Case study of Coc Leu Market, Lao Cai Province)]. Luận văn Thạc sĩ Dân tộc học, Đại học Khoa học xã hội và Nhân văn Hà Nội.
- Tổng cục thống kê (2010). *Tổng điều tra dân số và nhà ở năm 2009* [General Statistic Office. The 2009 Vietnam Population and Housing Census]. Hà Nội: Nxb. Thống kê.
- Turner Sarah (2010). Borderlands and border narratives: a longitudinal study of challenges and opportunities for local traders shaped by the Sino-Vietnamese border. *Journal of Global History*, 5: 265–287.
- Vương Xuân Tình (2011). *Một số vấn đề cơ bản về dân tộc dưới tác động của sự phát triển vùng biên giới Việt-Trung (Nghiên cứu về người Hà Nhì ở một làng của tỉnh Lào Cai và một làng thuộc châu Hồng Hà, tỉnh Vân Nam, Trung Quốc)* [Some Basic Issues on Ethnicity Under the Impact of the Vietnam-China Borderland Development (Case Study of Hani People in a Village of Lao Cai Province and a Village of Red River District, Yunnan Province, China)]. Đề tài cấp Bộ, Viện Dân tộc học.
- Vương Xuân Tình (2014). *Văn hóa với phát triển bền vững ở vùng biên giới Việt Nam* [Culture and Sustainable Development in Vietnam’s Borderland Regions]. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội.
- Vương Xuân Tình và cộng sự (2014). Nghiên cứu quan hệ dân tộc xuyên quốc gia: Cách tiếp cận, phương pháp và khung phân tích [Vuong Xuan Tinh and partners. Research on Transnational Ethnic Relations: Approaches, Methods and Analytic Frameworks]. *Tạp chí Dân tộc học*, 4: 4–14.

Authors:

Nguyễn Thị Thanh Binh, Ph.D. (Anthropology), Deputy Director, Institute of Anthropology VASS. ORCID: 0000-0002-0712-9566. E-mail: nguyenttbinh@yahoo.com

Tạ Thị Tâm, Ph.D. (Anthropology), Researcher, Institute of Anthropology VASS. E-mail: tam110986@gmail.com

Article history:

Received: March 17, 2021

Received in revised form: August 6, 2021

Accepted: August 24, 2021

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-90-108

Нгуен Ван Кхань

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ ВЬЕТНАМА И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ

Аннотация. В современной литературе о Национальной партии Вьетнама (Việt Nam Quốc dân đảng), помимо литературных произведений и мемуаров, существует ряд статей и монографий, посвящённых созданию, организационной структуре, действующим базам, в которых даны некоторые предварительные оценки этой политической партии. Однако всё ещё остаются вопросы, требующие дальнейшего исследования. Изучая документы о руководящих принципах, планах действий и уставе этой партии, сопоставляя и сравнивая их с записями и отчётами Управления общей безопасности Индокитайского Союза, обобщая и анализируя историческую информацию в отечественных и зарубежных работах о революционном лидере Нгуен Тхай Хоке и Национальной партии, автор пытается прояснить два вопроса. Первый – политические представления Национальной партии Вьетнама о «национальном освобождении», и второй – её роль в национально-освободительном движении Вьетнама в период до возникновения позиций Коммунистической партии.

Ключевые слова: Национальная партия Вьетнама (НПВ), национализм, национальное освобождение

Для цитирования: *Нгуен Ван Кхань.* Национальная партия Вьетнама и освобождение страны // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 90–108.

Введение

Национальная партия Вьетнама (Việt Nam Quốc dân đảng, НПВ) – политическая организация, основанная в конце 1927 г. в Ханое на базе издательства «Нам Донг» (Nam Đồng thư xã) и связанная с Нгуен Тай Хоком, Нгуен Кхак Нью, Фо Дык Тинем и Хоанг Фам Чаном (Ньённг Тонгом). Хотя большинство лидеров партии были интеллектуалами, государственными служащими и конфуцианцами, НПВ отражала политическую идеологию буржуазии и национально-революционную тенденцию во Вьетнаме.

Что касается исследований, посвящённых НПВ, помимо таких работ её видных членов, как «Вьетнамская национальная партия, современная история борьбы 1927–1954 гг.» Хоанг Ван Дао [Hoàng Văn Đào 1970] и «Нгуен Тхай Хок (1902–1930)» Ньённг Тонга [Nhuộng Tống 2014], существуют ряд справочных материалов и университетских исследований о НПВ как одной из трёх самых известных политических партий Вьетнама в 1920-е годы. Наиболее заметными из них являются книги Чан Хюи Лиеу, историка и видного члена партии, в том числе его «История 80-летней борьбы против французов» [Trần

Huy Liệu 1957] и «Материалы к изучению вьетнамской революции нового времени», 5-й том [Trần Huy Liệu 1956]. Есть также работы Чан Ван Зяу, Динь Суан Лама и Киеу Суан Ба «Современная история Вьетнама», 4-й том [Trần Văn Giàu, Đinh Xuân Lâm, Kiều Xuân Bá 1963], Хо Сонга «История Вьетнама 1919–1929», 3-й том [Hồ Song 1979], «История Вьетнама 1858–1945 гг.» под редакцией Нгуен Кхань Тоана, 2-й том [2004]. Недавно вышло несколько монографий, в том числе «История Вьетнама», 3-й том, под редакцией Динь Суан Лама [2016] и «История Вьетнама 1919–1930 гг.», 8-й том, под редакцией Та Тхи Туи [2013]. За пределами своей страны НПВ также упоминается в некоторых монографиях и книгах по истории Вьетнама до и после 1930 г., таких как “Неоднозначная колонизация Индокитая (1858–1954)” П. Брошё и Д. Хемери [1995], «Независимость Дайвьета и революция во Вьетнаме» Ф. Гиллемона [2012], «Вьетнамский дракон готовится к бою», том 1 «От колонизации к Вьетминю» Дж. Баттингера [1967], «Испытания вьетнамской традиции 1920–1945» Д. Марра [1981], «Подъём национализма во Вьетнаме, 1900–1940» Дж. Дюкера [1976] и др.

В бывшем Советском Союзе, а затем в России также издан ряд исследовательских работ, посвящённых анализу течений во вьетнамском национально-освободительном движении в 1920-е годы, в том числе буржуазному течению и представлявшей его Национальной партии Вьетнама. Среди наиболее заметных отметим работы А.П. Шилтовой и В.Ф. Мордвинова «Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858–1945)» [1958], М.А. Чешкова «О роли буржуазно-демократических течений в национально-освободительном движении Вьетнама» [1968], О.В. Новаковой «Колониальная политика Франции и национально-освободительное движение во Вьетнаме 1917–1929 гг.» [1967], О.В. Новаковой и П.Ю. Цветова «История Вьетнама», часть 2 [1995].

В то же время, изучая членство в партии, руководство, организационную структуру и направления деятельности, необходимо рассмотреть ещё один важный вопрос, связанный с НПВ, – её роль в революционном движении во Вьетнаме. Целью настоящей статьи является анализ взглядов НПВ на рост национально-освободительного движения, сходство и различие между НПВ и «тремя народными принципами» Сунь Ятсена, сфера деятельности НПВ и её роль в национально-освободительном движении в период до образования Коммунистической партии Вьетнама в начале 1930-х годов.

Взгляды НПВ на национализм

НПВ – политическая партия, представляющая вьетнамскую буржуазию. Во Вьетнаме в 1920-е годы под влиянием Сунь Ятсена и его «трёх народных принципов» заметно активизировалось национально-освободительное движение. Воздействие этих принципов на вьетнамских патриотов было настолько сильным, что «китайский национализм был преобразован во вьетнамский национализм путём добавления вьетнамских элементов» [Trần Huy Liệu et al. 1956: 15].

Это оказало сильное влияние на политические идеи, организационную структуру и действующие базы НПВ, подтолкнуло ее к решению «совершить национальную революцию, прежде чем участвовать в мировой революции». В соответствии с этой стратегией она «присоединится к обездоленным странам для проведения мировой революции» после совершения национальной революции [Trần Huy Liệu et al. 1956: 18].

В 1929 г. в программу партии были внесены поправки, и НПВ объявила, что её целью является «совершение национальной революции» [Trần Huy Liệu et al. 1956: 98] и установление республиканского строя. Более чётко эта цель была изложена в Плане действий

партии. После принятия основополагающих руководящих принципов, состоящих из трёх основных ценностей – свободы, равенства и братства, НПВ уточнила, что стремится осуществить национальную, политическую и социальную революцию.

Политические руководящие принципы и идеология НПВ в чем-то схожи с тремя народными принципами Сунь Ятсена, поскольку все они «сосредоточены на национальном, а не на классовом аспекте». Но в планах действий и программе с момента её принятия 15 декабря 1927 г. «три народных принципа не были официально признаны идеологией партии», потому что «их содержание было в основном китайским» [Trần Huy Liệu et al. 1956: 38].

Взгляды НПВ и Сунь Ятсена существенно отличаются в части этапов и методов революции. Сунь Ятсен предложил провести революцию в три этапа – военный, политический и конституционный. Чтобы реализовать стремление к национальной независимости, он поставил три цели. Первая – проводить массовые кампании, имеющие целью пробудить народ и привести его к борьбе против династии Цин. Вторая – экспериментировать с методами вооружённой борьбы. Третья – осуществить массовую революцию с целью свержения династии Цин. В то время как НПВ намеревалась мобилизовать всё население, осуществить национальную революцию, учредить республиканский демократический строй и помочь угнетённым народам совершить революции в своих странах и освободить себя.

Идеи национально-освободительного движения НПВ также отличались от выдвинутых Сунь Ятсеном. До Синьхайской революции 1911 г. в Китае Сунь Ятсен находился под влиянием западных националистических идей и из-за растущего открытого вмешательства империалистических сил в Китае скорректировал свою стратегию, чтобы «создать республику пяти этнических групп», в которой ханьцам отводилась основная роль. Эта стратегия могла стать вторым этапом в развитии национализма Сунь Ятсена. Однако с самого начала его национализм был главным образом великоханьским национализмом. Однажды он сказал: «Ханьцы должны контролировать правительство до того, как начнут управлять страной; когда правительство контролируется другими этническими группами, страна находится в их руках <...> Теперь правительством владеют маньчжуры; мы, народ хань, все так же придерживаемся нашего стремления <...> продолжать восстание» [Sun Yat Sen 1995: 189]. В другом тексте он подтвердил, что «согласно социальным обычаям в истории Китая <...> национализм – это китайский национализм (имеется в виду ханьский национализм). Он подчеркнул, что «национализм означает китайский национализм, который применим только к Китаю, а не к другой стране» [Sun Yat Sen 1995: 50–51]. После «движения 4 мая» (4 мая 1919 г.), особенно после того, как в 1923 г. Национальная партия Китая начала сотрудничать с Коммунистической партией Китая, воззрения Сунь Ятсена на национализм изменились, дополнились и стали четырьмя великими принципами: союз с Россией, сотрудничество с коммунистами, поддержка рабочих и крестьян, обеспечение равных прав на землю и сдерживание капитализма. Он выступал за «гармонизацию отношений этнических групп» и свержение императора для восстановления независимости, введение «самоопределения этнических групп» и построение нации «Великого Китая» [Nguyễn Văn Hồng et al. 2013: 90]. Национализм Сунь Ятсена постоянно изменялся, и если первоначально он был направлен на «изгнание маньчжуров», то затем на «создание республики пяти этнических групп» и, наконец, на создание «Великого Китая». По сути, это был национализм «Великой Хань».

Националистическая идеология НПВ концентрировалась на противодействии угнетению народа иностранными агрессорами и в конечном итоге была направлена на свержение колониального и феодального правления и восстановление национальной независимости и свободы. Эта идеология проявилась не только в руководящем девизе НПВ, но и в её взглядах на силы, необходимые для проведения национальной революции. С момента своего создания партия заявляла о намерении «установить контакт со всеми

соотечественниками и товарищами, независимо от класса и веры, и обратиться к насилию, чтобы восстановить независимость Вьетнама» [Nhuong Tổng 2014: 26]. Это была прогрессивная идея по сравнению с идеей патриотически настроенных интеллигентов-конфуцианцев начала XX в., таких как Фан Бой Тяу¹ с его идеями о национальной силе, и особенно о слабой роли рабочих и крестьян в борьбе за национальное освобождение.

Однако эта прогрессивная идея нашла отражение только в руководящих принципах и общей стратегии НПВ, а на деле партия в основном сосредоточилась на привлечении новых членов и создании действующих органов среди мелкой буржуазии (то есть мелких собственников, учителей, государственных служащих и т. д.), богатых землевладельцев и особенно вьетнамских солдат во французской армии. Что касается рабочих и крестьян, НПВ вербовала их только в союзы (общественные организации) в качестве сторонников партии. В связи с этим Чан Зан Тиен отметил, что «Национальная партия Вьетнама, похоже, не осознавала силу масс. Её рекламные кампании и организационная структура были в основном связаны со средним классом» [Trần Dân Tiên 2004: 73]. В течение двух лет своего существования НПВ направляла усилия и вкладывала финансы только в производство бомб и приобретение оружия в провинции и совершала только террористические акты и убийства, самым заметным из которых было убийство Базена в феврале 1929 г. в его доме № 110 на улице Хюэ в Ханое².

Очевидно, Сунь Ятсен стремился популяризировать вариант китайского национализма, который, по сути, был великоханьским национализмом, в то время как НПВ намеревалась, мобилизовав силы всего народа, только положить конец угнетению вьетнамской нации и решить вопрос национального освобождения, осуществив революцию, направленную на свержение французского колониального господства. В этом было главное отличие стратегии НПВ в отношении национализма от трёх народных принципов Сунь Ятсена.

Вклад НПВ в освобождение Вьетнама

После многих усилий по мобилизации народных сил для создания и развития организационной структуры, объединения и установления связей между отечественными и зарубежными патриотическими силами НПВ пришла к решению поднять Иенбайское восстание и вступить в финальную схватку с французскими колониальными правителями, чтобы «поставить себе это в заслугу, несмотря на возможность неудачи», жертвуя собой, подать пример «для подражания преемникам» [Hoàng Văn Đào 1970:104]. По указанию Генерального комитета органы НПВ активно готовили оружие и производили гранаты и боеприпасы при подготовке к восстанию [Direction des Affaires Politiques 1933: 10]. После некоторых обсуждений и изменений плана в ночь на 9 февраля 1930 г. в Иенбае началось восстание, которое распространилось на многие провинции Тонкина. Это можно считать высшим достижением как лидеров, так и всех членов НПВ. Однако чуть более чем через неделю французские власти жестоко подавили восставшие группировки, нанеся полное поражение этому восстанию.

Провал Иенбайского восстания явился следствием многих причин как субъективного, так и объективного характера. Но создание и деятельность НПВ и особенно храбрость её

¹ Фан Бой Тяу предложил мобилизовать 10 типов людей в антифранцузский альянс, в том числе ученых-конфуцианцев из движения «Кан выонг», вьетнамских солдат из французской армии, религиозных соотечественников, враждебно настроенных против французов, учеников, поваров, даже женщин и т. д. Однако он не упомянул рабочих и крестьян – самую большую и наиболее угнетённую в то время группу вьетнамского общества.

² Альфред Франсуа Базен отвечал за рекрутинг рабочих в Тонкине и отправку их в Южный Индокитай (включая Кохинхину и Камбоджу) и Вануату (французская колония в Океании).

вождей и преданных бойцов в ходе восстания явились важным моментом и сыграли весомую роль в развитии национально-освободительного движения Вьетнама до 1930 г. НПВ существовала лишь более двух лет, но сумела внести свой вклад в формирование духа патриотизма и самоопределения у вьетнамских масс. Руководствуясь патриотическими чувствами, лидеры партии Нгуен Тхай Хок, Нгуен Кхак Нью, Фо Дык Тинь и Нгуен Тхе Нгиеп добровольно оставили свои престижные профессиональные посты и отказались от исследований, славы и статуса, чтобы решительно вступить на путь революции и с готовностью пожертвовать собой ради великой цели – борьбы за свержение французского колониального господства и восстановление национальной независимости и свободы.

Начав с регулярного выпуска прогрессивных газет и книг, издательство «Нам Донг» стало издавать газету *Hồn cách mạng* («Душа революции») и осуществлять другую пропагандистскую деятельность, а НПВ непосредственно внесла свой вклад в патриотическое воспитание, пробуждая и поддерживая во вьетнамском народе стойкую и непоколебимую волю к борьбе против иностранных захватчиков, за прекращение французского колониального господства. В частности, храбрость и отвага членов НПВ в антифранцузских операциях, особенно во время Иенбайского восстания, стали выдающимся примером революционного героизма, мужества и готовности жертвовать собой ради Отечества. После восстания сотни его участников и тысячи их соотечественников были арестованы, заключены в тюрьмы и казнены французскими колониальными властями. Через четыре месяца после восстания, 17 июня 1930 г., французские власти обезглавили в Иенбае 13 членов НПВ, включая её лидера Нгуен Тхай Хока [Treize Têtes: 17.06.1930; Roubaud 1931: 159–160].

С июля 1929 г. по январь 1931 г. в Тонкине были также обезглавлены 37 членов НПВ, около тысячи патриотов оказались в тюрьмах, в том числе в ссылке на о-в Пуло-Кондор. В конце 1930 г. французы перевели некоторых заключенных в Вануату. В 1931 г. они перевели 300 членов НПВ из Пуло-Кондора на оккупированные Францией острова Гайаны в Южной Америке, чтобы изолировать этих политических заключенных и использовать их в качестве рабочей силы [Hoàng Văn Đào 1970: 177].

Несмотря на то что Иенбайское восстание было жестоко подавлено, оно явилось прямым ударом по феодальным и колониальным правителям, нанеся урон их руководящим органам во многих местах. С 9 по 15 февраля 1930 г. казармы и некоторые административные органы французов в Иенбае были захвачены повстанческими силами в нескольких районах, например, в Хонгхоа, Футхо, Шонтэе, Хайзыонге, Тхайбине. Во многих уездах и префектурах повстанческие силы атаковали органы управления и даже на некоторое время захватили их.

Считается, что после Первой мировой войны и до начала 1930 г. Иенбайское восстание было самым мощным и наиболее заметным революционным движением вьетнамского народа в борьбе против французского колониального господства. Как в 1933 г. выразился Хонг Тхе Конг, также известный как Ха Хюи Тап³, «восстание было событием несомненного революционного значения <...> Это было крупномасштабное восстание рабочих Индокитая против французских империалистов» [Hồng Thái Công 1933: 667]. И это – неизбежный результат тиранического правления французских колонизаторов в отношении вьетнамского народа, показавший серьёзное противоречие между всем вьетнамским населением и господствующими феодальными и колониальными силами. Не достигнув своей цели,

³ Ха Хюи Тап (1906–1941) считается теоретиком Коммунистической партии Индокитая. В течение трёх лет (1929–1932 гг.) учился в Советском Союзе в Восточном университете. Написал «Краткую историю коммунистического движения Индокитая» (на французском языке) и в 1933 г. вернулся в Китай. В 1934 г. руководил пропагандистской работой Коммунистической партии Индокитая и был главным редактором партийного большевистского журнала. В октябре 1936 г. избран генеральным секретарём Коммунистической партии Индокитая и занимал этот пост до 1938 г.

восстание, тем не менее, нанесло урон системе феодальной и колониальной системам и привело правителей в состояние крайней паники.

Популярность и влияние восстания не только оказали воздействие на французские власти в Индокитае, но и распространились на Францию. Во многих французских газетах публиковались статьи о героической борьбе членов НПВ и её жертвах, принесённых во имя независимости и свободы. После восстания Коммунистическая партия Франции, Коммунистический Интернационал и Международный антиимпериалистический фронт призвали трудящихся Франции поддержать НПВ. Вьетнамцы за рубежом и французские коммунисты провели множество демонстраций в знак протеста против жестокого притеснения французскими колониальными властями бойцов НПВ и вьетнамских патриотов. В определённой степени партия достигла цели-минимум – вызвать «землетрясение», от которого дрогнет всё французское колониальное господство в Индокитае.

Восстание потерпело поражение, но дало много ценных уроков вьетнамскому революционному движению: как создать и развить политическую организацию, обладающую достаточным стратегическим и боевым мастерством, и как организовать и привести всю нацию к окончательной победе в борьбе врагом не на жизнь, а на смерть. Наиболее важным фактором является определение правильной политической стратегии и правильных организационных и оперативных методов. По сравнению с патриотически настроенными учёными-конфуцианцами начала XX в. НПВ действительно продемонстрировала прогрессивное мышление и активно расширяла свои действия по мобилизации масс, особенно рабочих, в борьбе за национальное освобождение. Однако на практике у партии не было реальной политической программы и тем более реальной стратегии по привлечению и вербовке рабочих и крестьян, которые составили бы главную силу революции. Будучи пионером антиимпериалистического и антиколониального движения, НПВ не намеревалась искоренить феодальную систему и вернуть землю крестьянам. Поэтому партия не смогла заручиться поддержкой населения, в первую очередь рабочих и крестьян, в достижении цели освобождения нации. Вследствие этого, начавшись, Иенбайское восстание не получило поддержки и участия всего населения и потерпело неизбежное поражение..

Помимо урока по организации политической партии, разработке стратегии объединения национальных сил, Иенбайское восстание дало большой опыт подготовки вооружённых отрядов, особенно использования возможностей для создания условий и базы революции, а также опыт борьбы, захвата и удержания контроля над административными органами.

Несмотря на ошибки и недостатки, НПВ и поднятое ею восстание представляют собой кульминацию национальных буржуазных движений во Вьетнаме в период с конца Первой мировой войны до 1930-х годов. Однако в то время и в течение многих следующих десятилетий НПВ и буржуазно-революционные настроения не получили адекватной и объективной оценки. По мнению многих, партия состояла в основном из мелкой буржуазии и представляла идеи, защищала права буржуазии. По мнению VI конгресса Коммунистического интернационала (август 1928 г.), буржуазия в колониях была склонна к компромиссу с империализмом, настроена против движения рабочих и крестьян, против аграрной революции. Что касается мелкой буржуазии, то в ранний период национального движения она может быть активна, но в более поздние периоды эта группа может стать реакционной. В отчете VI конгресса Коминтерна отмечалось, что некоторые социальные группы/классы могут стать врагами пролетарского движения [Революционное движение 1929: 519].

В 1929 г. в письме Коминтерна коммунистам Индокитая под названием «Задачи коммунистов Индокитая» отмечалось, что буржуазия «в целом слабовольна и связана с землевладением и помещиками; с другой стороны, она находится под влиянием китайской

буржуазии и её контрреволюционной позиции. Часть современной буржуазии сотрудничает с французскими империалистами. Некоторые заинтересованы в том, чтобы договориться с ними. Конечно, вся буржуазия не может выйти за рамки ревизионистского национализма и по мере развития аграрной революции в конечном итоге присоединится к антиреволюционному лагерю. Некоторые буржуазные группы пытались возглавить национально-освободительное движение, но они делают это для того, чтобы сорвать движение и предать революцию». Что касается мелкой буржуазии, составлявшей большую часть руководства НПВ, то она рассматривалась Коминтерном как наиболее решительный представитель не только интересов мелкой буржуазии, но также общих и объективных интересов всей национальной буржуазии. Коминтерн считал, что «вся городская мелкая буржуазия могла бы быть движущей силой буржуазной демократической революции», в то время как «наёмные ремесленники, уличные торговцы и мелкие безработные интеллектуалы были наиболее революционно настроенными силами среди городской мелкой буржуазии» [Революционное движение 1929].

Под влиянием этой идеологии после закрытия VI конгресса (1928) и до конца 1930-х годов коммунистические партии, включая Коммунистическую партию Индокитая (КПИК), всегда отдавали приоритет классовому началу и классовой борьбе как «доминирующим» элементам при обобщении опыта и ориентации национально-освободительного движения в колониях [Đỗ Quang Hưng 1999: 30]. Оценивая этот вопрос, французский ученый Маранже также признала, что VI конгресс Коминтерна решил вернуться к линии «классовой борьбы» и провести «пролетаризацию» всех коммунистических партий [Marangé 2012: 77]. В этом контексте понятно, что НПВ и буржуазно-националистические настроения были лишены революционного духа и даже считались устаревшими и реакционными. Позже этот «левый» уклон Коминтерна был скорректирован, но в конце 1920-х – начале 1930-х годов классовая идеология и классовая борьба оставались доминирующими в политической повестке дня Коминтерна и КПИК.

Кроме того, после поражения Иенбайского восстания организационная структура НПВ практически распалась. Большинство её лидеров были схвачены и убиты, многие члены партии арестованы и брошены в тюрьмы; остались лишь небольшие группы и некоторые партийные органы, которые бездействовали или перебрались в Китай в ожидании новых возможностей. Позже эти группы набрали новых членов, постепенно стала проявляться антиреволюционная тенденция и даже попытки установить связь с внутренними и зарубежными реакционными силами, чтобы саботировать вьетнамское революционное движение, возглавляемое Компартией Индокитая. Это и есть причина фундаментального отличия НПВ, возглавляемой Нгуен Тай Хоком в период до 1930 г., от группы/организации НПВ 1940-х годов и после Августовской революции 1945 г.

Исторический опыт показал, что во Вьетнаме при тираническом правлении феодалов и колонизаторов большая часть городской буржуазии, прежде всего мелкая буржуазия, проявляла национальную гордость и патриотизм в борьбе с французами. После окончания Первой мировой войны, столкнувшись с трусостью и слабостью буржуазии, класс городской буржуазии смог поднять дух национализма, объединяя массы и вовлекая их разными методами и в разнообразной форме в борьбу с жестокими колониальными правителями. В результате бурного развития послевоенных национальных движений было основано много революционных организаций буржуазной интеллигенции, таких как Лига возрождения Вьетнама, Молодежная партия, Молодежная партия высоких устремлений и хорошо известные Вьетнамская революционная молодежная лига, Новая революционная партия Вьетнама и НПВ. В 1920-е годы появление и существование всех этих политических партий создало новые нюансы и стимулы во вьетнамском национально-освободительном движении. Таким образом, хотя НПВ существовала и действовала в течение короткого периода времени, она представляла собой прогрессивное развитие послевоенного вьетнамского национально-

освободительного движения. Поражение НПВ и Иенбайского восстания было неизбежным. Но объективно говоря, эта неудача проложила путь вьетнамскому рабочему классу, представленному Коммунистической партией, к быстрому подъему и эксклюзивному лидерству после 1930 г.

Заключение

Зародившаяся в полуфеодальной, полукOLONиальной стране вьетнамская буржуазия была слабой в экономическом и политическом отношениях. Из-за своих недостатков она не имела признания и была не в состоянии собрать массы и возглавить национально-освободительную революцию. Городская мелкая буржуазия активно и с энтузиазмом относилась к революции и, движимая патриотизмом, поднимала дух национализма, собирала национальные силы для борьбы за национальное освобождение.

НПВ состояла преимущественно из патриотически настроенной мелкой буржуазии, но при этом отстаивала права и идеи националистической буржуазии. До Иенбайского восстания свои идеи и девизы партия в основном заимствовала из «трёх народных принципов» Сунь Ятсена. Тем не менее в вопросе национального освобождения их подходы отличались. Если Сунь Ятсен считал китайский национализм великоханьским национализмом, то НПВ уделяла приоритетное внимание цели освобождения вьетнамского народа и мобилизации различных народных сил для свержения господства французских колонизаторов и восстановления национальной независимости.

Поражение Иенбайского восстания доказало несостоятельность и бессилие национального буржуазного движения Вьетнама. Но своим появлением и деятельностью НПВ способствовала распространению прогрессивных патриотических идей во Вьетнаме, повышая в народе патриотизм и дух национального самоопределения. Партия была одной из политических организаций, внесших большой вклад в мобилизацию народа, она организовала и возглавила вьетнамское национально-освободительное движение [Vấn Khánh Nguyễn 2016: 128]. Поражение НПВ и Иенбайского восстания дало рабочему классу возможность быстро получить преимущество в национально-освободительном движении и достичь абсолютного лидерства в нём. После своего поражения буржуазия официально покинула политическую арену, уступив место Коммунистической партии, возглавившей борьбу за национальное освобождение [Tạ Thị Thúy 2007: 542]. Несмотря на это, НПВ и Иенбайское восстание оставили ценный опыт для революционных начинаний во Вьетнаме в последующие периоды, особенно по определению пути развития революции, созданию и укреплению национальной солидарности с целью свержения колониального правления и восстановления независимости и свободы страны. Осознавая патриотический и революционный характер НПВ, Коммунистическая партия Вьетнама с момента своего образования на конференции 3 февраля 1930 г. выступала за привлечение членов НПВ в антиимпериалистическую ассоциацию [Đảng cộng sản Việt Nam 2002: 10] для участия в борьбе за национальное освобождение.

Список литературы

Новакова О.В., Цветов П.Ю. История Вьетнама. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1995.

Новакова О.В. Колониальная политика Франции и национально-освободительное движение во Вьетнаме в 1917–1929 гг. Дисс. канд. ист. н. М.: Изд-во МГУ, 1967.

Революционное движение в колониальных и полукOLONиальных странах. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск 4. (14.08 – 21.08.1928). М., 1929.

Чешков М.А. О роли буржуазно-демократических течений в национально-освободительном движении Вьетнама // Народы Азии и Африки. 1968. № 3.

- Шилтова А.П., Мордвинов В.Ф.* Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858–1945). М.: Изд-во МГИМО, 1958.
- Brocheux P., Hémery D.* Indochine la colonisation ambiguë (1858–1954). Paris: La Découverte, 1995.
- Buttinger J.* Vietnam a Dragon Embattled. Vol. 1: From Colonization to the Viet Minh. London, 1967.
- Đảng cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đảng toàn tập [Коммунистическая партия Вьетнама. Полное собрание партийных документов]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 2002.
- Đinh Xuân Lâm* (ed.). History of Vietnam. Vol. 3. Hanoi: VNU Press, 2016.
- Direction des Affaires Politiques et de la Sureté Générale de l'Indochine française. 1933. Le “Viet Nam Quốc dân đảng ou “Parti national annamite au Tonkin (1927–1932) [Управление по политическим вопросам и общей безопасности Французского Индокитая. «Вьетнамская Куок зан данг» или «Аннамская национальная партия» в Тонкине]. Vol. No.II. Hanoi, 1933.
- Đỗ Quang Hưng.* Thêm những hiểu biết về Hồ Chí Minh [До Куанг Хынг. Больше знаний о Хо Ши Мине]. Hà Nội: Nxb. Lao Động, 1999.
- Duiker J.* The Rise of Nationalism in Vietnam, 1900–1940. Ithaca and London, 1976.
- Guillemon F.* Đại Việt independence et révolution au Vietnam [Гийемон Ф. Независимость Дайвьета и революция во Вьетнаме]. Paris: Indes savants, 2012.
- Hồ Song.* Lịch sử Việt Nam (1919–1929) [Хо Шонг. История Вьетнама (1919–1929)]. Т. 3. Hà Nội, 1979.
- Hoàng Văn Đào.* Việt Nam Quốc dân đảng, lịch sử đấu tranh cận đại 1927–1954 [Хоанг Ван Дао. Национальная партия Вьетнама, история современной борьбы 1927–1954 гг.]. Sài Gòn: Nxb. Khai Trí, 1970.
- Hồng Thế Công.* Sơ thảo lịch sử phong trào cộng sản ở Đông Dương [Хонг Тхе Конг. Краткая история коммунистического движения в Индокитае], 1933.
- Marangé Céline.* Le communisme vietnamien. Paris: Presses de Sciences Po, 2012.
- Marr D.* Vietnamese Tradition on Trial 1920–1945. Berkeley, 1981.
- Nguyễn Khánh Toàn* (ed.). Lịch sử Việt Nam 1858–1945 [Нгуен Кхань Тоан. История Вьетнама 1858–1945]. Т. 2. Hà Nội, 2004.
- Nguyễn Văn Hồng, Nguyễn Thị Hương, Chương Thâu.* Tôn Trung Sơn với Việt Nam [Нгуен Ван Хонг, Нгуен Тху Хыонг, Тьыонг Тхай. Сунь Ятсен и Вьетнам]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 2013.
- Nguyễn Văn Khánh.* Sun Yat-sen and the Revolution of Vietnam // Vietnamese Studies. 2017. No.4. P. 33–58.
- Nguyễn Văn Khánh.* Việt Nam Quốc dân đảng trong lịch sử cách mạng Việt Nam [Нгуен Ван Кхань. Вьетнамская национальная партия в истории вьетнамской революции]. Hà Nội: Nxb. Khoa xã hội, 2012.
- Nhuộng Tống.* Nguyễn Thái Học (1902–1930). Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn, 2014.
- Roubaud Louis.* Vietnam la tragédie indochinoise [Рубан Луи. Вьетнам, индокитайская трагедия]. Paris: Librairie Valois, 1931.
- Sun Yat Sen.* The Three People's Principles. Hanoi: The Institute of Social Sciences Informations, 1995.
- Tạ Thị Thúy* (ed.). Lịch sử Việt Nam 1919–1930 [Та Тху Тхью (ред.) История Вьетнама 1919–1930]. Hà Nội: Nxb. Khoa xã hội, 2007.
- Tạ Thu Phong.* Tiếng hét Yên Bái [Та Тху Фьонг. Крик Иенбая]. Hà Nội: Nxb. The Gioi, 2019.
- Trần Dân Tiên.* Những mẩu chuyện về đời hoạt động của Hồ Chủ tịch [Чан Зан Тиен. Рассказы о жизни и деятельности президента Хо Ши Мина]. Nghệ An: Nxb. Nghệ An, 2004.

Trần Huy Liệu, Văn Tạo, Hướng Tân. Tài liệu tham khảo lịch sử cách mạng cận đại Việt Nam [Чан Хюи Льеу, Ван Тао, Хыонг Тан. Материалы по современной революционной истории Вьетнама]. Т. 5. Hà Nội: Ban Nghiên cứu Văn sử địa, 1956.

Trần Huy Liệu. Lịch sử 80 năm chống Pháp [Чан Хюи Льеу. История 80 лет антифранцузской борьбы]. Hà Nội, 1957.

Treize Têtes sont tombées ce matin [Сегодня утром слетели тринадцать голов] // L'Avenir du Tonkin, 17.06.1930.

Văn Khánh Nguyễn. The Vietnam Nationalist Party (1927–1954). Singapore: Springer, 2016.

Viện Lịch sử Đảng. Hà Huy Tập nhà lãnh đạo xuất sắc của Đảng và cách mạng Việt Nam [Институт истории партии. Ха Хай Тап, выдающийся лидер вьетнамской партии и революции]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 2016.

Автор:

Нгуен Ван Кхань, к. и. н., профессор, исторический факультет, Университет общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет. ORCID: [0000-0002-5510-9535](https://orcid.org/0000-0002-5510-9535). E-mail: khanhvn@vnu.edu.vn

Продвижение статьи:

Дата поступления: 10.04.2020

Дата поступления в переработанном виде: 05.08.2021

Принята к печати: 30.08.2021

Nguyen Van Khanh
THE VIETNAM NATIONALIST PARTY
AND THE NATIONAL LIBERATION OF VIETNAM

Abstract. In the current literature on the Vietnam Nationalist Party (Việt Nam Quốc dân đảng), besides the literary works and memoirs, a number of articles and monographs have dealt with the establishment, organizational structure, operational sites and provided some preliminary assessments of this political party. However, there are still some issues that need further research. By studying documents about the guiding principles, action plans and statute of the party, referencing and making comparisons with the notes and reports of the Indochinese General Security Department, and summarizing and analyzing the historical information provided by domestic and foreign works on revolutionary leader Nguyễn Thái Học and the Nationalist Party, the article seeks to clarify the two following issues: the Vietnam Nationalist Party's political views on the 'national liberation' question, and the role of the Vietnam Nationalist Party in Vietnam's nationalist movement prior to the rise of the Communist Party.

Keywords: the Vietnam Nationalist Party, nationalism, national liberation

For citation: Nguyen Van Khanh (2021). The Vietnam Nationalist Party and the National Liberation of Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 90–108.

Introduction

The Vietnam Nationalist Party (Việt Nam Quốc dân đảng, VNP) was a political organization founded in late 1927, based on the Nam Dong Publishing House (Nam Đồng thư xã), and associated with Nguyen Thai Hoc, Nguyen Khac Nhu, Pho Duc Chinh, and Hoang Pham Tran (Nhuong Tong). Although most of the leaders were intellectuals, civil servants and Confucianists, the VNP represents the bourgeois political ideology and national revolutionary tendencies in Vietnam.

Up to now, regarding the studies of the Vietnam Nationalist Party (VNP), apart from the works of its important members such as Hoang Van Dao, the author of *The Vietnam Nationalist Party, Modern History of the Struggle 1927–1954* [1970] and Nhuong Tong, the author of *Nguyen Thai Hoc (1902–1930)* [2014], there are some references and university books dealing with the VNP as one of the three most prominent political parties in Vietnam in 1920s. The notable ones are the books by Tran Huy Lieu, a historian and important member of the party, including *History of the 80 Years Resistance to the French* [1957] and *Reference on Vietnam's Modern Revolutionary History*, Vol. 5 [1956]. Also, there are such works as: Tran Van Giau, Dinh Xuan Lam, Kieu Xuan Ba *Modern History of Vietnam* Vol. 4 [1963]; Ho Song *History of Vietnam 1919–1929*, Vol. 3 [1979]; Nguyen Khanh Toan (ed.) *History of Vietnam 1858–1945*, Vol. 2 [2004]. Recently there have appeared some monographs such as *History of Vietnam*, Vol. 3 [2012] by Dinh Xuan Lam (ed.); *History of Vietnam from 1919 to 1930*, Vol. 8 by Ta thi Thuy (ed.) [2013]. Outside Vietnam, the VNP has also been discussed in some monographs and books on Vietnam in the period before and after 1930 such as P. Brocheux and D. Hémery *Indochine la colonization ambiguë (1858–1954)* [1995]; F. Guillemont *Đại Việt independence et révolution au Vietnam* [2012]; J. Buttinger *Vietnam, a Dragon Embattled*, Vol. 1 *From Colonization to the Viet Minh* [1967]; D. Marr *Vietnamese Tradition on Trial 1920–1945* [1981]; J. Duiker *The Rise of Nationalism in Vietnam, 1900–1940* [1976], etc.

In the former Soviet Union and current Russia, there have also appeared a number of research works on the Vietnamese national liberation trends in the 1920s, including issues such as the bourgeois revolutionary tendency and the Vietnam Nationalist Party as its representative organization. Some typical studies can be mentioned: A.P. Shiltova, V.Ph. Mordvinov *National Liberation Movement in Vietnam (1858–1945)* [1958]; M.A. Cheshkov *The Role of Democratic-Bourgeois Tendencies in the Vietnam Nationalist Liberation Movement* [1968]; O.V. Novakova *Colonial Policy of France and the National Liberation Movement in Vietnam 1917–1929* [1967] and O.V. Novakova, P.Yu. Tsvetov *History of Vietnam*, part 2 [1995].

At the same time, besides the key issues, such as the membership, leadership, organizational structure and operations, one important issue relating to the VNP still need to be discussed, namely, the role of the VNP in Vietnam's revolutionary movements. This article analyzes the views of the VNP on the rise of nationalism, the similarities and differences between the VNP and the Three People's Principles of Sun Yat Sen, the operation spaces, and the VNP's role in the national liberation movements prior to the establishment of the Communist Party of Vietnam in early 1930.

The VNP's views on the nationalist issue

The VNP is a political party representing the Vietnamese bourgeoisie. It was officially founded on December 25, 1927 in Hanoi. Influenced by Sun Yat Sen and his Three People's Principles, the national liberation movement developed rapidly in Vietnam in the 1920s. The impact of these Principles on Vietnamese patriots was so strong that "the Chinese nationalism was transformed into the Vietnamese nationalism by adding Vietnamese elements" [Trần Huy Liệu et al. 1956: 15].

Such a development had a strong impact on political ideas, organizational structure and operational sites of the VNP. When it was introduced, the VNP proposed "to accomplish the nationalist revolution before participating in the world revolution". Following this strategy, the party "would join the underprivileged nations to conduct the world revolution" after having accomplished the national revolution [Trần Huy Liệu et al. 1956: 18].

In 1929, the program was amended, and the VNP declared that its goal was to "make the national revolution" [Trần Huy Liệu et al. 1956: 98] in order to establish a republic regime. This goal was expressed more clearly in the Party's Action Plan. Having asserted its guiding principles as consisted of the three core values, Liberty, Equality and Fraternity, the VNP declared again that it sought to make a national revolution, a political revolution and a social revolution.

Compared to the Three People's Principles of Sun Yat Sen, the VNP's political guidelines and ideology are somewhat similar as they "focus on the national aspect instead of the class aspect". But, in its action plans and program since its introduction on December 15, 1927, "the Three People's Principles were not officially acknowledged as the party's ideology", because "their contents were mostly Chinese" [Trần Huy Liệu et al. 1956: 38].

However, the VNP's views and those of Sun Yat Sen differ significantly in the nationalist perspective. Sun Yat Sen proposed to conduct revolution through the three stages: Military, Political and Constitutional. He set out three objectives, relative to nationalism. The first was to conduct mass communication campaigns to awaken and lead the people to struggle against the Qing dynasty. The second was to test some methods of armed struggle. The third was to conduct a mass revolution to overthrow the Qing dynasty. Meanwhile, the VNP intended to mobilize the entire population, conduct the national revolution, develop the republic democratic regime and assist oppressed nations to conduct their own revolutions to liberate themselves.

Essentially, the VNP's nationalist ideas differed from those visualized by Sun Yat Sen. In China, before the Xinhua Revolution (1911), influenced by the Western nationalistic ideas and due to the overt intervention of the imperialist forces into China, Sun Yat Sen adjusted his strategy as a matter of "creating a republic of five ethnic groups", where the most important role belonged to the Han-Chinese. This strategy might have been the second stage in the development of Sun Yat Sen's nationalism. However, in the beginning, Sun Yat Sen's nationalism was principally the Great Han nationalism. Once he said: "The Han must control the government before governing the country; when the government is controlled by other ethnic groups, the country is in their hands... Now that the government belongs to the Manchu, we, the Han people, continue to pursue our aspiration... to continue our uprising" [Sun Yat Sen 1995: 189]. In another text, he affirmed that "according to the social customs in the history of China... nationalism was that of Chinese" (i.e., the Han nationalism). He emphasized that "Nationalism means the Chinese nationalism, only being applied to China but not to a foreign country" [Sun Yat Sen 1995: 50–51]. After the May Fourth Movement (May 4, 1919), especially after the China Nationalist Party began to cooperate with the China Communist Party in 1923, Sun Yat Sen's worldview on nationalism changed and was even amended to become the Great four strategies: to ally with Russia, to cooperate with Communists, to support workers and farmers, and to ensure equal land rights, as well as to restrain capitalism. He advocated "the harmonization of ethnic groups", overthrowing the emperor to restore independence, introducing "self-determination among the ethnicities" and constructing a nation of a "Great China" [Nguyễn Văn Hồng et al. 2013: 90]. Sun Yat Sen's nationalism was a process of ongoing transformation, initially aimed at "ostracizing the Manchu", "establishing a republic of five ethnic groups" and finally building the "Great China". It was essentially the "Great Han" nationalism.

On the other hand, the VNP's nationalist ideology focused on opposing the oppression of nations by foreign aggressors and ultimately aimed to overthrow the colonial and feudal rule to regain national independence and liberty. This ideology was not only demonstrated in the VNP's guiding motto, but also in its views of the forces needed to conduct the national revolution. Since its establishment, the VNP asserted its intention as "to make contact with all compatriots and comrades, regardless of class and faith, and to use violence to regain independence for Vietnam" [Nhượng Tống 2014: 26]. It was a progressive idea in comparison to that of patriotic Confucian intellectuals of the early 20th century, such as Phan Boi Chau¹ with his idea of national strength, especially of the role of workers and farmers in the struggle for the national liberation.

However, this progressive idea was only reflected in the VNP's guiding principles and overall strategy, while in reality the Party mainly focused on developing its membership and operational bodies among the petty bourgeoisie, (i.e., small owners, teachers, government officers, etc.), rich landlords and especially Vietnamese soldiers in the French army. As far as workers and farmers are concerned, the VNP only recruited them into the unions (popular organizations), where they functioned as party's sympathizers. Trần Dân Tiên also made a general remark that "the Vietnam Nationalist Party seemed to be unaware of the force of the masses. Its publicity campaigns and organizational structure were mostly associated with the middle-class" [Trần Dân Tiên 2004: 73]. During the two years of its existence, the VNP only invested its efforts and budget in producing

¹ Phan Bội Châu suggested 10 types of people to be mobilized into an anti-French alliance including the Can Vương Confucius scholars, Vietnamese soldiers in the French army, religious compatriots with a grudge against the French, pupils, chefs, even women, etc. However, he did not mention workers and farmers – the largest and most heavily oppressed group in Vietnam's society at that time.

bombs and forging weapons in the provinces and only conducted acts of terrorism and assassinations. The most well-known of them was the assassination of Bazin at his house (No. 110, Huế street, Hanoi), in February, 1929².

Obviously, Sun Yat Sen wished to promote a version of the Chinese nationalism, the Great Han nationalism in its essence. Meanwhile, the VNP only intended put an end to the oppression of the Vietnamese nation and to solve the nationalist issue through the revolutionary goal to overthrow the French colonial domination by mobilizing forces of the entire nation. That was the main difference between Sun Yat Sen's Three People's Principles and the VNP's strategy concerning the issue of nationalism.

The contribution of the VNP to the national liberation of Vietnam

Having made its utmost to muster popular forces, to create and develop the organizational structure, to gather and connect domestic and overseas patriotic forces, the VNP came to the final decision to engage with French colonial rulers in the Yên Bái uprising to "make a merit despite the possibility of failure", sacrificing itself to make an example "for the successors to follow" [Hoàng Văn Đào 1970: 104]. To prepare for the uprising, under the General Committee's leadership, the VNP's organs actively prepared weapons and produced grenades and ammunition [Direction des Affaires Politiques 1933: 10]. When the plan had been discussed and some changes made, the uprising was launched in Yên Bái on the night of February 9, 1930 and spread across many provinces in Tonkin. It was considered to be the ultimate effort by the leaders as well as by all the VNP's members. However, a week later, the French authorities used brute forces to suppress the groups of rebellions. The uprising ended in utter failure.

The failure of the Yên Bái uprising was due to many causes, both subjective and objective ones. But the creation of the VNP, its operations, and especially courage of its leaders and loyal soldiers in the uprising had an important role in the development of the national liberation movement in Vietnam prior to 1930.

The VNP existed and acted over two years, but it contributed the spirit of patriotism and self-determination to the Vietnamese masses during the uprising. Driven by patriotism, leaders of the party Nguyen Thai Hoc, Nguyen Khac Nhu, Pho Duc Chinh and Nguyen The Nghiep voluntarily left their prestigious professional positions and abandoned their study, fame and status to resolutely embark in the revolutionary path and readily sacrificed themselves for the greater cause: to fight and overthrow the French colonial domination in order to regain national independence and liberty.

Regularly publishing progressive newspapers and books, the Nam Đông Publishing House launched the newspaper *Hồn cách mạng* (The Soul of Revolution) and other publicity campaigns, the VNP contributed to direct patriotic education, urging on and sustaining the persistent and unyielding will in the Vietnamese people to fight against foreign invaders and to put an end to the French colonialists' domination.

Particularly, the VNP's party members' bravery and courage in their anti-French operations, especially in the Yên Bái uprising, was a bright example of revolutionary heroism, the spirit of courage and the willingness to self-sacrifice for the Fatherland. After the uprising, hundreds of its participants and thousands of their compatriots were arrested, imprisoned and executed by the French colonial authorities. Four months later, on June 17, 1930, 13 soldiers of the VNP and its leader

² Alfred Francois Bazin was in charge of recruiting workers in Tonkin and sending them to South Indochina (including Cochinchina and Cambodia) and Vanuatu (a French colony in Oceania).

Nguyễn Thái Học were beheaded in Yên Bái by the French authorities [Treize Têtes: 17.06.1930; Roubaud 1931: 159–160].

Also, between July 1929 and January 1931, the VNP's 37 members were beheaded in Tonkin; about one thousand patriots were incarcerated in prisons, the Poulo-Condor prison among them. In late 1930, the French transferred some prisoners to Vanuatu. In 1931, they transferred the VNP's 300 members from Poulo-Condor to the French-occupied Guyane Islands in South America to isolate these political prisoners and to exploit them as workforce in the island [Hoàng Văn Đào 1970: 177].

Despite being crushed brutally, the Yên Bái directly hit feudal and colonial rulers, crippling their authorities in many places. From February 9 to 15, 1930, the barracks and some French governing organs in Yên Bái fell into hands of the insurgent forces in local areas, such as Hưng Hóa, Phú Thọ, Sơn Tây, Hải Dương, Thái Bình. The administrative offices in many districts and prefectures were attacked and even captured for a while by the insurgent forces.

It has been argued that, from World War I to early 1930, the Yên Bái uprising was the strongest and most notable revolutionary event in the Vietnamese national liberation movement, in the fight against the French colonial rule. As Hồng Thế Công aka Hà Huy Tập³ put it in 1933, “the uprising was an event of indubitable revolutionary significance...It was a large-scale revolt of Indochinese workers against French imperialists” [Hồng Thế Công 1933: 667]. It was the inevitable result of the tyrannical rule imposed by the French colonial rulers upon the Vietnamese people, of the intense contradiction between the entire Vietnamese population and the dominating feudal and colonial forces. The uprising failed in achieving its objective, yet it had crippled the system of feudal and colonial rulers and brought them into a state of extreme panic.

The popularity and impact of the uprising not only hit the French authorities in Indochina, but also spread to France. Many French newspapers published articles about the heroic struggle of the VNP's soldiers and their self-sacrifice for independence and liberty. After the uprising, the French Communist Party, the Communist International and the International Anti-Imperialist Front called French working people to support the VNP. The Vietnamese abroad and French Communists held many demonstrations of protest against the brutal oppression by the French colonial authorities of the VNP's soldiers and Vietnamese patriots. To a certain extent, the VNP achieved the “minimum” objective of causing an “earthquake” that rocked the entire French colonial domination in Indochina.

Despite its failure, the uprising remained a valuable lesson for the Vietnamese revolution in terms of how to create and develop a political organization of ample strategic and fighting prowess, and how to organize and lead the entire nation to final victory in the life-and-death fight with the enemy. The most important factor is how to determine the right political strategy and proper organizational and operational methods. Compared to the patriotic Confucian scholars of the early 20th century, the VNP did show progressive ideas and did its best to mobilize the masses, especially workers, to struggle for the national liberation. However, the party had no genuine political program and in particular no feasible strategy to attract and recruit workers and farmers who would be the main force in the revolution. While pioneering the anti-imperialist and anti-colonial movement, the VNP did not intend to uproot the feudal system so as to give lands to peasants. Therefore, the party

³ Hà Huy Tập (1906–1941) is considered a theorist of the Communist Party of Indochina. For 3 years (1929–1932) he studied at Eastern University, Soviet Union. He wrote *The Brief History of the Indochina Communist Movement* (in French) and in 1933, he returned to China. In 1934, he conducted the propaganda work of the Communist Party of Indochina and was the editor-in-chief of the Party's Bolshevik magazine. In October 1936, he was elected General Secretary of the Communist Party of Indochina and held the post until 1938.

was not able to get support among the population, in particular, workers and farmers, in its goal to liberate the nation. That is why the Yên Bái uprising did not get any support and participation of the entire population; that is why its failure was inevitable.

Apart from the lesson of organizing political party and devising the strategy for uniting and preparing national forces, the Yên Bái uprising conducted many experiences in preparing armed forces, especially in taking the opportunity to generate the conditions and forces for the revolution, as well as in fighting, capturing and controlling governing authorities.

Despite their errors and shortcomings, the VNP and the uprising represent the climax of nationalist bourgeois movements in Vietnam since the end of World War I to the 1930s. However, at that time and even in following decades, the VNP and the bourgeois revolutionary intentions were not adequately and objectively assessed. It was argued that the VNP consisted mostly of petty bourgeoisie and represented their ideas and rights. The 6th Congress of the Communist International (August 1928) stated that the bourgeoisie in the colonies tended to compromise with imperialists, being against the movement of workers and peasants, against the land revolution. As for the petty bourgeoisie, at the early stages of the national movement, they might be active but in later stages this group might become reactionary. The report of the 6th Congress of the Comintern assessed that some social groups/classes could become enemies of the proletariat movement [Revolucionnoe dvizhenie 1929: 519].

In the Letter to Indochina Communists in 1929 under the title *Missions of the Indochinese Communists*, the Communist International stated that the bourgeoisie were “generally weak-minded and associated with land ownership and landlords; on the other hand, they were influenced by the Chinese bourgeoisie and their anti-revolutionary standpoint. A part of the contemporary bourgeoisie cooperated with the French imperialists. Some sought to negotiate with them. For sure, the entire bourgeoisie was not able to overcome revisionist nationalism and as the agrarian revolution progressed, they would eventually join the anti-revolutionary camp”. Some bourgeois groups attempted to take the lead in the national liberation movement, but they did so in order to foil the movement and betray the revolution”. As for the petty bourgeoisie, which comprised most of the leadership of the VNP, the Communist International considered them to be the most resolute representatives of not only the petty bourgeoisie’s interests, but also of the general and objective interests of the entire national bourgeoisie. The Communist International asserted that “all the urban petty bourgeoisie could be a dynamic of democratic bourgeois revolution”, while “the employed craftsmen, street vendors and unemployed petty intellectuals were the most revolutionary forces among the urban petty bourgeoisie” [Revolucionnoe dvizhenie 1929]. Influenced by this ideology, after the 6th Congress (the 1920s) to the late 1930s, Communist parties, the Vietnam Communist Party among them, always prioritized the class and the class struggle as the “basic” elements in generalizing and orientating their political strategies in the national liberation movement in colonies [Đỗ Quang Hưng 1999: 30]. Assessing this question, the French scientist Marangé also acknowledged that the VI Congress of the Communist International decided to return to the line of «class struggle» and conduct «proletarian» of all communist parties [Marangé 2012: 77]. In this context, it is understandable that the VNP and the nationalist bourgeois inclination were said to have lacked the revolutionary spirit and even to have been outdated and reactionary. Later, that “leftist” view of the Communist International had been adjusted, but in the late 1920s and early 1930s, the class ideology and the class struggle were still dominant in the political agenda of the Communist International and the Communist Party of Indochina.

Besides, when the Yên Bái uprising came to an end, the VNP's organizational structure was basically disintegrated. Most its leaders were captured and murdered; most its members were caught or imprisoned; only a handful of individuals and party organs either remained inactive or moved to China to await new opportunities. Later these groups recruited more members and gradually revealed their anti-revolutionary tendency, and even attempted to link with some domestic and foreign reactionary forces to sabotage the Vietnamese revolutionary movement led by the Communist Party of Indochina. That is the cause of the fundamental difference in views between the VNP led by Nguyen Thai Hoc in the period before 1930 and the group/ organization of the VNP in the 1940s and after the August Revolution (1945).

Historical experience showed that, under the tyrannical rule by the feudalists and colonialists, in Vietnam, most of the urban bourgeoisie, first and foremost petty bourgeoisie, showed their national pride and patriotism in their struggle against the French. Since the end of World War I, in face of the cowardice and feebleness of the bourgeoisie, the urban bourgeois classes were able to raise nationalist spirit by marshalling and leading the masses to fight against brutal colonial rulers with different methods and in different forms. In the boisterous development of post-war national movements, many revolutionary organizations of bourgeois intellectuals were founded, such as the Vietnam League for National Restoration, the High Aspiration Youth Party, and well-known Vietnamese Revolutionary Youth League, the New Vietnam Revolutionary Party and the VNP. The emergence and existence of all these political parties created new nuances and stimulations for the Vietnamese national movement in the 1920s. Thus, although it only existed and operated for a short time, the VNP represented a progressive development in the post-war Vietnamese national movement. The VNP's and the Yên Bái uprising's failure was inevitable. But speaking objectively, that failure paved the way for the Vietnamese working class, represented by the Communist Party, to quickly rise and obtain exclusive leadership since 1930.

Conclusion

Originating in a half-feudal, half-colonized country, the Vietnamese bourgeoisie was weak economically and feeble politically. Their shortcomings made them neither reputed nor capable enough to gather the masses and lead the national liberation revolution. With an active and enthusiastic disposition towards revolution and driven by patriotism, the urban petty bourgeoisie raised the spirit of nationalism by gathering national forces in the struggle for national liberation.

Although its membership was mostly patriotic petty bourgeoisie, the VNP represented the rights and ideas of the nationalist bourgeoisie. Prior to the Yên Bái uprising, the ideas and mottos of the VNP were primarily adopted from Sun Yat Sen's Three People's Principles. Yet, there were differences of ideals between the VNP and the Principles of Sun Yat Sen on the issue of national liberation. Sun Yat Sen considered the Chinese nationalism as the Greater Han nationalism, while the VNP prioritized the goal of liberating the Vietnamese people and mobilizing different popular forces to overthrow the domination of French colonialists and restore national independence.

The failure of the Yên Bái uprising proved the incapacity and powerlessness of Vietnam's national bourgeois movement. But through its emergence and operations, the VNP propagated progressive patriotic ideas in Vietnam, raising the awareness of patriotism and the spirit of national self-determination among common people. The VNP was one of the political groups that contributed greatly to mobilizing the people, organizing and leading the Vietnamese national movement [Văn Khánh Nguyễn 2016: 128]. The failure of the VNP and the Yên Bái uprising created an opportunity

for the working class to rapidly gain advantage in the national movement and to gain absolute leadership in the national liberation cause. After the Yen Bay uprising of the VNP, the bourgeoisie officially left the political scene to render their position to the Communist Party to lead the national liberation [Tạ Thị Thúy 2007: 542]. Despite failure, the VNP and the Yên Bái uprising provided many valuable lessons for Vietnamese revolutionary endeavors in the latter periods, especially in determining the momentum of the revolution, the creation and consolidation of national solidarity in order to overthrow the colonial domination and regain independence and liberty for the country. Aware of patriotic and revolutionary nature of the VNP, right from its constitutional conference on February 3, 1930, the Communist Party of Vietnam advocated to attract the VNP's members into the anti-imperialist Association [Đảng cộng sản Việt Nam 2002: 10] for the national liberation.

References

- Brocheux, P., Hémery, D. (1995) *Indochine la colonisation ambiguë (1858–1954)* [*Indochina ambiguous colonization (1858–1954)*]. Paris: La Découverte.
- Buttinger J. (1967) *Vietnam a Dragon Embattled*. Vol. 1: *From Colonization to the Viet Minh*. London.
- Cheshkov M.A. (1968) O roli burzhuazno-demokraticeskikh techenij v nacional'no-osvoboditel'nom dvizhenii V'etnama [The Role of Democratic-Bourgeois Tendencies in the Vietnam Nationalist Liberation Movement]. *Narody Azii i Afriki*, No. 3.
- Đảng cộng sản Việt Nam (2002). *Văn kiện Đảng toàn tập* [CPV. *Party Documents, Complete Works*]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia.
- Đinh Xuân Lâm (ed.) (2016) *History of Vietnam*, Vol. 3. Hanoi: VNU Press.
- Direction des Affaires Politiques et de la Sureté Générale de l'Indochine française (1933). Le “Viet Nam Quốc dân đảng” ou “Parti national annamite” au Tonkin (1927–1932) [Department of Political Affairs and General Security of French Indochina (1933). The “Viet Nam Quốc dân đảng” or “Annamite National Party” in Tonkin (1927–1932)], Vol. II. Hanoi.
- Đỗ Quang Hưng (1999). *Thêm những hiểu biết về Hồ Chí Minh* [More Knowledge about Ho Chi Minh]. Hà Nội: Nxb. Lao Động.
- Duiker J. (1976) *The Rise of Nationalism in Vietnam, 1900–1940*. Ithaca and London.
- Guilleumont F. (2012) *Đại Việt independence et révolution au Vietnam* [Đại Việt Independence and Revolution in Vietnam]. Paris: Indes savants.
- Hồ Song (1979). *Lịch sử Việt Nam (1919–1929)* [History of Vietnam (1919–1929)], T. 3. Hà Nội.
- Hoàng Văn Đào (1970). *Việt Nam Quốc dân đảng, lịch sử đấu tranh cận đại 1927–1954* [Vietnam Nationalist Party, Pre-modern History of the Struggle 1927–1954]. Saigon: Khai Trí Publishe.
- Hồng Thái Công (1933) *Sơ thảo lịch sử phong trào cộng sản ở Đông Dương* [A Brief History of the Communist Movement in Indochina].
- Marangé Céline (2012). *Le communisme vietnamien*. Paris: Presses de Sciences Po.
- Marr D. (1981) *Vietnamese Tradition on Trial 1920–1945*. Berkeley.
- Nguyễn Khánh Toàn (ed.). (2004) *Lịch sử Việt Nam 1858–1945* [History of Vietnam 1858–1945], T. 2. Hà Nội.
- Nguyễn Văn Hồng, Nguyễn Thị Hương, Chương Thâu (2013). *Tôn Trung Sơn với Việt Nam* [Sun Yat Sen and Vietnam]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục.
- Nguyễn Văn Khánh (2012). *Việt Nam Quốc dân đảng trong lịch sử cách mạng Việt Nam* [Vietnam Nationalist Party in the History of Vietnamese revolution]. Hà Nội: Nxb. Khoa xã hội.
- Nguyễn Văn Khánh (2017). Sun Yat-sen and the Revolution of Vietnam. *Vietnamese Studies*, 4: 33–58, Hanoi.
- Nhượng Tống (2014). *Nguyễn Thái Học (1902–1930)*. Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn.

Novakova O.V, Cvetov P.Yu. (1995) *Istoriya V'etnama* [History of Vietnam], P. 2. M.: Izd-vo MGU.

Novakova O.V. (1967) *Kolonial'naya politika Francii i nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie vo V'etname v 1917–1929 gg.* [Colonial Policy of France and the National Liberation Movement in Vietnam in 1917–1929] Diss. kand. ist. n. M.: Izd-vo MGU.

Revolucionnoe dvizhenie v kolonial'nyh i polukolonial'nyh stranah. Stenograficheskiy otchet VI kongressa Kominterna [Revolutionary Movement in Colonial and Semi-colonial Countries. Verbatim Record of the VI Congress of the Comintern] (1929), Vyp. 4. (14.08 – 21.08.1928). Moskva.

Roubaud Louis (1931). *Vietnam la tragédie indochinoise* [Vietnam the Indochinese tragedy]. Paris: Libraire Valois.

Shiltova A.P., Mordvinov V.F. (1958) *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie vo V'etname (1858–1945)* [National Liberation Movement in Vietnam (1858–1945)]. M.: Izd. MGIMO.

Sun Yat Sen (1995). *The Three People's Principles*. Hanoi: The Institute of Social Sciences Informations.

Tạ Thị Thúy (ed.) (2007) *Lịch sử Việt Nam 1919–1930* [History of Vietnam 1919–1930]. Hà Nội: Nxb. Khoa xã hội.

Tạ Thu Phong (2019). *Tiếng hét Yên Bái* [The Screaming of Yen Bai]. Hà Nội: Nxb. Thế Giới.

Trần Dân Tiên (2004). *Những mẩu chuyện về đời hoạt động của Hồ Chủ tịch* [The Little Stories about the Activities of President Hồ]. Nghệ An: Nxb. Nghệ An.

Trần Huy Liệu, Văn Tạo, Hướng Tân (1956). *Tài liệu tham khảo lịch sử cách mạng cận đại Việt Nam* [Reference on the Vietnam's Pre-modern Revolutionary History], T. 5. Hà Nội: Ban nghiên cứu Văn sử địa.

Treize Têtes sont tombées ce matin [Thirteen Heads Fell this Morning] (1930). *L'Avenir du Tonkin*, 17th Juin.

Văn Khánh Nguyễn (2016). *The Vietnam Nationalist Party (1927–1954)*. Singapore: Springer.

Author:

Nguyễn Văn Khánh, Professor, Faculty of History, University of Social Sciences and Humanities, VNU, Hanoi. ORCID: 0000-0002-5510-9535. Email: khanhvn@vnu.edu.vn.

Article history:

Received: April 10, 2020

Received in revised form: August 5, 2021

Accepted: August 30, 2021

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-109-128

С.В. Хачатурян

ХАЛЛЮ («КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА») ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. Популярная культура Южной Кореи (*халлю*) получила широкое распространение в Азии. Однако особенности рецепции контента *халлю* изучены недостаточно, чем и обусловлена актуальность настоящей работы. Ее цель – выявить специфику рецепции продуктов «корейской волны» во Вьетнаме.

В ходе исследования выявлено, что в СРВ восприятие «корейской волны» шло в четыре этапа, на протяжении которых оно происходило без каких-либо препятствий. Способы восприятия продуктов *халлю* во Вьетнаме включают в себя создание ремейков корейских фильмов и сериалов, совместный выпуск музыкальных композиций при участии корейских певцов, а также сотрудничество в сфере кинопроизводства. Однако глубина культурной диффузии в СРВ невелика, поскольку инициатива практически полностью принадлежит корейской стороне. Так, в стране с подачи корейских компаний создаются совместные предприятия, занимающиеся отбором, обучением и продвижением вьетнамских артистов согласно стандартам *халлю*, что фактически означает перенос корейских практик на вьетнамские реалии и подразумевает копирование моделей управления индустрией развлечений.

В целом, во Вьетнаме, несмотря на наличие общественного недовольства контентом «корейской волны», представляющего собой действительный конфликт культурных интересов, власти не принимают никаких ограничительных мер по отношению к *халлю* и не стремятся искусственно замедлить процесс, поскольку экономическая выгода от сотрудничества с корейской стороной, крайне высока, а вьетнамская индустрия развлечений получает возможность развиваться за счет инвестиций крупных южнокорейских компаний.

Ключевые слова: *халлю*, «корейская волна», культурная рецепция, столкновение медиасфер, корейские дорамы, К-поп

Для цитирования: Хачатурян С.В. Халлю («корейская волна») во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 109–128.

Введение

Популярная культура Южной Кореи к настоящему времени получила широкое распространение не только в Азии, но и во всем мире. Особую известность во многих странах мира приобрели такие продукты корейской креативной сферы, как К-поп (популярная музыка) и дорамы (телесериалы). Для обозначения процесса экспорта южнокорейской массовой культуры за рубеж применяется термин «корейская волна» (*халлю* – 한류).

С момента возникновения в конце 1990-х годов *халлю* претерпела ряд существенных изменений, превратившись из регионального явления в глобальный культурный феномен. Его эволюция прежде всего связана с процессом, который член Международной ассоциации исследований *халлю* О Ингю определяет термином *глокализация* [Oh 2017: 157–167]. Дорамы и К-поп, составляющие основу «корейской волны», возникли в процессе адаптации иностранных продуктов. Первые создавались с ориентацией на популярные японские сериалы 1980-х годов, а на второй сильное влияние оказала американская и европейская танцевальная

музыка 1990–2000-х годов, поэтому можно считать их продуктами высококачественной локализации¹ доминирующих трендов мировой поп-культуры. Однако феномен *халлю* представляет собой не просто копирование или адаптацию продуктов креативной сферы стран-доноров под локальные стандарты, а творческое восприятие и последующее преобразование контента с включением в него национальной специфики. Именно благодаря этому новые формы, созданные в рамках «корейской волны», получили возможность выйти за пределы одной страны и охватить не только культурное пространство соседних стран Восточной и Юго-Восточной Азии, но и мировое медиапространство. Таким образом, успешная рецепция зарубежных продуктов корейскими производителями телесериалов и музыки позволила «корейской волне» завоевать известность и распространить свое культурное влияние по всему миру.

В данном контексте отдельного рассмотрения заслуживает явление культурного трансфера самих продуктов *халлю* в страны восточноазиатского и юго-восточноазиатского регионов. Представляется возможным говорить об этом процессе как о новой волне глокализации. В настоящее время наблюдается смена парадигмы культурной рецепции: если ранее главным донором контента креативных сфер в Азии являлись страны Запада или высокоразвитая Япония, то сейчас одно из первых мест в структуре экспорта культурных продуктов занимает Южная Корея. Поскольку распространение *халлю* началось с Азии, особый интерес представляет процесс рецепции продуктов «корейской волны» именно в данном регионе. Акцент в настоящем исследовании сделан на изучении восприятия контента *халлю* во Вьетнаме.

В силу того что в СРВ руководство культурной сферой осуществляется через структуры Коммунистической партии, некоторые исследователи полагают, что это оказывает определённое влияние на процесс рецепции продуктов *халлю*, как происходит, например, в КНР или КНДР [Milanowitsch 2017: 273–284]. Однако другие ученые утверждают, что существуют иные факторы, влияние которых на механизмы восприятия контента «корейской волны» гораздо сильнее, чем влияние коммунистической идеологии. Среди этих факторов следует упомянуть «мягкую силу» РК, о которой пишет А.А. Соколов [Соколов 2015: 1–13], а также столкновение медиасфер и продуманную культурную политику Южной Кореи, упомянутую в работе Е.В. Лачиной [Лачина 2014: 147–155]. Помимо этого, ряд исследователей, в частности Нгуен Нгок Тхо [Nguyễn Ngọc Thơ 2014: 1–8], считают, что культурная и историческая общность РК и Вьетнама играет наиболее важную роль в рецепции продуктов *халлю*.

В целом касательно причин, влияющих на степень восприятия «корейской волны», существует несколько различных точек зрения, и специфика этого процесса во Вьетнаме по-прежнему остается недостаточно изученной, чем и обуславливается актуальность данного исследования.

Основу методологии работы составляет метод контент-анализа, который был задействован в ходе изучения аудиовизуальных источников (телесериалов, музыкальных клипов и т.д.). Кроме того, применялся диахронический метод, благодаря которому стало возможным проследить эволюцию восприятия продуктов «корейской волны» во Вьетнаме в период с конца 1990-х годов по настоящее время. Помимо этого, с целью систематизации

¹ Под локализацией понимается изменение глобального культурного контента в соответствии с требованиями местных потребителей.

полученных данных и определения специфики восприятия продуктов *халлю* в СРВ использовался метод обобщения.

История появления и причины популярности *халлю*

Несмотря на то что феномен *халлю* зародился лишь в конце 1990-х годов, предпосылки к его возникновению появились гораздо раньше. Как известно, в 1945 г., после советско-американского соглашения, Южная Корея перешла под юрисдикцию США и находилась под сильным американским влиянием в политическом, экономическом и культурном отношении в период с конца 1940-х по 1970-е годы. Позже, уже в 1980-е годы, в РК происходило повсеместное проникновение американской поп-культуры. Данные события стали причиной появления у южных корейцев страха ассимиляции национальной культуры под давлением американской. Однако именно это дало им возможность осознать необходимость сохранения культурной идентичности посредством продвижения собственных культурных продуктов на глобальный рынок [Полосина 2012: 436], что в дальнейшем послужило одной из предпосылок возникновения *халлю*.

С образованием в 1987 г. в Южной Корее Шестой республики и проведением новым президентом Ро Дэ У ряда реформ, в числе которых было и ослабление цензуры, началась демократизация корейской телевизионной и музыкальной индустрий [Кадосина, Филиппова 2019: 129]. Данные преобразования позволили производителям отечественного медиаконтента избавиться от государственного контроля и последовать за мировыми тенденциями, что по прошествии десяти лет и привело к созданию уникальных продуктов «корейской волны».

Термин «халлю» был впервые введен в оборот тайваньской газетой «Китайские хроники» в 1997 г., однако использован он был не в том значении, в котором употребляется в настоящее время. Тогда смысл его состоял в обозначении наплыва товаров южнокорейского производства. Понятие «корейская волна» по отношению к южнокорейской поп-культуре стало применяться в 1999 г., после выхода в «Пекинской молодежной газете» статьи «Временами и восточный ветер дует на восток» [Лачина 2014: 148].

Первыми успешными продуктами «корейской волны» стали фильмы «Шири»² и «Несносная девчонка»³, получившие популярность не только в РК, но и за ее пределами. Так общественный резонанс, вызванный резким повышением интереса к корейской поп-культуре, привлёк внимание журналистов, а затем и исследователей, что послужило началом оформления дискуссии о причинах данного явления. В настоящее время существует ряд гипотез, объясняющих высокий уровень популярности южнокорейской массовой культуры в странах азиатского региона, включая Вьетнам. Все они сводятся к нескольким основным концептам:

1. *Общий конфуцианский культурно-исторический контекст стран Восточной Азии*

Поскольку страны, в которых «корейская волна» получила наибольшее распространение, являлись, как и сама РК, частью синосферы и испытали на себе влияние конфуцианской традиции, их ценностные ориентации имеют некоторую общность, что и позволило ускорить диффузию контента *халлю* [Шмакова, Винокурова 2015: 161].

² «쉬리», 1999 г.

³ «엽기적인 그녀», 2001 г.

Традиционные семейные ценности, основанные на конфуцианском идеале «сыновней почтительности», находят отражение в сюжетах многих корейских дорам [Nguyễn Ngọc Thơ 2014: 4]. Уважение к старшим, послушание, любовь к членам семьи предстают в телесериалах главными добродетелями человека, что получает положительный отклик не только от корейских зрителей, но и апеллирует к устоявшимся ценностям зрителей в пределах синосферы.

2. Синтез культурных стандартов Запада и Востока

Как уже было сказано выше, продукты «корейской волны» являют собой образец успешной рецепции контента западной креативной сферы с последующим творческим преобразованием его в собственный популярный бренд посредством включения восточной специфики.

3. Государственная и частная поддержка халлю

Ряд исследователей придерживается точки зрения, что феномен «корейской волны» основан на экономическом успехе Республики Корея [Kim Bok-Rae 2015: 166], позволившем местным производителям при поддержке крупного бизнеса выработать эффективные маркетинговые стратегии по продвижению *халлю* в Азии и создать конкурентоспособный культурный продукт. Помимо этого, важную роль играет государственная поддержка «корейской волны», реализующаяся в рамках политики «глобализации корейской культуры» [Михайлик 2008: 36].

Таким образом, появлению в азиатском регионе в конце 1990-х годов феномена *халлю* предшествовали события, связанные, в первую очередь, с послевоенной американской экспансией в Южной Корее в 1940–1970-е годы и последующей демократизацией медиасферы в конце 1980-х годов. В результате стремительной вестернизации общественной жизни возник запрос на самобытные формы культуры, а также восприятие и трансформацию западных культурных продуктов, в результате чего был создан уникальный контент «корейской волны», быстро приобретший популярность в Восточной и Юго-Восточной Азии. Причинами же повышенного интереса азиатских потребителей к продуктам *халлю* выступило наличие общих культурных стандартов, успешное сочетание достижений западной и восточной культурных традиций, государственная и частная поддержка «корейской волны».

Рецепция «корейской волны» во Вьетнаме

Начав свое распространение за рубеж с Китая, «корейская волна» вскоре достигла Юго-Восточной Азии, а затем постепенно охватила и весь мир. Стремительный рост популярности, а также огромный коммерческий успех *халлю* привели к тому, что культурные индустрии многих стран стали в большом количестве импортировать ее продукты. Однако в некоторых регионах восприятие «корейской волны» не ограничилось только импортом, а перешло на новый уровень, приняв форму переработки контента под потребности собственных зрителей. Среди стран Юго-Восточной Азии наиболее активно рецепция происходила во Вьетнаме.

Динамика процесса с конца 1990-х годов по настоящее время

Процесс восприятия *халлю* во Вьетнаме принято разделять на четыре периода [The Vietnamese cultural content: 26.03.2020]. На первом этапе (конец 1990 – 2000 е годы), начавшемся с показа в 1998 г. дорамы «Медбратья»⁴, корейская поп-культура стала набирать

⁴ «의가형제», 1997 г.

популярность, достигшую пика спустя несколько лет, уже на втором этапе (2000–2005) [Соколов 2015: 2]. Так, в 2003 г. на долю корейских телепрограмм приходилось 30 % от общего объема транслировавшихся на вьетнамском телевидении [Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc 2014: 7]. Несмотря на небольшое падение интереса к дорамам в период с 2005 по 2008 г., «корейская волна» вернула свои позиции, вступив в третий этап (2006–2012), где ведущую роль сыграл К-поп. Фанатская база корейских музыкальных групп второго и третьего поколений пополнилась большим количеством вьетнамской молодежи (рис. 1).

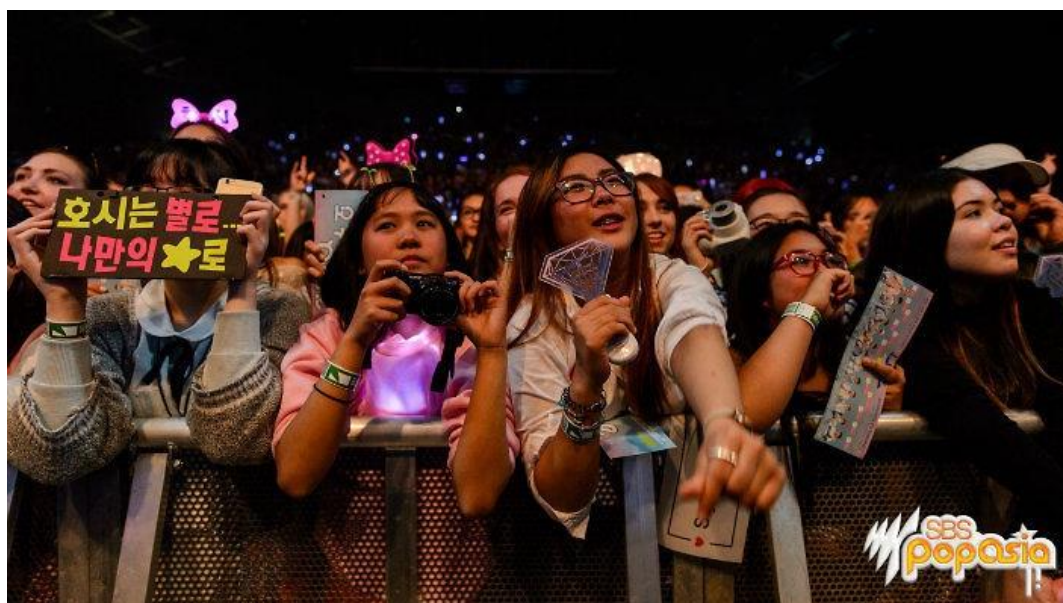

Рис. 1. Вьетнамские любители «корейской волны». Источник: medium.com

В последующие годы среди вьетнамцев популярность приобрел халлю-туризм, масштабы которого выросли с 10,6 млн прибывших в РК в 2011 г. до 12,2 млн человек в 2013 г. [Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc 2014: 11]. Это также свидетельствует об углублении культурной диффузии к началу четвертого этапа (2012–2013 гг. – по настоящее время). Проведённые в 2019 г. опросы показали, что 51 % вьетнамцев нравится К-поп, а 68 % интересуются корейскими сериалами [Report affirms: 26.03.2020]. Кроме того, по данным Netflix, одной из крупнейших онлайн-платформ для просмотра фильмов и сериалов, по итогам 2020 г. в Топ-10 ТВ-шоу во Вьетнаме 1–4-е, а также 7–9-е места заняли корейские дорамы [TOP 10: 07.01.2021]. В первую неделю января 2021 года 1-е, 3-е, 5–7-е места в Топ-10 также принадлежат сериалам южнокорейского производства [TOP TV Shows: 07.01.2021], из чего следует, что продукты халлю по-прежнему пользуется большим спросом во Вьетнаме (рис. 2). Таким образом, в стране наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию популярности корейского контента.

Рис. 2. Корейские звёзды дорам, идущих во Вьетнаме, Ким Тэ Хи (слева) и Сон Сын Хон.

Источник: hancinema.net

Ремейки корейских сериалов: трансформация продуктов халлю во Вьетнаме

Разделяя процесс восприятия *халлю* во Вьетнаме на несколько этапов, следует заметить, что на протяжении вышеуказанных периодов корейский контент не оставался неизменным, а подвергался определённым трансформациям. Начав с импорта продуктов «корейской волны» и простого перевода их на вьетнамский язык, культурная индустрия СРВ постепенно изменила свою стратегию восприятия *халлю* в сторону адаптации контента корейской поп-культуры под вкусы собственного зрителя.

Одним из первых методов подобной адаптации стало создание ремейков популярных корейских дорам и телешоу. Во Вьетнаме эта тенденция широко распространилась лишь в начале 4-го этапа рецепции, а именно в 2014–2015 гг. При выборе контента с целью дальнейшей адаптации главным критерием являлся уровень его популярности среди местной аудитории, поэтому рейтинги выпущенных ремейков всегда были крайне высоки. Вьетнамские версии были созданы для многих корейских телепрограмм, среди них – фильм «Ты моя бабушка»⁵, сериал «Моя первая любовь»⁶ и шоу «Бегущий человек»⁷.

Данный способ восприятия контента «корейской волны» вначале представлял скорее копирование, чем производство нового продукта, что имело негативные последствия, особенно заметные в настоящее время. Опираясь на прошлый опыт слепого подражания корейскому контенту, продюсеры и артисты иногда прибегают к плагиату, причём очень часто подобное происходит в сфере музыки [Соколов 2015: 12]. Примером может служить скандал [Hội Kpop: 10.04.2020], в который был вовлечен вьетнамский певец Зыонг Хиеу Нгиа (Đương Hiếu Nghĩa) на почве подозрений в копировании клипа A Million Pieces⁸ корейского

⁵ «Em Là Bà Nội Của Anh», 2015 г., оригинал – «Мисс Бабуля (수상한 그녀)», 2014 г.

⁶ «Mối tình đầu của tôi», 2019 г., оригинал – «Она была прекрасна (그녀는 예뻐다)», 2015 г.

⁷ «Chạy đi chờ chi», 2019 г.

⁸ «밀리언조각», 2015 г., клип-плагиат – «Đêm Không còn em», 2016 г.

поп-идола Чо Кюхёна. Несмотря на некоторые отрицательные последствия этого способа рецепции, подобная попытка преобразования контента *халлю* стала важной ступенью на пути к созданию собственной успешной индустрии музыки и кино, основанной на перенятых моделях «корейской волны».

Совместные корейско-вьетнамские медиапроекты

Еще одним методом рецепции контента *халлю* является совместное кинопроизводство. На первых этапах развития данного вида партнёрских отношений вьетнамская сторона отвечала лишь за поиск места съёмок и организацию данного процесса, а корейская предоставляла персонал, включая сценаристов, режиссёров и актёров. Однако позднее это переросло во взаимовыгодное сотрудничество между киноиндустриями двух стран. Примерами такого сотрудничества могут служить фильмы «Муой: Легенда о портрете»⁹, «Снова живите, снова любите»¹⁰ и сериал «Вечно молодые»¹¹ [7 bộ phim: 09.04.2020]. В настоящее время в процессе производства задействуется персонал обеих сторон. Интересно, что часто на главные роли приглашают актёров из числа этнических вьетнамцев, проживающих и работающих в основном в РК [«Кто будет моей будущей семьей?»¹² - Хари Вон (настоящее имя – Лыу Эстер)].

Кроме того, во Вьетнаме наблюдается тенденция, когда корейские корпорации вкладывают крупные суммы в местную киноиндустрию. Корейская сторона также инициирует создание совместных предприятий, занимающихся отбором, обучением и продвижением вьетнамских артистов в соответствии со стандартами *халлю*. Одной из таких компаний является CJ Blue, основанная в 2016 г. корейской CJ E&M и вьетнамской Blue Group [CJ Group (CJ E&M) co-operate with Blue Group (Blue Ocean): 03.04.2020]. Очевидно, что таким образом происходит перенос корейских практик во вьетнамскую реальность, осуществляется копирование моделей управления индустрией развлечений. По данной причине на вьетнамском рынке у *халлю* практически отсутствует конкуренция. Помимо этого, корейские инвесторы имеют немалое влияние в сфере вьетнамского кинопроката: в 2017 г. суммарная доля рынка корейских компаний CJ-CGV и LOTTE, владеющих 57 кинотеатрами по всей стране, составила более 70 % [The Vietnamese cultural content market: 03.04.2020].

Если взаимодействие киноиндустрий происходит в форме полномасштабной кооперации между кинокомпаниями Кореи и Вьетнама, то совместные проекты в музыкальной индустрии больше фокусируются на индивидуальном партнерстве, а коллаборациями между певцами занимаются непосредственно их агентства. Примером такой кооперации между артистами двух стран может служить совместная запись вьетнамским исполнителем Субином Хоанг Соном (Soobin Hoàng Sơn) и корейской певицей Пак Чжиён из группы T-ara песни “Between Us”¹³ и клипов к ней на двух языках [VN, Korean singers release: 04.04.2020].

В последние годы вьетнамская сторона начала более активно перенимать опыт корейских специалистов в сфере создания продуктов массовой культуры и, опираясь на него,

⁹ «므이», 2007 г.

¹⁰ «라라», 2018 г.

¹¹ «Tuổi thanh xuân», 1 сезон – 2014–2015 гг., 2 сезон – 2016–2017 гг.

¹² «Ai sẽ là gia đình tương lai của tôi?», 2019 г.

¹³ «Đẹp Nhất Là Em/우리사이», 2018 г.

создавать собственную индустрию продюсирования поп-звезд. В качестве наиболее эффективного способа поиска талантливых артистов используются «шоу на выживание», доказавшие свою продуктивность на корейской сцене. В их ряду заметны вьетнамская версия проекта Produce 101 [Việt Nam sẽ có chương trình: 04.04.2020], а также другие подобные мероприятия, которые ранее уже организовывались в СРВ с целью обучения вьетнамских артистов по системе *халлю* (LOTTE VK-Pop Superstar¹⁴).

Таким образом, в настоящее время во Вьетнаме существует несколько способов рецепции «корейской волны»: от производства ремейков корейских дорам и музыкальных коллабораций двух стран до широкого сотрудничества киноиндустрий и совместного выпуска музыкальных реалити-шоу. Вызывает беспокойство, что область проникновения корейских продуктов очень широка, так как культурная диффузия проходит без препятствий. Однако степень их адаптации и распространения неглубока, поскольку инициатива в основном принадлежит корейским компаниям.

Вьетнам и «корейский культурный империализм»: возможность ограничения в будущем

Влияние «корейской волны» на вьетнамских потребителей её контента неоднозначно. Несмотря на то что существует много положительных эффектов – к примеру, молодому поколению, составляющему подавляющее большинство фанатов корейской поп-культуры, прививаются социальные ценности (уважение к старшим, усердие в работе и т. д.) [Ảnh hưởng của phim Hàn Quốc: 22.04.2020], – *халлю* также может оказывать отрицательное воздействие. Среди негативных последствий «корейской волны» во Вьетнаме выделяют игнорирование традиционных искусств в пользу продуктов *халлю* и слепое подражание корейским стандартам – от понятия красоты до вкусов в отношении изобразительного искусства, – ставшее причиной бездумного копирования корейской культуры в ущерб собственно вьетнамской [Соколов 2007: 421]. Помимо этого, привлекательный образ Южной Кореи, созданный продуктами «корейской волны», влияет на нарастание миграционного потока из Вьетнама в РК. Переезд молодых вьетнамских специалистов в Южную Корею представляет собой прежде всего «утечку мозгов», что негативно сказывается на научно-технологическом потенциале СРВ [Dinh Thủy Anh 2016: 42].

Многие вьетнамские исследователи полагают, что отрицательное воздействие, оказываемое *халлю*, более масштабно и не ограничивается эпизодическими актами подражания корейской культуре. Так, Зыонг Нгуен Хоай Фыонг в своей работе пишет о том, что культурные отношения между Вьетнамом и Южной Кореей не являются равноправными, а представляют собой пример культурного империализма. Исследовательница утверждает, что через влияние *халлю* достигается культурная гегемония РК, выражающаяся в изменении мышления и образа жизни вьетнамской аудитории «корейской волны» [Dương Nguyễn Hoài Phương 2016: 10].

Данное мнение разделяет и часть вьетнамского общества, в связи с чем существует перспектива ограничения потока корейских культурных продуктов, когда за общественным недовольством могут последовать официальные меры, например запрет трансляции контента на телевидении и т. д. Однако огромный успех, которого *халлю* достигла во Вьетнаме, а также

¹⁴ Совместное прослушивание корейского агентства Rainbow Bridge и вьетнамского агентства VNK, 2014 г.

полное отсутствие комментариев со стороны властей свидетельствуют о том, что в данный момент рецепция проходит без каких-либо препятствий, и маловероятно, что она столкнется с ними в ближайшее время.

Заключение

Появившийся в Азии в конце 1990-х годов и распространившийся по всему миру феномен *халлю* является ярким примером глокализации. В связи с этим корейский опыт успешной интеграции в глобальное культурное пространство посредством производства уникального контента, основанного на соединении западной и восточной культурных традиций, привлёк внимание многих азиатских производителей медиапродуктов, пожелавших перенять его с целью создания собственной индустрии развлечений и последующего включения в мировую медиасферу. Кроме того, рецепции продуктов *халлю* в азиатском регионе способствовала её огромная популярность, а также наличие общего конфуцианского культурно-исторического контекста и государственной поддержки со стороны РК, что позволило ей быстро проникнуть во Вьетнам.

В ходе исследования было выявлено, что во Вьетнаме процесс восприятия *халлю* разделяется на четыре этапа и происходит беспрепятственно. Что касается способов и методов рецепции, наиболее распространено создание ремейков корейских фильмов и сериалов, однако совместный выпуск музыкальных композиций при участии корейских звезд и сотрудничество в сфере кинопроизводства также достаточно популярны.

Следует заметить, что глубина культурной диффузии в СРВ невелика, поскольку инициатива практически полностью принадлежит корейской стороне. Так, в стране с подачи корейских компаний создаются совместные предприятия, занимающиеся отбором, обучением и продвижением вьетнамских артистов согласно стандартам *халлю*, что фактически означает перенос корейских практик на вьетнамские реалии и подразумевает копирование моделей управления индустрией развлечений. В связи с этим у «корейской волны» на вьетнамском рынке крайне мало конкурентов. Кроме того, корейские инвесторы имеют немалое влияние в сфере вьетнамского кинопроката.

Также несмотря на наличие общественного недовольства контентом «корейской волны», представляющего собой действительный конфликт культурных интересов, власти не принимают никаких ограничительных мер, поскольку экономическая выгода от сотрудничества с корейской стороной крайне высока, а вьетнамская индустрия развлечений получает возможность развиваться за счет инвестиций крупных южнокорейских компаний, таких как LOTTE и CJ Group.

Таким образом, в настоящее время во Вьетнаме по корейскому образцу создается собственная индустрия развлечений. Важную роль в этом играет рецепция контента *халлю*, а также непосредственное сотрудничество корейских развлекательных компаний с местными партнёрами. В связи с этим представляется, что дальнейшее исследование процесса рецепции «корейской волны» во Вьетнаме следует направить на углубление понимания механизмов сотрудничества между корейской и вьетнамской сторонами.

Список литературы

Кадосина А.В., Филиппова Я.Д. «корейская волна» в контексте развития экономики Южной Кореи // Казанский вестник молодых ученых. Политические науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 128–134.

Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №2. С. 147–155.

Михайлик О.Н. Феномен «корейской волны»: синтез Запада и Востока? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 31–40.

Полосина Е.В. ««корейская волна»» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. Сборник статей. СПб. 2012. С. 435 – 441.

Соколов А.А. Вьетнамская культура: глобализация и рынок // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. №1, С. 399 – 425.

Соколов А.А. Корейская «мягкая сила» во Вьетнаме // Материалы конференции «Губеровские чтения. Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность» 11 марта 2015 г. ИСАА МГУ.

Шмакова А. С., Винокурова К. А. Зарождение и развитие феномена «корейской волны» в Южной Кореи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 10. С. 159 – 167.

7 bộ phim hợp tác Việt – Hàn ấn tượng trên màn ảnh [7 впечатляющих совместных вьетнамско-корейских фильмов на экране] // ZING news, 02.04.2015. URL: <https://zingnews.vn/7-bo-phin-hop-tac-viet-han-an-tuong-tren-man-anh-post526570.html> (дата обращения 09.04.2020).

Ảnh hưởng của phim Hàn Quốc đến giới trẻ Việt Nam: Rõ tính hai mặt [Влияние корейских фильмов на вьетнамскую молодежь: явная двойственность] // Hà Nội mới, 26.04.2014. URL: <http://www.hanoimoi.com.vn/tin-tuc/Giai-tri/679114/anh-huong-cua-phin-han-quoc-den-gioi-tre-viet-nam-ro-tinh-hai-mat> (дата обращения: 22.04.2020).

CJ Group (CJ E&M) co-operate with Blue Group (Blue Ocean): Launching ceremony of CJ Blue // CJ Vietnam: официальный сайт, 19.10.2016. URL: <http://cjvietnam.vn/en/press-center/cj-group-cj-em-co-operate-with-blue-group-blue-ocean-launching-ceremony-of-cj-blue/> (дата обращения: 03.04.2020).

Dinh Thủy Anh. The causes and effects of Korean pop culture on Vietnamese consumer behavior // Thammasat University Library, 2016. URL: http://ethesisarchive.library.tu.ac.th/thesis/2016/TU_2016_5866090052_5610_4098.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

Dương Nguyễn Hoài Phương. Korean Wave as Cultural Imperialism A study of K-pop Reception in Vietnam // Leiden University Repository, 2016. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/37300> (дата обращения 24.04.2020).

Học hỏi Kpop và nhạc Hoa, ca sĩ Việt liên tục bị nghi đạo nhạc [Учась у К-попа и китайской музыки, вьетнамские исполнители постоянно получают обвинения в плагиате] // ZING news, 20.04.2017. URL: <https://zingnews.vn/hoc-hoi-kpop-va-nhac-hoa-ca-si-viet-lien-tuc-bi-nghi-dao-nhac-post737966.html> (дата обращения: 10.04.2020).

Kim Bok-Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2015. Vol. 5. №. 5. Pp. 154-160.

Milanowitsch B. Mapping the Presence of the Korean Wave in North Korea // International Quarterly for Asian Studies. 2017. Vol. 48. № 3–4. Pp. 273–284.

Nguyễn Ngọc Thơ. Hallyu in modern Vietnamese culture // Semantic Scholar, 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/HALLYU-AND-MODERN-VIETNAMESE-CULTURE-Tho/e657d7e9e328a59c081c50dea7756c20f274dfac> (дата обращения: 15.12.2019).

Oh Ingyu. From Localization to Glocalization // Kritika Kultura. 2017. № 29. P. 157–167.

Report affirms Korean Wave still strong in Vietnam // VnExpress, 10.05.2019. URL: <https://e.vnexpress.net/news/life/trend/report-affirms-korean-wave-still-strong-in-vietnam-3921236.html> (дата обращения: 26.03.2020).

The Vietnamese cultural content market and Hallyu // KOFICE, 11.08.2017. URL: http://eng.kofice.or.kr/c00_hallyuInsights/c00_hallyuInsights_01_view.asp?seq=7953 (дата обращения: 26.03.2020).

TOP 10 on Netflix in Vietnam in 2020 // FlixPatrol. URL: <https://flixpatrol.com/top10/netflix/vietnam/2020> (дата обращения: 07.01.2021).

TOP TV Shows on Netflix in Vietnam in January // FlixPatrol. URL: <https://flixpatrol.com/top10/netflix/vietnam/2020> (дата обращения: 07.01.2021).

Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc. Ảnh hưởng của hàn lưu tại Việt Nam: nhìn từ góc độ liên ngành [Влияние халлю во Вьетнаме: междисциплинарная перспектива] // Course Hero, 2014. URL: <https://www.coursehero.com/file/40528783/ANH-HUONG-CUA-HAN-LUU-Phan-1-word-2003-1292015pdf/> (дата обращения: 26.03.2020).

Việt Nam sẽ có chương trình tuyển chọn tài năng giống Produce 101 [Во Вьетнаме будет организована программа отбора талантов, сходная с Produce 101] // ZING news, 16.12.2019. URL: <https://zingnews.vn/viet-nam-se-co-chuong-trinh-tuyen-chon-tai-nang-giong-produce-101-post1024219.html> (дата обращения: 04.04.2020).

VN, Korean singers release new music video // Viet Nam News, 23.07.2018. URL: <https://vietnamnews.vn/life-style/462111/vn-korean-singers-release-new-music-video.html> (дата обращения: 04.04.2020).

Автор:

Хачатурян Софья Вадимовна, студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург. E-mail: svkhachaturyan@edu.hse.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 21.01.2021

Дата поступления в переработанном виде: 30.04.2021

Принята к печати: 20.08.2021

S.V. Khachaturyan

HALLYU («THE KOREAN WAVE») IN VIETNAM

Abstract. By now popular culture of South Korea is widespread not only across Asia, but also worldwide. However, the problem of the features of Hallyu content reception in Asia lacks research, what stipulates for actuality of this work. The task of the research is to reveal the specific character of the reception of “the Korean wave” products in Vietnam.

The research has shown that in the SRV “the Korean wave” reception process is divided into four stages, the reception took place unimpeded on each of them. The modes of reception of Hallyu products in Vietnam comprise re-makes of Korean films and “trendy dramas”, joint issue of musical compositions with the participation of Korean singers, as well as cooperation in filmmaking. In the SRV cultural diffusion is not deep, as in fact, the initiative almost entirely belongs to the Korean side. Despite public displeasure with “the Korean wave” content, which is a real conflict of cultural interests, Vietnamese authorities do not undertake any limitations against Hallyu and do not strive to slow the reception artificially, while economical advantage of the cooperation with the Korean side is very high, and the Vietnamese entertainment industry can evolve on the investments of large South Korean companies.

Key-words: Hallyu, Korean wave, culture reception, media spheres conflict, Korean doramas, K-pop

For citation: Khachaturyan S.V. (2021). Hallyu (the “Korean Wave”) in Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 109–128.

Introduction

By now popular culture of South Korea is widespread not only across Asia, but also worldwide. Specifically popular in many countries are such products of the Korean creative sphere as K-pop (Korean popular music) and dramas (doramas, Korean “trendy dramas”). The term “Korean wave” (Hallyu – 한류) means the process of South Korean mass culture export.

Since the late 1990s Hallyu has undergone some significant changes and has evolved from a regional phenomenon into a global cultural phenomenon. First and foremost, its evolution is connected with the process, which Oh Ingyu, a member of the International Association for Hallyu Studies, defines with the term *glocalisation* [Oh 2017: 157–167]. As doramas and K-pop, being the base of the Korean wave, originated in the process of foreign products adaptation (the former were created with the orientation towards Japanese “trendy dramas” of the 1980s, the latter was influenced with the American and European dance music of the 1990s and the turn of the 21st century) they may be considered products of high-quality localization¹ prevailing trends of global popular culture. However, Hallyu phenomenon is not a mere copy or adaptation of creative sphere products of donor-countries for local standards, but creative reception and further transformation of their content and insertion of national specificity in them. Due to this, new forms of popular culture created in the “Korean wave” frameworks could go beyond the boundaries of one country and spread not only across East and South East Asian countries, but also through the world media space. Thus, the successful reception of foreign products by Korean doramas and music producers let “the Korean wave” gain fame and spread its cultural influence through the world.

¹ The localization means the change of global cultural content in accordance to local demands of consumers.

In this context the phenomenon of cultural transfer of Hallyu products to the countries of East-Asian and South East-Asian regions deserves separate consideration. It seems possible to speak of this process like of a new glocalization wave. Currently, one can observe the change of cultural reception paradigm: while earlier the main donor of creative sphere contents in Asia were Western countries and highly developed Japan, now one of the first places in the structure of culture products export is taken by South Korea. As the spread of Hallyu began with Asia, the “Korean wave” reception process across this region is of a special interest. The Hallyu content reception in Vietnam is emphasized in this article.

Due to the fact that the Communist Party of Vietnam is the ruling power of the country, some researchers believe that Communist ideology have some influence on the reception process of Hallyu products, similarly to the CPR and KPDR [Milanowitsch 2017: 273–284]. However, other researchers argue that there are other factors having much stronger influence on the reception mechanisms of the Korean wave, than the influence of the Communist ideology. Among these factors it is worth noting the “soft power” that A.A. Sokolov writes about as well as the conflict of media spheres and considered cultural policy of South Korea mentioned in the work by E.V. Lachina [Lachina 2014: 147–155]. Besides, some researchers, Nguyen Ngoc Tho among them [Nguyễn Ngọc Thơ 2014: 1–8], believe that cultural and historical community of the RK and Vietnam is of greater importance in Hallyu products reception.

As a whole, there are several various standpoints on the causes, influencing the “Korean wave” reception degree, but the problem of specific character of Hallyu products reception in Vietnam still lacks investigation, which approve the actuality of this research. Its goal is to show the specificity of “the Korean wave” content reception in Vietnam. It can be achieved with performing the following tasks: to study Hallyu history and the causes of its popularity, as well as to show transformation of Korean cultural content on its reception process in Vietnam.

To study audiovisual sources (dramas, musical clips etc.), content analysis was used. The evolution of the reception of the “Korean wave” products in Vietnam since the end of the 1990s to nowadays was investigated with diachronic method. To systematize data and to define the specificity of the reception of Hallyu products in the SRV, the generalization method was used.

The history of Hallyu origin and popularity causes

Despite the fact that Hallyu phenomenon emerged but in the late 1990s, the necessary prerequisites for the emergence appeared much earlier. As it is known, in 1945, according to the Soviet-American agreement South Korea went under the jurisdiction of the US. From the late 1940s to 1970s the country had strong political, economic, and cultural influence of the US. In the 1980s the RK experienced general penetration of American pop culture. That is why South Koreans feared the assimilation of national culture with the American one. However, such a situation let them realize the necessity to preserve the identity by means of promoting national cultural products to the global market [Polosina 2012: 436], which further served one of the prerequisites of Hallyu emergence.

In 1987, the Sixth Republic was established in South Korea. President Roh Tae-woo carried out some reforms, the relaxation of censorship among them, being followed by the democratization of Korean television and music industries [Kadosina, Filippova 2019: 129]. These transformations let the producers of media content get rid of the state control and to follow the world trends, which resulted in creation of unique products of “the Korean wave” ten years later.

The term “Hallyu” was introduced in “The Chinese Chronicles” (Taiwan) in 1997, but not in the current meaning. First, it meant the influx of goods produced in South Korea. The term “Korean wave” with regard to South Korean popular culture was used in 1999 in “Beijing Youth Daily”, in the article “At times East Wind Blows to the East” [Lachina 2014: 148].

The first successful products of “the Korean wave” were films “Swiri”² and “My Sassy Girl”³, gained popular not only in the RK, but also abroad. Thus, the public response, provoked with the sudden increase of interest in Korean pop culture attracted attention of journalists and later of researchers which served for the start of the discussion on the causes of the phenomenon. Currently, there are some hypotheses, explaining the high level of popularity of South Korean mass culture in the countries of Asian region, Vietnam among them. All of them come to several main concepts.

The general Confucian cultural and historical context

While the countries where “the Korean wave” got the widest spread were, like the KR itself, part of Sinosphere and were influenced with the Confucian tradition, their value orientations are somewhat similar, what permitted to accelerate Hallyu content diffusion [Shmakova, Vinokurova 2015: 161]. Traditional family values, based on Confucian ideal of “filial piety”, is reflected in many Korean dramas [Nguyễn Ngọc Thơ 2014: 4]. Respect for elders, obedience, love for family members are represented in dramas as the main human virtues. Such qualities get response not only of Korean audience, but also, they appeal to long-standing values of the audience within Sinosphere.

Synthesis of cultural standards of West and East

As has already been mentioned, “the Korean wave” products are samples of successful reception of the content of Western creative sphere with its further creative transformation in national popular brand by means of Oriental specificity.

State and private support for Hallyu

Some researchers are of the opinion that “the Korean wave” phenomenon is based on the economic success of the Republic of Korea [Kim Bok-Rae 2015: 166], which permitted local producers at the support of big business to develop efficient marketing strategies for Hallyu promotion across Asia and to create a competitive cultural product. Besides, the state support of “the Korean wave” realized in the frameworks of “Korean culture globalization” is of great importance [Mikhaylik 2008: 36].

Thus, the emergence of Hallyu phenomenon in Asian region in the late 1990s had been preceded with the events connected first and foremost with post-war American expansion in South Korea in the 1940s – 1970s followed with the democratization of media sphere in the late 1980s. As the sequence of swift Westernization of public life there appeared demand both for original forms of culture and the reception and transformation of Western cultural products. The result was the creation of the unique “Korean wave” content, which soon acquired popularity in East and South East Asia. The causes of a keen interest of Asian consumers to Hallyu products were common cultural standards, successful combination of the achievements of Western and Oriental cultural traditions, state and private support for “the Korean wave”.

² «쉬리», 1999

³ «엽기적인 그녀», 2001

“The Korean wave” reception in Vietnam

Having begun to spread abroad with China, “the Korean wave” soon achieves South East Asia and gradually spread worldwide. Both the swift popularity growth and big commercial success of Hallyu made cultural industries of many countries increase import of its products. However, in some regions the reception of “the Korean wave” was not limited with import, but moved up the next level in the form of remaking the content for their own audience demand. Vietnam was one of the countries of South East Asia with the most active reception of Hallyu.

The dynamics of Hallyu content reception in Vietnam since the late 1990s to nowadays

Usually, Hallyu reception process in Vietnam is divided into four stages [The Vietnamese cultural content: 26.03.2020]. In the first stage (the late 1990s – 2000) it began with the drama “False brothers” (1998)⁴, Korean pop culture increased popularity which achieved its peak several years later, in the second stage (2000–2005) [Sokolov 2015: 2]. Thus, in 2003 the share of Korean television programs was 30% of the total number of programs, that were broadcasted on the TV in Vietnam [Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc 2014: 7]. Despite a decreasing interest in dramas from 2005 to 2008, “the Korean wave” recovered its positions, having entered the third stage (2006–2012), where the leading role belonged to K-pop. The fan base of Korean music groups of the second and third generations was replenished with a lot of Vietnamese youth (Fig.1).

Fig. 1. Vietnamese “Korean wave” lovers. Source: medium.com

Later, Hallyu tourism became popular with Vietnamese. Its popularity increased from 10,6 mln visitors to the RK in 2011 to 12,2 mln in 2013 [Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc 2014: 11], which evidences that cultural diffusion had grown deeper by the start of the fourth stage (2012–2013 – nowadays). The surveys of 2019 showed that 51% of Vietnamese like K-pop, 68% are interested in Korean dramas [Report affirms: 26.03.2020]. Besides, according to the data of the Netflix, one of the largest online platforms for viewing films and dramas, in 2020 Top-10 evidenced 1 – 4 places for TV show and 7 – 9 places for Korean dramas in Vietnam [TOP 10: 07.01.2021]. The first week

⁴ «의가형제», 1997.

of January 2021 also showed 1, 3, 5 – 7 places in Top-10 for South Korean dramas [TOP TV Shows: 07.01.2021]. It means that Hallyu products are still much in demand in Vietnam. So, in this country a steady trend for the increase of the Korean content popularity is observed.

Fig. 2. Hallyu' stars to visit Vietnam to promote their drama Kim Tae-hee and Song Seung-heon

Source: hancinema.net

The re-makes of Korean dramas; transformation of Hallyu products in Vietnam

It is noteworthy that during the above-mentioned stages of the Hallyu reception process in Vietnam the Korean content was somewhat transformed. Having begun from the import of “the Korean wave” products and their mere translation into Vietnamese, the cultural industry of the SRV gradually changed its Hallyu reception strategy towards the adaptation of the Korean pop culture content to the tastes of the Vietnamese audience.

One of the first methods of such an adaptation became re-makes of popular Korean dramas and TV-shows. In Vietnam this trend was widespread not earlier than in the early fourth stage of the reception, viz. in 2014 – 2015. Choosing the content for further adaptation, the main criterion was the rate of its popularity among native audience/ That is why ratings of the re-makes were always extremely high. Vietnamese versions were created for many Korean TV- programs, film “You are My Granny”⁵, the drama “My First Love”⁶ and “The Running Man” show⁷.

First, this method of “the Korean wave” content reception was rather copying than a new product creation, which had negative effects, especially currently. Leaning on the former experience of slavish imitation of the Korean content, producers and actors sometimes resort to plagiarism. It happens very often in musical sphere [Sokolov 2015: 12]. The example of this was the scandal [Học hỏi Kpop: 10.04.2020], in which Dương Hiếu Nghĩa, a Vietnamese singer, was involved suspicious in copying the clip “A Million Pieces”⁸ of the Korean idol Cho Kyu Hyun. In spite of some negative

⁵ «Em Là Bà Nội Của Anh» (2015), the original title was “Miss Granny (수상한 그녀)”, 2014.

⁶ «Mối tình đầu của tôi» (2019), The original title was “She was a beauty (그녀는 예뻐다)”, 2015.

⁷ «Chạy đi chờ chi», 2019.

⁸ «밀리언조각» (2015), clip-plagiarism «Đêm Không còn em», 2016.

sequences of such a reception method, this attempt to transform Hallyu content was a significant step on the way towards the creation of native successful industry of music and filmmaking, based on the imitated models of “the Korean wave”.

The joint Korean and Vietnamese media projects

Another method of Hallyu content reception is joint film production. In the early stages of this partnership the Vietnamese side only was responsible for looking for filming locations and for the process organization, while the Korean side offered the personnel, including script writers, directors and actors. However, later, there emerged the mutually beneficial cooperation of the two countries film industries. The examples of such a cooperation are the films: “Muoi: The Legend of a Portrait”⁹, “Live Again, Love Again”¹⁰ and the dorama “Forever Young”¹¹ [7 bộ phim: 09.04.2020]. Currently, the personnel of the both sides participate in the production. It is noteworthy that often ethnic Vietnamese actors are invited to play main roles. Generally, these actors live and work in the RK, like Hari Won (Luu Esther) in the film “Who is My Future Family?”¹².

Besides, in Vietnam the trend is observed when Korean corporations invests large amounts into the local film industry. Also, the Korean side initiates the establishment of joint companies to cast, to teach and to promote Vietnamese actors according to Hallyu standards. One of such companies is CJ Blue, having been founded in 2016 by Korean CJ E&M and Vietnamese Blue Group [CJ Group (CJ E&M) co-operates with Blue Group (Blue Ocean): 03.04.2020]. Apparently, in this way Korean practices are transferred to the Vietnamese reality, models for managing entertainment industry are copied. That is why Hallyu, in fact, is hors-concours in the Vietnamese market. Moreover, Korean investors have an important impact in the sphere of the Vietnamese film distribution. In 2017 the total market share of Korean companies CJ-CGV и LOTTE, owing 57 cinemas across the country, accounted for more as 70% [The Vietnamese cultural content: 03.04.2020].

The film industries cooperation is carried out on the level of full-scale cooperation of Korean and Vietnamese film companies, while joint projects in the musical industry are rather fixed on the individual partnership, the idols’ agencies are busy with their collaborations. An example of such a cooperation of the artists of the two countries is the joint record of a Vietnamese singer Soobin Hoàng Sơn and the Korean singer Park Ji Yeon from the T-ara group of the song “Between Us”¹³ and two bilingual clips for it [VN, Korean singers: 04.04.2020].

Recently, the Vietnamese side have begun learning more actively from the experience of Korean professionals in the sphere of creation of mass culture products, and in this way creating native industry of producing idols. As the most efficient way of seeking talented artists survivor programs are used, as they have approved their productivity on the Korean scene. Among them there is a Vietnamese version of Produce 101 project [Việt Nam sẽ có chương trình: 04.04.2020], as well as other similar measures, which had already been organized in the SRV with the task of training Vietnamese artists in accordance to Hallyu system (LOTTE VK-Pop Superstar¹⁴).

⁹ «므이», 2007.

¹⁰ «라라», 2018.

¹¹ «Tuổi thanh xuân», 1st season: 2014–2015, 2d season: 2016–2017.

¹² «Ai sẽ là gia đình tương lai của tôi?», 2019.

¹³ «Đẹp Nhất Là Em/우리사이», 2018.

¹⁴ The joint audition of the Korean Agency Rainbow Bridge and the Vietnamese Agency VNK, 2014.

Thus, currently in Vietnam there are several ways of “the Korean wave” reception: from the production of Korean dramas re-makes and musical collaborations of idols of the two countries to wide cooperation of film industries and joint issues of musical reality-show. It is noteworthy, that the sphere of penetration of Korean products is very wide, as the cultural diffusion has no obstacles. However, their adoption and spread are not deep, while generally the initiative belongs to Korean companies.

Vietnam and “the Korean cultural imperialism”: possible limitations in the future

“The Korean wave” impact on Vietnamese consumers is controversial. Despite many positive effects, such as inculcating social values in the new generation being the overwhelming majority of Korean pop culture fans (respect for the elders, diligence in work etc.) [Ảnh hưởng của phim Hàn Quốc: 22.04.2020], Hallyu may also have negative impact. Among negative sequences of “the Korean wave” on Vietnam there are ignorance of traditional arts in favor of Hallyu products and slavish imitation of Korean standards (from beauty understanding to tastes in fine arts), mindless copying of Korean culture to the detriment of Vietnamese one [Sokolov 2007: 421]. Besides, the attractive image of South Korea having been created with “the Korean wave: products, influence the increase of migration flow out of Vietnam to the RK. Young Vietnamese specialists who leave Vietnam for South Korea means first of all “brain drain”, which undermines scientific and technological potential of the SRV [Dinh Thủy Anh 2016: 42].

Many Vietnamese researchers believe that Hallyu negative impact is of a larger scale. It is not limited with occasional acts of imitating Korean culture. Thus, in his work Duong Nguyen Hoai Phuong writes that cultural relationships of Vietnam and South Korea do not possess equal rights, but serve an example of cultural imperialism. The researcher argues that through Hallyu influence the RK achieves cultural hegemony, which transforms mentality and life style of Vietnamese audience of “the Korean wave” [Dương Nguyễn Hoài Phương 2016: 10].

This opinion is shared with part of Vietnamese society. That is why there is the perspective of limitation of the flow of Korean cultural products and public discontent may be followed by official measures, such as ban on TV broadcasting of the content etc. However, a great success having been achieved with Hallyu in Vietnam, as well as the lack of comments of the authorities, evidence that currently the reception has no obstacles and it is unlikely that it has them in the nearest future.

Conclusion

The Hallyu phenomenon which appeared in Asia at the end of the 1990s and spread worldwide is a bright example of glocalization. In this connection the Korean experience of successful integration into the global cultural space through the unique content production, based on combination of Western and Oriental cultural traditions attracted attention of numerous producers of media products, who wished to adopt it with the task to create own entertainment industry later to join the world media sphere. Besides, great popularity of Hallyu products made for its reception in Asian region. So did the general Confucian cultural and historical context and state support of the RK, what ensured its swift penetration into Vietnam.

The research has shown that in Vietnam Hallyu reception process is divided into four stages and is carried out free. As far as methods and ways of the reception are concerned, the most widespread is the creation of re-makes of Korean films and dramas. Also, joint issue of musical

compositions with participation of Korean idols and cooperation in the sphere of film production are rather popular.

However, it is noteworthy, that the cultural diffusion in the SRV is not very deep, because the initiative, in fact, only belongs to the Korean side. Thus, with the assistance of the Korean side joint companies are being organized, which do casting, training and promotion of Vietnamese artists in accordance to Hallyu standards. In fact, this means the transfer of Korean practices to Vietnamese realities, and implies copying models for entertainment industry management. In this connection, “the Korean wave” is hors-concours in the Vietnamese market. Besides, Korean investors have great influence in the sphere of Vietnamese film distribution.

Despite public discontent with “the Korean wave”, being a real conflict of cultural interests, the authorities do not introduce any limitation measures, because economic advantage of the cooperation with the Korean side is extremely high, and the Vietnamese entertainment industry finds it possible to develop on the account of the investments of big South Korean companies, such as LOTTE and CJ Group.

Thus, currently Vietnam creates native entertainment industry modelled on Korean one. The Hallyu reception and direct cooperation of Korean entertainment companies with local ones are of great importance. In this connection, it appears that further investigation of “the Korean wave” reception process should be concentrated on a deeper understanding of cooperation mechanisms of the Korean and Vietnamese sides.

References

7 bộ phim hợp tác Việt – Hàn ấn tượng trên màn ảnh [7 Impressive Vietnamese-Korean Collaborative Films on Screen] (2015). *ZING news*, April 2. URL: <https://zingnews.vn/7-bo-phim-hop-tac-viet-han-an-tuong-tren-man-anh-post526570.html>

Ảnh hưởng của phim Hàn Quốc đến giới trẻ Việt Nam: Rõ tính hai mặt [Impact of Korean Films on Vietnamese Youth: A Clear Duality] (2014). *Hà Nội mới*, April 26. URL: <http://www.hanoimoi.com.vn/tin-tuc/Giai-tri/679114/anh-huong-cua-phim-han-quoc-den-gioi-tre-viet-nam-ro-tinh-hai-mat>

CJ Group (CJ E&M) Co-operate with Blue Group (Blue Ocean): Launching Ceremony of CJ Blue (2016). *CJ Vietnam*, October 19. URL: <http://cjvietnam.vn/en/press-center/cj-group-cj-em-co-operate-with-blue-group-blue-ocean-launching-ceremony-of-cj-blue/>

Dinh Thủy Anh (2016). *The Causes and Effects of Korean Pop Culture on Vietnamese Consumer Behavior*. Thammasat University Library. Retrived on 22.04.2020 from URL: http://ethesisarchive.library.tu.ac.th/thesis/2016/TU_2016_5866090052_5610_4098.pdf

Dương Nguyễn Hoài Phương. *Korean Wave as Cultural Imperialism A Study of K-pop Reception in Vietnam* (2016). Leiden University Repository. Retrived on 22.04.2020 from URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/37300>

Học hỏi Kpop và nhạc Hoa, ca sĩ Việt liên tục bị nghi đạo nhạc [Learning from K-pop and Chinese Music, Vietnamese Performers are Constantly Accused of Plagiarism] (2017). *ZING news*, April 20. URL: <https://zingnews.vn/hoc-hoi-kpop-va-nhac-hoa-ca-si-viet-lien-tuc-bi-nghi-dao-nhac-post737966.html>

Kadosina A.V., Filippova Ya.D. (2019) Korejskaya volna v kontekste razvitiya ekonomiki Yuzhnoj Korei [The Korean Wave in the Context of the Development of the South Korean Economy]. *Kazanskij vestnik molodyh uchenykh. Politicheskie nauki*, 3 (1): 128–134.

Kim Bok-Rae (2015). Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). *American International Journal of Contemporary Research*, 5 (5): 154–160.

Lachina E.V. (2014) «Korejskaya volna» kak proyavlenie «myagkoj sily» ["Korean Wave" as a Manifestation of "Soft Power"]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2: 147–155.

Mihajlik O.N. (2008) Fenomen «korejskoj volny»: sintez Zapada i Vostoka? [The "Korean Wave" Phenomenon: A Synthesis of West and East?] *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 1: 31–40.

Milanowitsch B. (2017) Mapping the Presence of the Korean Wave in North Korea. *International Quarterly for Asian Studies*, 48 (3–4): 273–284.

Nguyễn Ngọc Thơ (2014). Hallyu in Modern Vietnamese Culture. *Semantic Scholar*. Retrived on 15.12.2019 from URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/HALLYU-AND-MODERN-VIETNAMESE-CULTURE-Tho/e657d7e9e328a59c081c50dea7756c20f274dfac>

Oh Ingyu (2017). From Localization to Glocalization. *Kritika Kultura*, 29: 157–167.

Polosina E.V. (2012) «Korejskaya volna» v strategii nacional'nogo brendinga Yuzhnoj Korei ["Korean Wave" in the National Branding Strategy of South Korea]. In: *Mezhkul'turnye vzaimodejstviya v usloviyah globalizacii: opyt Rossii i Korei*. Sbornik statej. SPb. S. 435–441.

Report Affirms Korean Wave Still Strong in Vietnam (2019). *VNExpress*, May 10. URL: <https://e.vnexpress.net/news/life/trend/report-affirms-korean-wave-still-strong-in-vietnam-3921236.html>

Shmakova A.S., Vinokurova K.A. (2015) Zarozhdenie i razvitie fenomena «korejskoj volny» v Yuzhnoj Koree [The Origin and Development of the Phenomenon of the "Korean Wave" in South Korea]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*, 14 (10): 159–167.

Sokolov A.A. (2007) V'etnamskaya kul'tura: globalizaciya i rynek [Vietnamese Culture: Globalization and the Market]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 1: 399–425.

Sokolov A.A. (2015) Korejskaya «myagkaya sila» vo V'etname [Korean “Soft Power” in Vietnam]. In: *Materialy konferencii «Gubеровские chteniya. Vlast' i obshchestvo v stranah Yugo-Vostochnoj Azii. Istorija i sovremennost'»* 11 marta 2015 g. ISAA MGU.

The Vietnamese Cultural Content Market and Hallyu (2017). *KOFICE*, August 11. URL: http://eng.kofice.or.kr/c00_hallyuInsights/c00_hallyuInsights_01_view.asp?seq=7953

TOP 10 on Netflix in Vietnam in 2020. *FlixPatrol*. Retrived on 07.01.2021 from URL: <https://flixpatrol.com/top10/netflix/vietnam/2020>

TOP TV Shows on Netflix in Vietnam in January. *FlixPatrol*. Retrived on 07.01.2021 from URL: <https://flixpatrol.com/top10/netflix/vietnam/2020>

Trần Thị Hương, Cao Thị Hải Bắc (2014). Ảnh hưởng của hàn lưu tại Việt Nam: nhìn từ góc độ liên ngành [Hallu's Influence in Vietnam: An Interdisciplinary Perspective]. *Course Hero*. Retrived on 26.03.2020 from URL: <https://www.coursehero.com/file/40528783/ANH-HUONG-CUA-HAN-LUU-Phan-1-word-2003-1292015pdf/>

Việt Nam sẽ có chương trình tuyển chọn tài năng giống Produce 101 [Vietnam to Host a Talent Selection Program Similar to Produce 101] (2019). *ZING news*, December 16. URL: <https://zingnews.vn/vietnam-se-co-chuong-trinh-tuyen-chon-tai-nang-giong-produce-101-post1024219.html>

VN, Korean Singers Release New Music Video (2018). *Viet Nam News*, July 23. URL: <https://vietnamnews.vn/life-style/462111/vn-korean-singers-release-new-music-video.html>

Author:

Khachatryan Sofya V., Student, HSE University – Saint-Petersburg. E-mail: svkhachatryan@edu.hse.ru

Article history:

Received: January 21, 2021

Received in revised form: April 30, 2021

Accepted: August 20, 2021

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-129-147

Т.Н. Филимонова

РАССКАЗ НГУЕН ХЮИ ТХИЕПА «ГЕНЕРАЛ НА ПЕНСИИ» И ПРОБЛЕМА СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

*Памяти Нгуен Хюи Тхиепа (1950–2021), с которым автору
посчастливилось не единожды встречаться*

Аннотация. Статья посвящена рассказу «Генерал на пенсии» (1987) одного из самых известных вьетнамских писателей последней четверти XX в. Нгуен Хюи Тхиепа. Его проза ознаменовала собой конец господствовавшей в ДРВ начиная с середины XX в. литературы соцреализма. Рассказ рассмотрен с точки зрения проблемы соцреалистического героя, который характеризуется набором определённых признаков, позволявших ему служить примером для подражания в деле воспитания человека – строителя нового социалистического общества.

Актуальность темы определяется недостаточной изученностью вьетнамского варианта соцреализма, а также особенностей отхода от него в постобновленческий период.

На примере анализа персонажей рассказа показано, что в той или иной степени признаки соцреалистического героя присутствуют только у главного героя – генерала, борца за высокие идеалы. Остальные герои представляют собой обычных людей со своими достоинствами и недостатками. Таким образом писатель фиксирует смену эпох: эпоха героического уходит, ей на смену идёт эпоха обыденности, герой соцреалистический с приоритетом общественного над личным заменяется частным лицом со своими частными интересами. Новый герой как бы вынут из контекста борьбы за светлое будущее, который был обязателен для литературы соцреализма. В этом смысле приобретает символическое значение и смерть генерала, которую можно воспринимать как прощание с соцреализмом и характерным для него соцреалистическим героем.

Ключевые слова: Нгуен Хюи Тхиеп, «Генерал на пенсии», литература соцреализма во Вьетнаме, соцреалистический герой

Для цитирования: Т.Н. Филимонова. Рассказ Нгуен Хюи Тхиепа «Генерал на пенсии» и проблема соцреалистического героя // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 129–147.

Введение

Нгуен Хюи Тхиеп (Nguyễn Huy Thiệp, 29.04.1950–20.03.2021), автор рассказов, романов, пьес, киносценариев, эссе – без всякого сомнения, знаковая фигура для вьетнамской литературы последней четверти XX в., после того как в 1986 г. Коммунистическая партия Вьетнама провозгласила политику обновления (Đổi mới), коренным образом и за очень

короткий срок преобразившую страну. За политикой обновления последовало и обновление вьетнамской литературы, также за короткий срок полностью изменившее её «ландшафт».

Творчество Нгуен Хюи Тхиепа, главным образом рассказы, широко известно не только во Вьетнаме, но и за границей. Некоторые его произведения переведены на иностранные языки (французский, английский, шведский и т. д.). В стране сразу же после первых публикаций его проза породила буквально шквал откликов в виде статей, подчас диаметрально противоположных и иногда очень эмоциональных, которые выходили как отдельно, так и вместе с его произведениями¹. Привлекла она и внимание иностранных исследователей, например австралийца Г. Локхарта [Lockhart 1989] или американца П. Зиномана [Zinoman 1994], а также автора этой статьи [Филимонова 1993, 1996, 2017, 2018]. Своим творчеством Нгуен Хюи Тхиеп внёс большой вклад в обновление вьетнамской литературы, на то время соцреалистической, и этот вклад, должно быть, еще долго будет изучаться.

В данной статье одно из наиболее известных произведений писателя рассказ «Генерал на пенсии» (Trưởng về hưu) рассматривается как раз в ракурсе его отношения к соцреализму, а именно в свете проблемы соцреалистического героя, что, как представляется, до сих пор ещё не делалось.

Известно, что до периода обновления литература Севера страны (ДРВ) почти полвека развивалась в рамках одного художественного метода – социалистического реализма. Курс на него был провозглашён еще в известных «Тезисах о культуре» (Đề cương văn hóa, 1943). В этом документе, впервые определившем политику партии в области культуры и основы взаимоотношений её с творческой интеллигенцией, был провозглашен курс на национально-освободительную революцию под руководством Коммунистической партии, частью которой должна была стать и культурная революция, социалистическая по своей сути.

Тезисы определяли такие принципы культурной политики партии, как национальный характер, народность и научность, а также ближайшие и долгосрочные цели и задачи. В частности, в тезисах прямо провозглашался разрыв с предшествующей культурной традицией: в области идеологии – это необходимость борьбы с «ошибочными» и «вредными» учениями Конфуция и Мэн-цзы, а также философскими учениями Декарта, Бергсона, Канта, Ницше и др., а в области художественного творчества – необходимость борьбы с классицизмом, романтизмом, натурализмом и символизмом *за победу социалистического реализма* (выделено авт. – Т.Ф.)² [Về sự lãnh đạo của Đảng 1960: 187]. Само понятие метода социалистического реализма, оформившееся в СССР в 1934 г., было заимствовано и перенесено на вьетнамскую почву Коммунистической партией Индокитая для решения своих политико-идеологических задач, схожих с теми, которые возникли в Советском Союзе в ходе строительства социализма. Не зря в «Тезисах» прямо говорится, что «Новая вьетнамская культура, руководимая и направляемая КПИК, должна быть культурой социалистической или советской (как, например, культура в СССР)» (выделено авт. – Т.Ф.) [Về sự lãnh đạo của Đảng 1960: 186]. В дальнейшем партия постоянно проводила разного рода совещания и принимала документы о деятельности в сфере культуры и работе с творческой интеллигенцией, тем самым подчёркивая свое исключительное внимание к этим вопросам, поскольку справедливо

¹ См., напр., *Nguyễn Huy Thiệp. Tác phẩm và dư luận*. Huế, 1989; *Đi tìm Nguyễn Huy Thiệp*. Hà Nội, 2001.

² При этом термин «социалистический реализм» употреблялся в документе еще в старом варианте, не как *chủ nghĩa hiện thực xã hội chủ nghĩa*, а как *chủ nghĩa tả thực xã hội chủ nghĩa*.

видела в литературе и искусстве мощное орудие воспитания народных масс в духе идеалов социализма.

ДРВ импортировала из СССР не только теорию соцреализма, но и его литературную практику. В первые десятилетия после Августовской революции был переведён целый ряд произведений «классической» советской соцреалистической литературы: «Мать» М. Горького, «Железный поток» А. Серафимовича, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и некоторые другие. Постепенно во Вьетнаме родилась собственная литература социалистического реализма, давшая такие образцы прозы, как «Угольный край» (Vùng mỏ, 1951) Во Хюи Тама (Võ Huy Tâm), «Супруги А Фу» (Vợ chồng A Phủ, 1954) То Хоая (Tô Hoài), «Страна поднимается» (Đất nước đứng lên, 1956) Нгуен Нгока (Nguyễn Ngọc), «Мощёный дворик» (Cái sân gạch) и «Весенний урожай» (Vụ lúa chiêm, 1961) Дао Бу (Đào Vũ), «Противостояние» (Xung đột, 1959) и «Сезон сбора арахиса» (Mùa lạc, 1960) Нгуен Кхая (Nguyễn Khải), «Рушатся берега» (Vỡ bờ, 1962) Нгуен Динь Тхи (Nguyễn Đình Thi), «Утро» (Buổi sáng, 1976) Нгуен Тхи Нгок Ту (Nguyễn Thị Ngọc Tú), «Остров Чам» (Cù lao Tràm, 1985) Нгуен Мань Туана (Nguyễn Mạnh Tuấn) и многие другие.

К сожалению, особенности вьетнамского варианта соцреализма, как представляется, наиболее реализованного в литературной практике этой страны художественного метода, до сих пор не изучены³. Хотя заслуживающие внимания попытки в этом направлении предпринимались, например, такими известными вьетнамскими литературоведами, как Хоанг Нгок Хиен [Hoàng Ngọc Hiến 1979] и Чан Динь Шы [Trần Đình Sử 2002]. Интересен и процесс становления метода во Вьетнаме, и факт его «тихого» исчезновения после провозглашения политики обновления, который так и не осмыслен.

В официальной формулировке, принятой на Первом съезде советских писателей (Москва, 1934 г.), определение социалистического реализма звучит следующим образом: «Социалистический реализм требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в её революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должна сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [Словарь 1974: 365].

Именно задаче идейной перделки и воспитания трудящихся «в духе социализма» отвечало наличие такого обязательного компонента соцреалистической литературы, как положительный герой: либо сознательный строитель новой жизни или борец за неё, либо человек, находящийся в процессе становления, на пути к тому, чтобы стать активным строителем или борцом и служить примером для подражания. Как Павел Власов и его мать, как Павел Корчагин и некоторые другие очень хорошо известные во Вьетнаме герои. Как коммунист Кхак из романа «Рушатся берега», крестьянин Ам из дилогии «Мощёный дворик» и «Весенний урожай», как представитель малых народов Нуп из повести «Страна поднимается» или полные надежд на счастливое светлое будущее герои рассказа «Сезон сбора арахиса».

³ Как пример интересного и удачного комплексного исследования соцреализма в СССР можно привести коллективный труд «Соцреалистический канон». СПб., 2000.

В соответствии с этой задачей после Августовской революции во вьетнамской литературе соцреализма сформировался новый тип героя, соответствующий новому времени. В духе марксистско-ленинской классовой теории это должен был быть представитель трудящихся масс: рабочий, крестьянин, выходец из трудовой интеллигенции, боец народной армии и т. д. Например, в Послании ЦК Партии трудящихся Вьетнама Второму всевьетнамскому съезду деятелей литературы и искусства от 20 февраля 1957 г. так и говорится: «Наш народ ждет от литературных и художественных произведений правдивого показа своих образов, типичных представителей нового человека, новых героев эпохи, положительных сторон нашей нынешней жизни. Новые люди, новые герои – это простые скромные труженики, каждый день самозабвенно работающие и решительно борющиеся за новую жизнь. Это рабочие заводов и рудников, строки и сельхозпредприятий, занятые в производстве восстановлением и развитием экономики. Это крестьяне, прошедшие через земельную реформу и с воодушевлением идущие по пути кооперации и взаимопомощи. Это бойцы народной армии, денно и ночно охраняющие наши рубежи, закаляющие себя и активно занимающиеся политическим, боевым и культурным образованием для защиты Родины, защиты мирного труда нашего народа. Это представители умственного труда, с энтузиазмом вносящие вклад в дело экономического и культурного строительства нашей страны. Одним словом, это активные люди, уважаемые члены нашего общества, которых вы, творческие работники, должны воспевать и превозносить» [Vẻ sự lãnh đạo của Đảng 1960: 12]. Таковы и были герои вьетнамской литературы этого периода – борцы за строительство новой социалистической жизни в городе и деревне, ведомые Коммунистической партией. Отсюда произведениях наряду с рабочими, крестьянами, бойцами и командирами народной армии, представителями малых народов, интеллигентами прописаны и образы негибавших коммунистов, мудрых политруков, секретарей парторганизаций разного уровня и т.п.

На почве такой, в буквальном смысле соцреалистической, литературы и появился писатель Нгуен Хюи Тхиеп. В 1987 г. на страницах газеты «Ван нге» («Литература и искусство»), печатного органа Союза писателей Вьетнама, был опубликован его рассказ «Генерал на пенсии», вызвавший небывалый общественный резонанс и привлечший внимание читателей, литературоведов и литературных критиков. Рассказ потряс как своим содержанием с необычным взглядом на вьетнамскую городскую действительность середины 1980-х годов, так и непривычной стилистикой.

Анализ содержания и героев рассказа «Генерал на пенсии»

Сюжет рассказа достаточно прост. Его главный герой, боевой генерал, прошедший фактически всю жизнь вне дома, выйдя в отставку и приехав в семью единственного сына, живущего в Ханое, не находит себе в этой жизни места и, вернувшись в армию, погибает, как герой, в очередной войне.

Действие рассказа происходит лет через десять после объединения страны и охватывает события приблизительно одного года – с приезда генерала в дом сына и до его похорон. Рассказ написан от лица сына после гибели отца и представляет из себя сказ, то есть сама форма подчеркивает, что автор его не писатель, а обычный человек.

Про генерала и его жизнь до приезда к сыну в рассказе говорится мало: «*Моего отца звали Тхуан, он был старшим сыном в роду Нгуенов. <...> Мой дедушка по отцовской линии когда-то учился китайской грамоте, а потом преподавал. У него было две жены. Первая,*

родив моего отца, через несколько дней умерла, и дедушка вынужден был жениться повторно. Его вторая жена занималась крашением тканей. Я не помню ее лица, но говорят, что женищина она была очень суровая. Понятно, что, живя с мачехой, мой отец с самого детства хлебнул лиха. И уже в двенадцать лет он убежал из дома. Он ушел в армию и с тех пор редко когда появлялся в родных краях.

Приблизительно в 19... году мой отец приехал в деревню, чтобы жениться. Наверняка, он женился не по любви. У него всего-то было десять дней отпуска и куча дел. А любовь, она требует условий, в том числе и времени»⁴.

Только в 70 лет генерал решил уйти на покой и появился в доме с такими словами: «Всё, с большими делами в моей жизни покончено».

Однако и из скурых подробностей в рассказе складывается образ героя. Он из деревенской, пусть и не самой бедной семьи, с трудным ранним детством; пошел в армию, исповедуя высокие идеалы национальной независимости и социальной справедливости, воюя за них с французскими колонизаторами; сделал военную карьеру, став заслуженным и уважаемым человеком. Одним словом, он был типичным представителем того поколения людей, которые сначала делали Августовскую революцию, защищали независимость молодой страны, вступившей на путь строительства новой социалистической жизни, а потом воевали за освобождение Юга, вдали от дома, от параллельно развивающейся обычной «тыловой» жизни в городе и деревне с другим укладом, другими порядками, к тому же, начавшей стремительно меняться после исторического объединения страны в 1975 г. Иными словами, всю жизнь он занимался «большими делами».

Приезд генерала в семью перевернул жизнь всех её членов, тем более что они его мало знали или не знали вообще.

Сыну на тот момент было тридцать семь лет, он работал инженером-физиком в ханойском научно-исследовательском институте, бывал за границей, был полностью материально обеспечен, даже имел свой дом, построенный по проекту военного архитектора, друга отца. Его жена Тхюи была врачом-акушером и работала в родильном доме. Таким образом, и сын, и его жена были представителями современной городской интеллигенции. У них росли две дочери, как подчеркивается в рассказе, занимавшиеся иностранным языком и музыкой. Жена генерала страдала возрастным слабоумием и жила отдельно от семьи в пристройке. Уходом за ней, как и за всем хозяйством семьи – а у них были огород, куры, свиньи и овчарки на продажу – занималась прислуга: шестидесятилетний Ко и его не совсем нормальная дочь Лаи. Они были погорельцами из другой провинции и жили в Ханое, не имея продуктовых карточек, на то, что им платила Тхюи. Кроме того, в рассказе фигурируют младший брат генерала, дядя Бонг, бывший рикша, и его сын Туан, погонщик буйволов, невестка дяди Бонга Ким Ти, а также самодеятельный поэт Кхонг. Все эти персонажи представляют срез того ханойского общества, в которое вернулся генерал, с его обозначившимся социальным неравенством и материальным расслоением, против чего всю жизнь боролся генерал, и, как мы увидим далее, в рассказе все эти персонажи так или иначе ему противопоставлены по разным причинам.

⁴ Все цитаты даются по: *Нгуен Хюи Тхиен. Генерал на пенсии* /пер. на рус. яз. Т. Филимоновой // Азия и Африка сегодня. 2006. №4. С.68–73.

Порядки, царящие в семье сына, вызывают у генерала как человека, выросшего в традиционном обществе, а затем воспринявшего социалистические идеалы свободы, равенства, братства, откровенное недоумение и горечь. Он не понимает, почему всем в доме руководит невестка, а сын ни во что не вмешивается, послушно выполняя ее волю, и по любому поводу говорит: *«Надо спросить у Тхюи»*. Почему сын закрывает глаза на то, что его родная мать живет отдельно в маленькой пристройке, и ни жена, ни две их дочери четырнадцати и двенадцати лет не обращают на неё никакого внимания, передав полностью заботам прислуги – в сущности чужих, хоть и очень добрых людей. Почему он терпит измену жены с соседом Кхонгом. Почему позволяет жене ради денег разводить овчарок и кормить их человеческими эмбрионами, которые она каждый день приносит из клиники в термосе. В момент, когда генерал показывает сыну варево для собак, он, много повидавший и закалённый в боях человек, с плачем говорит: *«Не нужно мне такое богатство»*.

Сам генерал, несмотря на свой высокий социальный статус, скромный, добр и бескорыстен, его идеалом является равенство всех со всеми. Он приезжает в дом сына *«с небольшим багажом»*. В первый день по приезде он дарит домочадцам, включая прислугу – старого Ко и его дочь, – по одинаковому отрезку армейского сукна. На что сын со смехом говорит: *«Однако ты, отец, эгалитарист»*. А отец ему на это отвечает: *«Равенство – первый закон жизни»*.

Когда на семейном совете решается вопрос, чем генералу на пенсии заняться – а писать мемуары он отказывается, – Тхюи предлагает ему разводить попугаев, ссылаясь на то, что многие в то время этим занимались. Но, когда генерал спрашивает её *«Для денег?»* – она ему ничего не отвечает.

Поначалу генерал хочет жить в отдельной комнате в пристройке, где и его жена, но Тхюи выступает против. Видя, что Ко и Лаи от домашней работы валяются с ног, он хочет им помогать, но Тхюи не разрешает со словами: *«Вы, папа, и на пенсии генерал. Вы командир. Что будет, если вы станете выполнять солдатскую работу?»*.

Генерал чувствует себя ответственным за всё, что происходит, обязанным всем помочь. Дома его осаждает множество людей, обращающихся к нему с просьбами, и он с готовностью пишет разные ходатайства. Когда младший брат, пройдоха Бонг, хочет, чтобы он был тамадой на свадьбе его сына-хулигана, генерал не может отказать, хотя брат ему прямым текстом говорит, что он нужен для престижа: *«Отец Ким Ти – замначальника отдела, а ты генерал, тоже не лыком шит. Для детей это будет большая честь, а то я – простой рикша, ну что за радость?»* На свадьбе генерал чувствует себя совершенно потерянным: *«Его речь, приготовленная с таким тщанием, оказалась никому не нужной. <...> Отец перескакивал с одного абзаца на другой и весь дрожал. Это странное сборище случайных людей, невозмутимых, как сама жизнь, грубых и даже гнусных, приводило его в полнейший ужас»*. Когда через несколько дней после свадьбы Ким Ти рождает дочку и дядя Бонг с позором выгоняет ее из дома, генерал берёт ее на время в дом сына. Когда старый Ко просит генерала поехать с ним и Лаи на родину, в другую провинцию, чтобы по традиции перезахоронить жену, он соглашается, хотя они для него совершенно чужие люди, и дает им денег. Участвуя в рассуждениях о том, кому легче жить: женщинам или мужчинам, он говорит про мужчин: *«Если у мужчины есть душа, то трудно. И чем больше души, тем труднее»*. Доверчивость для генерала – одно из основных достоинств человека: *«Девочка моя, неужели ты не понимаешь, что как раз доверчивость и есть основная сила в жизни»*, – говорит он Лаи.

Смерть жены и похороны в гражданской жизни с традиционными ритуалами, суевериями и прочим производят на него, человека, видевшего тысячи смертей и не одни похороны, большое впечатление. Он как бы видит смерть человека впервые.

Пытаясь обратить внимание сына на отношения между его женой и поэтом Кхонгом и видя, что тот не хочет реагировать, он называет сына «слабаком». Сын при этом говорит, что в жизни надо ко многому относиться как к шутке, как к чему-то несерьезному, а отец этого не понимает и восклицает: *«И почему я как белая ворона?»* Иными словами, в этом новом для него обществе он со своими взглядами, идеалами, представлениями о жизни – чужой, будто из другой стаи. Видимо, это и подталкивает его к тому, чтобы принять предложение вернуться на военную службу.

Перед отъездом генерал прощается со всеми соседями, заходит на могилу жены, даёт Ко денег, чтобы тот заказал надгробие на могилу своей жены, и перед тем, как сесть в присланную за ним машину, отдаёт сыну простую ученическую тетрадь со своими записями. В конце рассказа уже после гибели генерала именно про неё сын говорит: *«Когда у меня есть время, я открываю и читаю записи отца. Теперь я понимаю его лучше».*

Таков в рассказе генерал, настоящий герой, человек «больших дел», его жизнь и смерть могут служить образцом для подражания. В таком виде он наиболее близок к идеалу социалистического героя. И именно в этом качестве ему противопоставлены другие персонажи рассказа – не герои, а обычные люди со своими «маленькими делами», положительными качествами и слабостями, даже ошибками.

Сын генерала Тхуан, как можно предположить, многого добившийся благодаря своему заслуженному отцу, – человек совестливый, но, как характеризует его отец, «слабак». В отличие от жены он непрактичен, его легко обмануть. Он достаточно самокритичен: *«О себе могу сказать, что я довольно консервативный, непредсказуемый и грубоватый»*, – говорит он. Но, когда Ко с Лаи и его отцом уезжают в другую провинцию, а у его матери обостряется болезнь, он старательно ухаживает за ней: *«Два дня мать ничего не ела и не просилась в туалет. Я стирал за ней, менял простыни. Бывало, что по двенадцать раз в день. Я знал, что Тхюи и девочки любят чистоту, поэтому стирал не дома, а ходил к канавке».*

Таким образом, если его отец – человек «больших дел», то он никоим образом к этой категории людей не относится и не стремится стать таким человеком.

Невестка генерала Тхюи – организованная, несентиментальная и расчетливая. Сын генерала так говорит о жене: *«Тхюи образованная и очень современная женщина. <...> Она замечательно справляется со всеми хозяйственными вопросами, а также занимается воспитанием детей».* На первый взгляд, кажется, что она думает только о деньгах и связанным с ними благополучием и престижем. И правда, очень практичная Тхюи всё переводит на деньги, все просчитывает, из всего пытается извлечь выгоду. *«Самое главное – хлеб насущный, а не какая-то там душа»*, – говорит она. Дяде Бонгу она даёт следующую оценку: *«Он хороший человек, но бедный»*, а значит, и не представляющий для неё особого интереса. Давая ему взаймы, она берёт с него расписки. Даже отправляясь на похороны погибшего при выполнении воинского долга свекра, она не забывает взять фотоаппарат, чтобы запечатлеть семью на похоронах, ведь свекор как-никак генерал и герой. Но при этом, отпуская генерала вместе с Ко и Лаи на их родину, она велит Ко не брать деньги на поездку у генерала, а сама дает большую сумму денег; она дарит деньги и приехавшей в гости Ким Ти; в конце концов, она просит прощения у мужа и детей за свои отношения с Кхонгом, а на обратном пути с

похорон генерала просит шофёра ехать помедленнее, чтобы дядя Бонг, впервые совершающий далекое путешествие, мог насладиться красотами дороги. Иными словами, может быть, по своим человеческим качествам она и готова к «большим делам», но слишком меркантильна.

Дядя Бонг с самого начала подаётся как неприятный грубый тип: *«В глубине души все мы дядю Бонга и его сына недолюбливали, но, как говорится, “родная кровь”. На поминках, на праздниках общались, а так – не особенно. Дядя Бонг часто говорил: “Интеллигенция проклятая! Презирает нас, простых трудяг. Если бы не брат, я бы к вам ни ногой!”»* Однако когда перед смертью жены генерала он пришёл навестить ее и увидел, в каком она состоянии, то очень расстроился и спросил, узнаёт ли она, кто он, и та ответила: *«Человек», – дядя заплакал: «Ты, сестрица, любишь меня больше всех. В деревне и в роду все меня только собакой кличут. Собственная жена называет не иначе как скотиной. А сын, так тот мерзавцем зовет. Только ты одна назвала меня человеком».* Именно дядя принимает активное участие в организации похорон по традиционному обычаю, даже проявляет заботу о загробной жизни жены генерала, правда, не забывая про собственный интерес, и искренно оплакивает умершую.

Его сын, погонщик на повозке, бил первую жену, а на суде при разводе соврал, сказав, что она ему изменяла. После того как его вторая жена, девушка из порядочной семьи, родила через несколько дней после свадьбы и дядя Бонг выгнал ее из дома, он набросился на отца с ножом, но промахнулся, а потом прекратил с молодой женой и дочкой всякие отношения. Таким образом, ни дядя Бонг, ни его сын также не вписываются в соцреалистический канон положительного героя, который должен воспевать простого человека труда.

Это же относится и к «самодеятельному поэту» Кхонгу, работнику на предприятии, выпускавшем соевый соус. Сыну генерала он не нравился: *«...мне казалось, что он ходит к нам не только чтобы почитать стихи, но и еще за чем-то не очень хорошим».* Так и оказалось, но в результате его выгнала сама жена.

Иное дело старый Ко и его дочь Лаи. Они, обездоленные, всё потерявшие, без устали и безропотно трудятся на своих городских хозяев, обеспечивая им бесхлопотную жизнь. Видимо, и до несчастья и переезда в Ханой отец и дочь не шиковали. В рассказе говорится: *«Моя жена научила ее готовить свиную кожу, грибы и тушёную курицу. Лаи говорила: “Я никогда раньше этого не ела”. И она действительно этого не ела».*

Лаи ухаживает за женой генерала, как за родным человеком, а когда та умирает, набегавшись на поминках, горько оплакивает ее у алтаря: *«Бабушка, прости меня за то, что я не проводила тебя в последний путь ... Когда тебе захотелось крабового бульончика, я не стала делать, побоялась, что ты не будешь есть... Кому ж я буду теперь приносить с рынка гостинцы?».* Слыша эти слова, сын генерала думает, что *«за последние лет тридцать ни разу не купил матери ни пирожка, ни конфет»*, а когда жена велит Лаи прекратить причитать, он в сердцах говорит ей: *«Пусть поплачет. На похоронах надо плакать. В нашей-то семье никто мать так не оплакивает».* Получается, что и эти скромные, добрые трудяги – не герои, хотя и заслуживают всяческой симпатии.

Заключение

Как видно, в рассказе всего один положительный в соцреалистическом смысле герой – сам генерал, который как тип со своими идеалами не вписывается в новую вьетнамскую действительность. Писатель фиксирует смену эпох: эпоха героического уходит, ей на смену

идёт эпоха обыденности, герой соцреалистический с приоритетом общественного над личным заменяется частным лицом со своими частными интересами. Этот новый герой как бы вынут из контекста борьбы за светлое будущее, который был обязателен для литературы соцреализма; для этого героя общественное не подавляет личное, а личное не идентифицируется с общественным.

В этом смысле смерть генерала становится символом смены исторических и художественно-эстетических эпох. Она означает смерть соцреалистического героя, а вместе с ним и постепенный переход всей вьетнамской литературы в иное русло.

Надо сказать, что генерал – единственный соцреалистический герой не только в рассказе «Генерал на пенсии», но и во всех рассказах Нгуен Хюи Тхиепа о современности. Именно поэтому можно в определённом смысле рассматривать этот и другие рассказы писателя как своеобразное прощание с соцреализмом, который был адекватен политико-идеологической ситуации в стране в периоды Августовской революции, войны Сопротивления с Францией, социалистических преобразований в городе и деревне, войны за объединение страны, но перестал отвечать новой ситуации, сложившейся к середине 1980-х годов и далее.

Список литературы

Нгуен Хюи Тхиеп. Генерал на пенсии / пер. на рус. яз. Т. Филимоновой // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4. С. 68–73.

Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Филимонова Т.Н. Город и деревня в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 3. С. 184–195.

Филимонова Т.Н. История Вьетнама в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа «Острый меч» и «Золото и огонь» // Традиционный Вьетнам. Вып. 1. М., 1993. С. 268–275.

Филимонова Т.Н. Некоторые особенности исторических рассказов Нгуен Хюи Тхиепа в свете проблемы постмодернизма во вьетнамской литературе после 1986 г. // Культура и искусство Вьетнама. М.: ИД ФОРУМ, 2017. С. 66–76.

Филимонова Т.Н. О сюжетно-композиционных особенностях литературных преданий Нгуен Хюи Тхиепа // Традиционный Вьетнам. Выпуск II. М., 1996. С. 295–302.

Đi tìm Nguyễn Huy Thiệp [В поисках Нгуен Хюи Тхиепа]. Hà Nội: Nxb Văn hóa thông tin, 2001. 459 tr.

Hoàng Ngọc Hiến. Về một đặc điểm của văn học và nghệ thuật ở ta trong giai đoạn vừa qua [*Хоанг Нгок Хиен*. Об одной особенности наших литературы и искусства в недавний период] // Văn nghệ. Hà Nội, 1979. №23.

Lockhart Greg. Tại sao tôi dịch truyện ngắn Nguyễn Huy Thiệp ra tiếng Anh? [*Локхарт Грег*. Почему я перевел рассказы Нгуен Хюи Тхиепа на английский язык?] // Tạp chí Văn Học. Hà Nội, 1989. № 3.

Nguyễn Huy Thiệp. Tác phẩm và dư luận [*Нгуен Хюи Тхиеп*. Произведения и мнения]. Huế: Nxb Trẻ, 1989. 211 tr.

Trần Đình Sử. Mấy vấn đề trong quan niệm con người của văn học Việt Nam thế kỷ XX [*Чан Динь Ши*. Несколько проблем, связанных с концепцией человека во вьетнамской литературе XX в.] // Nhìn lại văn học Việt Nam thế kỷ XX. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 2002. Tr. 54–67.

Về sự lãnh đạo của Đảng trên mặt trận tư tưởng và văn hóa (1930–1945) [О руководстве партии на идеологическом и культурном фронтах (1930–1945)]. Hà Nội: Nxb Sự thật, 1960. 199 tr.

Zinoman P. Declassifying Nguyen Huy Thiep // Positions: East Asia Cultures Critique. 1994. No. 2 (2). P. 294–317. URL: <https://trinhnhattuan.com/2021/05/15/declassifying-nguyen-huy-thiep/> (дата обращения: 26.07. 2021).

Автор:

Филимонова Татьяна Николаевна, к. ф. н., доцент, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 27.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 02.08.2021

Принята к печати: 31.08.2021

T.N. Filimonova

“THE GENERAL RETIRES”, A STORY BY NGUYEN HUY THIEP AND THE PROBLEM OF THE SOCIALIST REALISM HERO

*In memory of Nguyen Huy Thiep (1950–2021),
whom the author was lucky to meet many times*

Abstract. The article discusses “The General Retires” (1987), a story by Nguyen Huy Thiep, one of the most well-known Vietnamese writers of the last quarter of the 20th century. His prose marked the break with the literature of socialist realism, dominated in the DRV from the mid-20th century. The center of the story is a hero of socialist realism characterized with a set of certain traits which let him serve a role model to educate a builder of a new socialist society.

The theme relevance is determined with the insufficient study of the Vietnamese type of socialist realism, as well as its fading in the Post-Renovation period.

The analysis of the story has shown that among its characters only the General possesses some traits of the socialist realism hero. He is a fighter for high ideals. The rest are common people with their merits and defects. Thus, the writer fixes the change of the ages: the heroic age is fading being changed with the ordinary age. The socialist realism hero is transformed into an individual with his individual interests. The new hero has been taken out of the context of struggle for a better future, obligatory for the literature of socialist realism. So, the General's death is symbolic; it may be interpreted as the farewell with socialist realism and with the hero typical of it.

Keywords: Nguyen Huy Thiep, “The General Retires”, literature of socialist realism in Vietnam, the socialist realism hero

For citation: Filimonova T.N. (2021). “The General Retires”, a Story by Nguyen Huy Thiep and the Problem of the Socialist Realism Hero. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 129–147.

Introduction

Nguyễn Huy Thiệp (29.04.1950 – 20.03.2021), the author of stories, novels, plays, screenplays, essays, is, with no doubt, a symbol of Vietnamese literature of the last quarter of the 20th century, after the Communist Party of Vietnam had proclaimed (1986) the Renovation policy (Đổi mới), which in a short time radically transformed the country. The Renovation policy was followed with the renovation of Vietnamese literature. And its landscape was entirely transformed in a short time.

Nguyen Huy Thiep's works, first and foremost his stories, are well-known not only in Vietnam, but also abroad. Some of his works are translated into foreign languages (French, English, Swedish etc.). In Vietnam the first publications of his prose immediately gave rise to a squall of comments in articles, sometimes precisely opposite and very emotional, which appeared both separately and simultaneously with his works.¹ It attracted attention of foreign researchers, such as G. Lockhart [Lockhart 1989] from Australia or P. Zinoman [Zinoman 1994] from the US, as well as the author of this article [Filimonova 1993, 1996, 2017, 2018]. With his appearance Nguyen Huy

¹ See: Nguyễn Huy Thiệp (1989). *Tác phẩm và dư luận*. Huế; Đi tìm Nguyễn Huy Thiệp (2001). Hà Nội.

Thiep contributed a lot into the renovation of Vietnamese literature, which at that time was the literature of socialist realism. His contribution must be studied for a long time.

This article discusses one of the most well-known works of the writer, his story “The General Retired” (Trưởng về hưu) in its relation to socialist realism, namely, in the light of the problem of the hero of socialist realism, which, it seems, has not been done yet.

It is known that before the Renovation, nearly for half a century, the literature of Northern Vietnam developed in the frameworks of the same artistic method, i.e., of socialist realism. The course towards socialist realism was proclaimed in the famous “Theses on Culture” (Đề cương văn hóa, 1943). This document determined the Party’s cultural policy and the principles of its relationships with creative intellectuals. It proclaimed the course towards the national revolution for independence under the Communist Party leadership. Part of this revolution was to be the cultural revolution, socialist in its essence.

The theses determined the principles of the Party’s cultural policy, such as national, folk and scientific character, as well as both the nearest and long-term goals and tasks. In particular, the theses proclaimed the break with the former cultural tradition. In the field of ideology, it meant the obligatory struggle against “erroneous” and “harmful” teachings of Confucius and Mencius, as well as against philosophical teachings of Descartes, Bergson, Kant, Nietzsche etc. As far as art movements are concerned, it was obligatory to struggle against Classicism, Romanticism, Naturalism and Symbolism for the sake of *socialist realism victory* (italics is author's. – T.F.)² [Về sự lãnh đạo của Đảng 1960: 187]. The very concept of socialist realism method having appeared in the USSR in 1934 was borrowed and transferred to the Vietnamese soil by the Communist Party of Indochina to address its own political and ideological tasks like those emerging in the Soviet Union during the construction of socialism. “The Theses” stated openly: “The new Vietnamese culture led and directed by the Communist Party of Indochina must be socialist, or Soviet, culture (*like, for example, culture in the USSR*)” (italics is author's. – T.F.) [Về sự lãnh đạo của Đảng 1960: 186]. Henceforth the Party always held meetings and adopted documents on the activities in the field of culture and in the work with the creative intellectuals, emphasizing its exclusive attention to these issues, because it justly considered literature and art to be a powerful tool for the education of masses in the spirit of socialist ideals.

Vietnam imported from the USSR not only the theory of socialist realism, but also its literary practice. In the first decades after the August Revolution many literary works of “classic” Soviet socialist realism were translated into Vietnamese, such as “Mother” by M. Gorky, “The Iron Flood” by A. Serafimovich, “How the Steel Was Tempered” by N. Ostrovsky, “Virgin Soil Upturned” by M. Sholokhov, “The Young Guard” by A. Fadeyev, “Story about a True Man” by B. Polevoy and some others. Gradually in Vietnam there emerged its own literature of socialist realism. Its samples are “The Carbon Land” (Vùng mỏ, 1951) by Võ Huy Tâm, “The Couple A Phu” (Vợ chồng A Phủ, 1954) by Tô Hoài, “The Country Is Rising” (Đất nước đứng lên, 1956) by Nguyễn Ngọc, “The Small Paved Yard” (Cái sân gạch) and “The Spring Crop” (Vụ lúa chiêm, 1961) by Đào Vũ, “The Confrontation” (Xung đột, 1959) and “The Peanut Harvest Season” (Mùa lạc, 1960) by Nguyễn Khải, “The Banks Are Crashing Down” (Vỡ bờ, 1962) by Nguyễn Đình Thi, “The Morning” (Buổi sáng,

² The term “socialist realism” was used in its old variant, not chủ nghĩa hiện thực xã hội chủ nghĩa, but chủ nghĩa tả thực xã hội chủ nghĩa).

1976) by Nguyễn Thị Ngọc Tú, “The Tram Island” (Cù lao Tràm, 1985) by Nguyễn Mạnh Tuấn and many others.

Unfortunately, the features of the Vietnamese type of socialist realism, which seems to have been mostly realized in the literary practice of the USSR, have not been investigated.³ However, some noteworthy attempts in this direction were made by some well-known Vietnamese literary critics, such as Hoang Ngọc Hien (1979) and Tran Đình Su (2002). Both the process of the method coming-into-being in Vietnam and its “quiet” disappearance after the Renovation policy had been proclaimed are of interest, but it has not yet been comprehended.

The official socialist realism definition adopted by the First Soviet Writers’ Congress (Moscow, 1934) says: “Socialist realism required the true, historically concrete image of the reality in its revolutionary development. Truthfulness and historical concreteness of the artistic image of the reality must combine with the task of ideological recast and socialist education of the working people” [Slovar’ 1974: 365].

It is the obligatory component of socialist realism, the positive hero, that answered the purpose of ideological recast and socialist education of the working people. The hero was either the conscious builder of a new life or a fighter for it, or the person on the way to become an active builder or a fighter, who could be a role model, like Pavel Vlasov and his mother, like Pavel Korchagin and other characters very well known in Vietnam; like Communist Khak in “The Banks Are Crashing Down”, like peasant Am in “The Small Paved Yard” and “The Spring Crop” diology, like Nup, a representative of small peoples, in “The Country Is Rising”, or like characters in “The Peanut Harvest Season”, full of expectation of the happy future.

After the August Revolution, to answer this purpose, in the Vietnamese literature of socialist realism originated a new type of the hero adequate to the new time. To answer the Marxist-Leninist class theory the hero ought to be a representative of the working masses: a worker, a peasant, an offspring of working intellectuals, a soldier of the Peoples' Army etc. Thus, the Letter of the CC of the Workers’ Party of Vietnam to the Second National Congress of literature and art figures of Vietnam from February 20, 1957 says: “Our people are waiting for their truthful literary and art images, typical representatives of the new man, new heroes of the epoch, for positive aspects of our current life. New people and new heroes are simple modest workers. Every day they selflessly work and resolutely struggle for a new life. They are workers at plants and mines, building-sites and collective farms, busy to restore and develop the economy. They are peasants who went through the land reform and now enthusiastically follow the road of cooperation and mutual assistance. They are soldiers of the People’s Army, who day and night defend our boundaries, who temper themselves and participate actively in political, military and cultural education to defend our Fatherland, to defend peaceful labor of our people. They are intellectuals who enthusiastically contribute into the economic and cultural construction of our country. In a word, they are active people, respected people of our society. And you, artists, must sing of them and extoll them” [Về sự lãnh đạo của Đảng 1960: 12). Such were the heroes of the Vietnamese literature of that period, fighters for the construction of a new socialist life in town and in the country under the leadership of the Communist Party. Hence in the Vietnamese literature there are characters of unbending Communists, wise political leaders,

³ An example of an interesting and successful complex study of socialist realism is the collective monograph “Socrealisticheskij kanon” (“Socialist Realism Canon”). СПб., 2000.

secretaries of Party organizations at various levels along with workers, peasants, soldiers and commanders of the People's Army, representatives of small peoples, and intellectuals.

At the background of such literature, the literature of socialist realism in the proper sense, there appeared Nguyen Huy Thiep. In 1987 the "Van Nghe" ("Literature and Art"), the newspaper of the Union of Vietnamese Writers, published his story "The General Retires". It resonated widely in society and attracted attention of readers and literary critics. The story stunned with its content and distinctive vision of the Vietnamese urban reality of the mid-1980s, as well as with its unusual style.

The analysis of the content and characters of "The General Retires" story

The subject matter of the story is simple enough. Its hero, a combat general, lived lifelong away from home. Having been retired he came to his only son's family, who lived in Hanoi. The General cannot find his place in this life. He returns to the Army and is perished like a hero in a new war.

The action of the story takes place a decade after the unification of the country and comprehends the events of approximately one year, from the General's arrival to his son's house till his funeral. The story is written on behalf of the son after his father's death. The form of the story is a narration making clear that its author is not a writer, but a common man.

The story tells little of the General and his life before his arrival to his son: *"My father's name was Thuan. He was the eldest son in the Hguyen familiy. <...> My paternal Grandpa once learned Chinese and later taught. He had two wives. The first wife, having given birth to my father, died several days later, and the grandpa had to marry once again. His second wife dealt with dying cloth. I do not remember her face, but they say, she was a very stern woman. It is clear, that with his step-mother my father had been through in his childhood. At the age of twelve he left his home. He joined the army and since then he had hardly ever appeared in his homeland.*

*About 19... my father came to the village to marry. For sure, he did not marry for love. He had but ten days' leave and a whole bunch of stuff. But love demands for conditions, the time among them"*⁴.

At the age of 70 the General decided to retire and appeared in the house with the words: *"That's enough. I have finished with big deeds in my life"*.

However, the image of the hero takes shape of limited details in the story. He was of peasant origin and had a hard childhood, though his family was not very poor. He joined the army professing the ideals of national independence and social justice. He struggled against French colonizers, built a military career and became a man of merit and respect. In a word, he was a typical representative of that generation, which at first made the August Revolution, defended the independence of the young country, taking the road of building a new socialist life, and then fought for the liberation of South, while far from him the common "rear" urban and country life was going on, the life with different style and orders, having begun to transform speedily after the unification of the country in 1975. In other words, he dealt with *"big deeds"* lifelong.

The General's arrival to the family changed radically the life of all its members, the more so as they knew him little or not at all.

When the General returned, his son was thirty-seven years old. He worked as an engineer-physicist at a Hanoi research institute, went abroad sometimes, was financially secure; he even had a

⁴ All quotes are from: Nguyen Huy Thiep (2006). The General Retires. Translation into Russian by T. Filimonova. *Asia and Africa today*, 4: 68–73.

house of his own, built on the project of a military architect, a friend of his father. His wife Thuy was an obstetrician in a maternity home. Thus, both his son and his wife were representatives of current urban intellectuals. They had two daughters who, as it is emphasized in the story, learned a foreign language and music. The General's wife suffered from senile dementia and lived separately from the family, in the out-house. She and the whole housekeeping (they had a kitchen-garden, chickens, pigs and sheep-dogs for sale) were cared for by servants, sixty-year Co and his mentally diseased daughter Lai. They were fire victims from a province and lived in Hanoi with no ration cards on money paid them by Thuy. Besides, the story mentions the General's younger brother, uncle Bong, a former rickshaw, and his son Tuan, a buffalo driver, uncle Bong's daughter-in-law Kim Chi and Khong, a poet-amateur. All these characters represent a cut of that Hanoi society, where the General returned, i.e., the society with its marked social inequality and material stratification. The General struggled against them lifelong, and we will see that in the story all these characters are unlike him for different purposes.

The customs in his son's family provoke frank quandary and bitterness in the General, who is a man having grown up in a traditional society and lately apprehended socialist ideals of liberty, equality and brotherhood. He does not understand why his daughter-in law is the leader at home, and his son does not take part in anything and says now and then: *"I must ask Thuy"*; why his son closes his eyes to his mother, who lives separately in a small out-house, and neither his wife nor the two daughters, fourteen and twelve years old, do not take any care for her, having left her to the care of servants, very kind, but in essence strange people; why he endures his wife's infidelity with their neighbor Khong; why he lets his wife breed sheep-dogs for sale and feed them with human embryos she brings from the clinic in a thermos every day. Showing his son the broth for the dogs, the General, who saw a lot and being tempered in battles, says with tears: *"I don't need such a wealth"*.

The General himself, despite his high social status, is modest, kind and unselfish. His ideal is the equality of all people. He comes to his son's house *"with a small luggage"*. On the day of his arrival, he gives equal pieces of army cloth to every member of the household, including the servants, old Co and his daughter. And his son is laughing: *"But, Father, you are an egalitarian"*. And his father responds: *"Equality is the primary law of life"*.

When the family council addresses the question what the retired General must do (he refuses to write memoirs) Thuy suggests that he should breed parrots while at that time many people do this. But when the General asks her: *"For sale?"*, she is silent.

At first, the General wants to live in a separate room in the out-house with his wife, but Thuy is against it. When he sees that Co and Lai are dropping from tiredness, he wants to help them, but Thuy does not allow saying: *"Daddy, you are a retired General. You are a commander. Soldiers' work is not the business of the army commander"*.

The General feels his responsibility for everything and his duty to help everybody. At home he is frequented by many people with requests, and he readily writes various applications. When his younger brother Bong, a scoundrel, wants him to be the toast-master at the wedding of his son-hooligan, the General cannot refuse, though his brother frankly says that he needs him for prestige: *"Kim Chi's father is Deputy Head of Division, and you are a general, the best man for this. It will be a great honor for the children, while I am just a rickshaw. What do they need me for?"* At the wedding the General feels at a loss. *"Nobody needed his speech prepared so carefully. <...> Father jumped from one paragraph to another and was trembling. This strange crowd of occasional people, indifferent, like the life itself, even nefarious, terrified him"*. When some days later Kim Chi gives

birth to a daughter and uncle Bong gets her out of the house in disgrace, the General takes her to his son's house for a time. When old Co asks the General to accompany him and Lai to their native place, to another province to re-bury his wife traditionally, he agrees, though they are but strangers to him, and gives them money. When there is a question, whose life is easier, women's or men's he says: *"If a man has a soul, his life is hard. The larger the soul, the harder the life"*. Trustfulness for the General is one of the main dignities of a person: *"My girl, don't you understand that it is trustfulness that is the main force of life"*, he says to Lai.

The General's wife's death and her burial in civil life with traditional rituals, superstitions etc. make a great impression on him, who had seen thousands of deaths and burial, as if he saw the human death for the first time.

Trying to attract his son's attention to the relations between his wife and Khong, the poet, the General sees that his son does not want to react and calls him *"a weakling"*. But his son says that one should concern many things in life like jokes, like something frivolous, but his father does not understand him and exclaims: *"Why am I like a black sheep?"* In other words, in this society, new to him, he is a stranger, a representative of a different clan, with his own views, ideals and ideas of reality. That is why he accepts the offer to return to the army.

Before leaving, the General bids farewell to the neighbors, went to his wife's tomb, gives Co some money and getting in the car, having been sent for him, he gives a simple exercise-book with his notes to his son. In the end of the story, after the General had perished, his son says: *"When I have time, I open this exercise-book and read father's notes. Now I understand him better"*.

Such is the General, the true hero, the man of *"big deeds"*. His life and death can serve a role model. As such, he is the hero nearest to the ideal of socialist realism. In this quality he is unlike other characters of the story. They are not heroes, but common people with their *"small deeds"*, positive traits and imperfections, even errors.

The General's son Thuan is supposed to have achieved much thanks to his honored father. He is a conscientious man, but his father calls him *"a weakling"*. Unlike his wife he is not practical, is easy to deceive, but is rather self-critical: *"As for myself, I am rather conservative, unpredictable and brutish"*, he says. But when his father left for another province with Co and Lai, and his mother is in the bad condition, he cares for her: *"For two days Mother has not had any meal and she could not use the toilet. I washed and changed the sheets, sometimes twelve times a day. I knew that Thuy and the girls like tidiness, that is why I did not wash at home, but went to the ditch"*.

Thus, while his father is the man of *"big deeds"*, he does not belong to this human type and he does not want to.

The General's daughter-in-law Thuy is disciplined, non-sentimental and calculating. The General's son speaks so: *"Thuy is an educated and very modern woman. <...> She is excellent in housekeeping and she takes care of the girls' education"*. At first sight, she cares only for money and for the wealth and prestige connected with it. Virtually, very practical Thuy transforms everything in money, calculates everything and wishes to profit from everything. *"The main thing is our daily bread, but not a soul"*, she says. She characterizes uncle Bong so: *"He is a good man, but poor"*. It means that he is of no interest to her. When she lends him money, she takes a receipt for money received. Even going to the burial of her father-in-law, who perished executing his military duty, she remembers to take a camera, to take a photo of her family there, while her father-in-law is a general and a hero, after all. At the same time, when she let the General go with Co and Lai to their native land, she does not allow Co to take money of the General, but gives him a large sum herself. Also,

she gives money to Kim Chi. In the end, she asks pardon of her husband and children for her relations with Co, and on the return from the burial she asks the driver to drive slowly, so that uncle Bong who is on such a long journey for the first time, could enjoy the way's beauty. In other words, she may be ready to *"big deeds"* with her human qualities, but she is too mercenary.

From the very beginning uncle Bong is depicted as an unpleasant and rude man: *"At heart we disliked uncle Bong and his son, but so to say, they were "kindred blood", after all. We met at wakes and at feasts, but not every day. Uncle Bong used to say: "Damned intellectuals! They scorn us, hard workers. If he was not my brother, I would never set foot to you!"* However, when he visited the General's wife before her death and saw her condition, he was greatly upset and asked her, who he is, she answered: *"The man"*. He cried: *"Sister, you love me most. Everybody in the village in our family call me a dog. My wife calls me but the beast. And the son calls me the scoundrel. Only you have called me the man"*. It is the uncle who participates actively in traditional burial of the General's wife and even cares for her future life, at the same time not forgetting his own interest and bemoans his dead sister.

His son, a buffalo driver, beat his first wife and in the court, while divorcing he lied that she was not faithful to him. After his second wife, a girl from a decent family, gave birth to a child some days later after the wedding and uncle Bong got her out of the house, he fell upon his father with a knife, but missed, and later did not maintain any relations with his young wife and his daughter. Thus, neither uncle Bong, nor his son are enrolled in the positive hero's canon of socialist realism, which must sing of a simple working man.

Also, this is as true for the amateur-poet Khong; he worked at a soy sauce factory. The General's son disliked him: *"...I thought he visited us not only with his poems, but also for something else, not very good"*. He was right, but in the end his wife got the poet out herself.

The situation is different for old Co and his daughter Lai. They are miserable; having lost everything they work hard and submissively for their urban masters, ensuring their quiet life. Even before the fire and their move to Hanoi the father and daughter were not wealthy. The story tells: *"My wife taught her to prepare pigs skin, mushrooms and a stewed chicken. Lai said: "I have never eaten this before". And really she had never eaten this meal"*.

Lai cares for the General's wife, as if she were a relation of hers. When she dies, Lai being tired out with the wake, bemoaned her bitterly at the alter: *"Granny, forgive me that I could not attend your funeral. ... When you wanted the crab broth, I did not prepare it, fearing that you would not eat it... Whom will I bring presents from the market now?"* Hearing these words, the General's son thinks that *"for about thirty years he had never bought either a pie or sweets for his mother"*. And when his wife orders Lai to be silent, he said to her angrily: *"Let her cry. They must cry at the funeral. In our family nobody bemoans Mother so bitterly"*. It turns out that these modest, kind hard workers are not heroes either, though they deserve our sympathy.

Conclusion

You can see, that there is only one positive (in terms of socialist realism) hero, the General himself, but as the type with his ideals he cannot match the new Vietnamese reality. The writer fixes the change of epochs: the heroic epoch is fading to be changed with the epoch of ordinariness. The hero of socialist realism with the priority of publicity over privacy is changed with the individual with his individual interests. This new hero is as if taken out of the context of struggle for the better future,

obligatory for socialist realism. For this hero the publicity does not suppress the privacy, and the individual is not identified with the publicity.

In this sense the General's death becomes the symbol of the change of historical, artistic and esthetic epochs. It means the death of the hero of socialist realism and at the same time the transition of all the Vietnamese literature in a new channel.

It should be said that the General is the only hero of socialist realism not only in "The General Retires" story, he is the only one in all the stories by Nguyen Huy Thiep of the current life. That is why we can, so to say, consider this and other stories by the author to be a kind of farewell to socialist realism, adequate with the political and ideological situation in Vietnam in the periods of the August Revolution, of the Resistance War with France, socialist transformations in town and in the country, the war for the unification of the country, but incongruous with the situation of the mid-1980s and further.

References

- Đi tìm Nguyễn Huy Thiệp [Looking for Nguyen Huy Thiep] (2001). Hà Nội: Nxb Văn hóa thông tin. 459 tr.
- Filimonova T.N. (1993) *Istoriya V'etnama v rasskazah Nguyen Huy Thiepa «Ostryj mech» i «Zoloto i ogon'»* [The History of Vietnam in the Stories of Nguyen Huy Thiep "Sharp Sword" and "Gold and Fire"]. *Tradicionnyj V'etnam*, Vyp. I. M. S. 268–275.
- Filimonova T.N. (1996) *O syuzhetno-kompozicionnyh osobennostyah literaturnyh predanij Nguyen Huy Thiepa* [On the Plot and Compositional Features of the Literary Legends of Nguyen Huy Thiep]. *Tradicionnyj V'etnam*, Vyp. II. M. S. 295–302.
- Filimonova T.N. (2017) *Nekotorye osobennosti istoricheskikh rasskazov Nguyen Huy Thiepa v svete problemy postmodernizma vo v'etnamskoj literature posle 1986 g.* [Some Features of the Historical Stories of Nguyen Huy Thiep in the Light of the Problem of Postmodernism in Vietnamese Literature after 1986]. *Kul'tura i iskusstvo V'etnama*. M.: Forum. S. 66–76.
- Filimonova T.N. (2018) *Gorod i derevnya v rasskazah Nguyen Huy Thiepa* [The Town and the Village in the Stories of Nguyen Huy Thiep]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2 (3): 184–195.
- Hoàng Ngọc Hiến (1979). Về một đặc điểm của văn học và nghệ thuật ở ta trong giai đoạn vừa qua [About one Feature of our Literature and Art in the Recent Period]. *Văn nghệ*, 23. Hà Nội.
- Lockhart, Greg (1989). Tại sao tôi dịch truyện ngắn Nguyễn Huy Thiệp ra tiếng Anh? [Why Did I Translate Nguyen Huy Thiep's Stories into English?] *Tạp chí Văn học*, 3. Hà Nội.
- Nguyễn Huy Thiệp (1989). *Tác phẩm và dư luận* [Works and Opinions]. Huế: Nxb Trẻ. 211 tr.
- Nguyen Huy Thiep (2006). General na pensii [General Retires] / per. na rus. yaz. T. Filimonovoj. *Aziya i Afrika segodnya*, 4: 68–73.
- Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of literary terms] (1974). M.: Prosveshchenie. 509 s.
- Socialisticheskiy kanon [Socialist Realism Canon] (2000). SPb.: Akademicheskij proekt, 1040 s.
- Trần Đình Sử (2002). Mấy vấn đề trong quan niệm con người của văn học Việt Nam thế kỷ XX [Several Problems Associated with the Concept of Man in Vietnamese Literature of the Twentieth Century]. In: *Nhìn lại văn học Việt Nam thế kỷ XX*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia. Tr. 54–67.
- Về sự lãnh đạo của Đảng trên mặt trận tư tưởng và văn hóa (1930–1945)* [Party Leadership on the Ideological and Cultural Fronts (1930–1945)] (1960) Hà Nội: Nxb Sự thật. 199 tr.
- Zinoman, P. (1994) Declassifying Nguyen Huy Thiep. *Positions: East Asia Cultures Critique*, 2(2): 294–317. Retrived on 26.07.2021 from URL: <https://trinhnhattuan.com/2021/05/15/declassifying-nguyen-huy-thiep>

Author:

Filimonova Tatiana N., Ph.D. (Philology), Assoc.Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

Article history:

Received: July 27, 2021

Received in revised form: August 2, 2021

Accepted: August 28, 2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-148-153

С.Е. Глазунова

ВЬЕТНАМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ

О докладах вьетнамистов на XIX межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения»

Аннотация: В обзоре дается краткая информация о докладах вьетнамистов, представленных на XIX межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения» в МГИМО МИД России в июне 2021 г.

Ключевые слова: Вьетнам, образ женщины, вьетнамская общественная мысль, вьетнамская культура, роль женщины, эпитеты женщин, женская красота, вьетнамская фразеология, гендер

Для цитирования: Глазунова С.Е. Вьетнамские женщины в истории, культуре и языке // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 148–153.

22–23 июня 2021 г. в МГИМО МИД России в гибридном формате прошёл XIX межвузовский семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения».

В первый день состоялось пленарное заседание и круглый стол, посвящённый основным понятиям методики обучения иностранным языкам. Во второй день семинара работали секции: «Языки и культуры», «Проблемы лингводидактики и переводоведения», «Женщина в социуме» и «Женщина в культуре». Впервые на семинаре достаточно широко были представлены исследования российских вьетнамистов, посвящённые женской теме.

Доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова М.А. Сюннерберг, давно занимающийся темой положения женщин во вьетнамском обществе и их роли в истории страны, в докладе «Женщина как концепт вьетнамской общественной мысли и исторической науки» попытался обосновать утверждение, что вьетнамская национальная идентичность и суть вьетнамской культуры подаётся через образ женщины. Он напомнил о том, что общество древнего населения территории современного Северного Вьетнама было построено на матриархальных принципах, типичным проявлением которых стало то, что восстание против китайского нашествия в I в. н.э. возглавили именно женщины – сёстры Чынг (рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация к докладу М.А. Сюннерберга

М.А. Сюннерберг показал двойственность статуса женщины в традиционном Вьетнаме, порождённую неоконфуцианской идеологией, с одной стороны, помещавшей женщину в центр социально-политического порядка как ключевого члена любой семьи, а с другой – накладывавшей множество ограничений и правил на её поведение и роль в обществе. Но постоянная занятость большинства мужчин в многочисленных войнах позволяла женщинам играть активную роль в первую очередь в экономике и оказывать определённое влияние на общественно-политическую сферу. Иллюстрацией положения о женщинах как источнике легитимации и исторической преемственности во Вьетнаме является императрица Зыонг Ван Нга (X в.), жена сразу двух императоров – Динь Бо Линя и после его смерти – Ле Хоана, основателя новой династии Ранних Ле. В качестве примера использования женских образов как способа репрезентации страны исследователь привел обложки журналов Южного и Северного Вьетнама 1950–1960-х годов, на которых помещались женские фотографии.

Определённой иллюстрацией к докладу М.А. Сюннерберга стало выступление старшего преподавателя кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО С.Е. Глазуновой с докладом «Эпитеты женщины во вьетнамском языке». В нём было показано, как во Вьетнаме в зависимости от эпохи менялось представление о женской внешности и как это отражалось в языке. В классической вьетнамской литературе, находившейся под сильнейшим влиянием китайской, был целый ряд устойчивых сравнений, описывающих идеал женской красоты. В соцреалистической прозе ДРВ, а затем и СРВ у женских персонажей подчёркивалась главным образом скрытая жизненная сила и душевная красота. Интересно, что и сегодня среди эпитетов, которые характеризуют женщину, слова, описывающие духовную красоту (тёплая, верная, преданная, открытая, с юмором, способная к самопожертвованию и т.п.) занимают большую часть списка (рис.2).

«Женскую тему» во вьетнамском языке продолжила профессор кафедры восточных языков Высших курсов иностранных языков МИД РФ Е.И. Тюменева, представившая доклад «Репрезентация женского во вьетнамской фразеологии». Она отметила, что вьетнамские паремии – пословицы, поговорки, фразеологизмы – в основном отражают ведущую роль в семейных отношениях мужчины и подчинённую – женщины, отмечая при этом её значение как хранительницы домашнего очага, а также содержат советы по правильному гендерному поведению в семье.

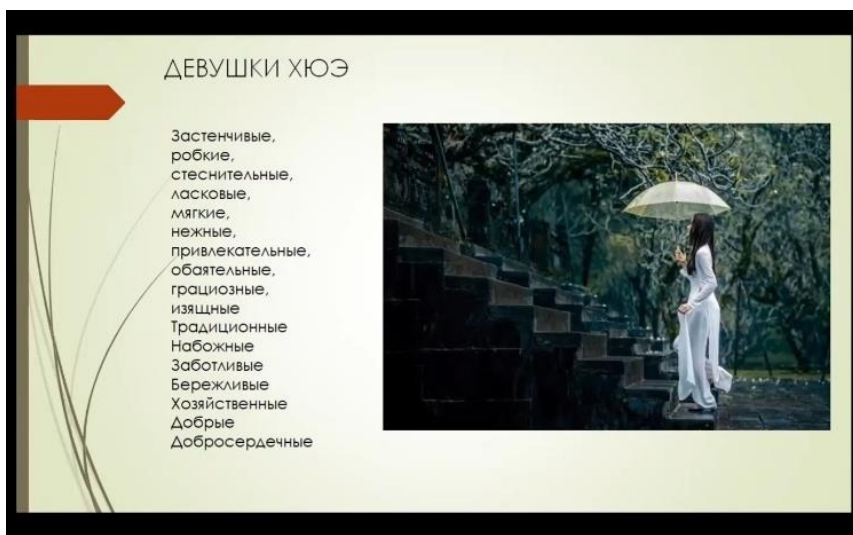

Рис. 2. Иллюстрация к докладу С.Е. Глазуновой

Е.И. Тюменева отметила, что во вьетнамском языке, относящемся к изолирующим языкам, отсутствует категория рода имени существительного, поэтому на принадлежность к женскому роду могут указывать лексемы с гендерной семантикой: термины родства и слова, называющие лицо женского пола. Во вьетнамских пословицах и поговорках указание на гендер может присутствовать и имплицитно: словами, указывающими на предметы или действия, присущие тому или иному представителю определённого пола, или метафорами.

Безусловно, в рамках короткого выступления на семинаре можно было лишь отчасти рассказать о некоторых наработках, поделиться с коллегами интересными темами для размышления. Более подробно выступавшие представят результаты своих исследований в статьях, которые планируется издать в сборнике по итогам прошедшего семинара.

Автор:

Глазунова Светлана Евгеньевна, ст. преподаватель, МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 24.08.2021

Принята к печати: 02.09.2021

S.Ye. Glazunova

VIETNAMESE WOMEN IN HISTORY, CULTURE AND LANGUAGE

Vietnamists' reports at the 19th interinstitutional seminar on the theme "Linguistic and Cultural Studies: Analytical Methods, Teaching Technologies"

Abstract: The survey contains a short information on Vietnamists' reports, delivered at the 19th interinstitutional seminar on the theme "Linguistic and Cultural Studies: Analytical Methods, Teaching Technologies" (MGIMO, June 2021).

Keywords: Vietnam, image of women, Vietnamese social thought, Vietnamese culture, women's role, epithets of women, female beauty, Vietnamese phraseology, gender.

For citation: Glazunova S.Ye. Vietnamese Women in History, Culture and Language. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 148–153.

The 19th interinstitutional seminar was held on June 22 and 23, 2021, in hybrid format in MGIMO on the topic "Linguistic and Cultural Studies: Analytical Methods, Teaching Technologies".

On the first day, there was held a plenary session and the round table, devoted to the main concepts of foreign languages teaching methods. On the second day, there worked the following sections of the seminar: "Languages and Culture", "Problems of Linguodidactics and Translation Studies", "Women in the Society", and "Women in Culture". For the first time, the seminar widely presented researches with the female theme by Russian Vietnamists.

M.A. Syunnerberg, an associate professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University Institute of Asian and African Studies (IAAS), History Chair of the Far East and Southeast Asian Countries, who for a long time has been dealing with the theme of the women's status in current Vietnam, delivered the report on the theme "Woman as a Concept of the Vietnamese Social Thought and Historiography". He tried to substantiate the statement that the Vietnamese national identity and the essence of Vietnamese culture is presented through the image of women.

M.A. Syunnerberg attracted attention to the fact that the ancient population's society in the territory of current Northern Vietnam was based on the matriarchal principles. Their typical manifestation was the insurrection against Chinese invasion (the 1st cent. AD), was headed by women, the Trung sisters (Fig 1). Syunnerberg showed the dual role of women in traditional Vietnam, generated by neo-Confucian ideology. On the one hand, it posed the woman in the center of the social and political order as the key member of any family, but on the other, it limited the behavior and the role of women in the society by many rules. But as most men took part in numerous wars, women could perform an active role, first and foremost in economy, and influence in some degree the social and political sphere. The example of women's status as a source of legitimation and historical succession in Vietnam is Empress Duong Van Nga (the 10th cent.), the wife of Emperor Dinh Bo Linh; after his death she was the wife of Emperor Le Hoan., the founder of the Early Le dynasty. The researcher showed some covers of magazines published in North and South Vietnam in the 1950s and 1960s with female photos on them as an example of the way to represent the country.

Fig 1. Illustration for the report of M.A. Syunnerberg.

The picture by the author

A certain illustration to Syunnerberg's research was the report on the theme "Epithets of Women in the Vietnamese Language" delivered by S.E. Glazunova, the senior teacher of MGIMO university in the Chair of Chinese, Vietnamese, Thai, and Lao. The report has shown the changes of the ideals of female beauty in Vietnam depending on the epoch and their reflection in the language. There was a set of metaphors in Vietnamese classic literature for the ideal of female beauty, originated under great influence of Chinese literature. In the DRV socialist realistic prose emphasized mostly the hidden vitality and inner beauty of women. Curiously, current epithets for women's beauty are mostly words, describing inner beauty (warm, true, devoted, open, with the sense of humor, able to self-sacrifice) (Fig 2).

Fig 2. Illustration for the report of S.E. Glazunova.

The picture by the author

"The female theme" in the Vietnamese language was continued by E.I. Tyumeneva, professor of the MFA RF High Courses of Foreign Languages in the report on the theme "Representation of the Female Sex in Vietnamese Phraseology". She mentioned that Vietnamese paroemia (proverbs, sayings, phraseology) mostly reflects the leading role of men in the family, while women are in the subordinate position, being homemakers; also, the paroemia contains pieces of advice for correct gender behavior in the family.

Ye. Tyumeneva mentioned that in Vietnamese, one of isolating languages, there is no noun gender. Therefore, only lexemes with gender semantics (kinship terms and the words naming a

female) can point to the belonging to feminine. Vietnamese proverbs and saying can point to gender implicitly, i.e., with the words pointing to the things or actions typical of a person, or with metaphors.

Of course, short reports at the seminar could show some results but partially, sharing some themes of concern with colleagues. The participants will develop the themes of their researches in articles which are planned to be published in the transactions crowning the seminar.

Author:

Glazunova Svetlana Ye., Senior Lecturer, Moskow State Institute of International Relations (University) MFA RF. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com

Received: August 24, 2021

Accepted: September 2, 2021

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-154-158

Е.В. Никулина

РАЗГОВОР О ВЬЕТНАМЕ В ОНЛАЙЛ-ФОРМАТЕ

**Обзор международной конференции на тему «Взаимодействие с Вьетнамом и АСЕАН: мобильность и идентичность в эпоху глобальной трансформации»
12-го Международного конгресса исследователей Азии ICAS-12
24–28 августа 2021 г., Киото, Япония**

Аннотация. В обзоре рассказывается о крупнейшем мировом форуме учёных-востоковедов 2021 г. – 12-м Международном конгрессе исследователей Азии (The 12th International Convention of Asia Scholars – ICAS-12), прошедшем 24–28 августа 2021 г. в онлайн-формате в г. Киото (Япония). В центре обзора – являющаяся самостоятельной частью конгресса 12-я Международная конференция «Взаимодействие с Вьетнамом: междисциплинарный диалог» (Engaging with Vietnam: An Interdisciplinary Dialogue – EWV) на тему «Взаимодействие с Вьетнамом и АСЕАН: мобильность и идентичность в эпоху глобальной трансформации». Освещена тематика выступлений участников EWV, представлены мероприятия, сопровождавшие заседания конгресса.

Ключевые слова: форум ученых-востоковедов, конференция «Взаимодействие с Вьетнамом» (EWV), Вьетнам, АСЕАН, мобильность, идентичность

Для цитирования: *Никулина Е.В.* Разговор о Вьетнаме в онлайн-формате // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 154–158.

С 24 по 28 августа 2021 г. состоялся 12-й Международный конгресс исследователей Азии (The 12th International Convention of Asia Scholars – ICAS-12). Конгресс раз в два года проводит Международный институт азиатских исследований (International Institute of Asian Studies – ИАС), расположенный в нидерландском Лейдене. В этом году встреча ученых из 65 стран мира под названием «Формируя глобальную культуру» была организована совместно с университетом Сейка в г. Киото (Япония). ICAS-12 собрал на свои заседания более тысячи востоковедов и обсудил широчайший спектр тем от политики, религиоведения, философии международных отношений, истории и экономики, лингвистики и литературоведения до исследований искусства, медиа- и гендерных исследований, вопросов исторической памяти, урбанизации и образования.

ICAS-12 включил в себя панельные дискуссии и круглые столы, а также выставки ремесел, показ фильмов об Азии и книжную ярмарку ICAS Asian Studies. Особенностью конгресса стало то, что он был проведен в онлайн-формате. Выступающие должны были заранее подготовить видео своих докладов по заявленной теме продолжительностью 10–15 мин., с которыми все желающие могли ознакомиться начиная с 10 августа на сайте ICAS-12. Во время панельных заседаний в течение часа в прямом эфире каждый докладчик в течение 3–5 минут давал резюме своей презентации, а затем шло ее свободное обсуждение. К началу ICAS-12 было приурочено подведение итогов конкурса ICAS Book Prize-2021 на лучшую книгу в области азиатских исследований. В этом году в конкурсе рассматривались издания на

девяяти языках, в том числе впервые на русском. Монография, написанная сотрудниками ЦИВАС ИДВ РАН Г.М. Локшиным, Е.В. Кобелевым и В.М. Мазыриным «Сообщество АСЕАН в современном мире», вошла в число четырёх лучших русскоязычных книг.

В рамках ICAS-12 на платформе «Взаимодействие с Вьетнамом: междисциплинарный диалог» (Engaging with Vietnam: An Interdisciplinary Dialogue – EWV) 24–28 июля проходила 12-я конференция на тему «Взаимодействие с Вьетнамом и АСЕАН: мобильность и идентичность в эпоху глобальной трансформации». Наряду с учёными из Европы, США и стран ЮВА в ней приняли участие исследователи из ведущих вузов и научных учреждений СРВ. Открыл конференцию доклад, посвящённый проблемам материнства в цифровую эпоху. На следующем панельном заседании обсуждались вопросы недавней истории Вьетнама: идентичность и постколониальная напряжённость в ДРВ в 1946–1962 гг., политические стратегии и идеалы освободительного движения Южного Вьетнама (1969–1975), мемуары и биографии революционеров из Центрального Вьетнама (1880-е – 1940-е годы), элементы подготовки к воссоединению в Южном Вьетнаме в 1970–1975 гг.

В фокусе внимания очередного панельного заседания были проблемы языка и идентичности у вьетнамцев за рубежом. На двух заседаниях на тему религии обсуждали вопросы католицизма и буддизма, культ Матерей и народные верования, диалог и симбиоз религий во Вьетнаме и отношение государства к вопросам веры, ритуальные практики и отражение религии в искусстве. Заседание по экономике было посвящено перспективам экономического развития Вьетнама, сравнению экономических структур Филиппин и Вьетнама и процессам деглобализации.

Для успешного дальнейшего развития Вьетнама огромную роль играет совершенствование системы образования. Неслучайно различным вопросам в этой сфере было посвящено четыре панельных заседания. На одном говорили о международном образовании во Вьетнаме и АСЕАН. Выступавшие рассказали о том, как академические обмены между США и СРВ влияют на реформу высшего образования во Вьетнаме, о роли партнерства школ и университетов в подготовке языковых преподавателей в стране, а также о воздействии мультикультурализма на идентичность вьетнамских студентов. На других заседаниях на тему образования участники коснулись вопросов высшего образования после COVID-19, профессионального развития учителей, пропаганды национальной культуры для детей, ситуации с образованием детей с ограниченными возможностями во Вьетнаме, вопросов преподавания языка специальных технологий обучения в школе, а также проблем трудоустройства выпускников языковых вузов.

Остальные панельные заседания и круглые столы также отличались разнообразием тем: от развития дельты Меконга до вьетнамской трудовой миграции в Европу после 2000 г.; от политики, дипломатии и правовых вопросов во Вьетнаме и АСЕАН до различных аспектов истории Вьетнама 19 – начала 20 в. ; от особенностей восприятия войны нынешними поколениями до возрождения вьетнамской культуры в 21 в. ; от проявлений космополитизма во Вьетнаме до вопросов миграции и идентичности в СРВ и АСЕАН; от коммунизма и национализма в истории Вьетнама до пандемии COVID-19 и вопросов обеспечения безопасности человека в ЮВА; от проблем здоровья населения до городской среды и туризма во Вьетнаме в условиях COVID-19 и изменения климата.

Выступления и дискуссии на конференции EWV представили широкую картину современных исследований по Вьетнаму, охватывающих все стороны жизни страны. ICAS-12 передал эстафету ICAS-13, который должен пройти в 2023 г. Надеемся, что востоковеды со

всего мира смогут встретиться и обсудить свои исследования и открытия не через экраны компьютеров и смартфонов, а в личном общении.

Автор:

Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Принята к печати 15.09.2021

E.V. Nikulina

DISCOURSE ON VIETNAM IN ONLINE FORMAT

The survey of international conference “Engaging with Vietnam and ASEAN: Mobilities and Identities in an Age of Global Transformation”

The 12th International Convention of Asia Scholars, ICAS-12

August 24–28, 2021, Kyoto, Japan

Abstract. The survey is a brief summary of the work of the 12th International Convention of Asia Scholars – ICAS-12, the greatest world forum of scholars-orientalists of 2021, held from August 24 to 28 in online format in Kyoto (Japan). The survey focuses on the 12th international conference with the theme “Engaging with Vietnam and ASEAN: Mobilities and Identities in an Age of Global Transformation” held at the “Engaging with Vietnam: An Interdisciplinary Dialogue – EWV” platform, the independent part of the Convention. The survey covers the topics of the papers of the EWV participants and other events in the frameworks of the sessions of the Convention.

Keywords: the forum of scholars-orientalists, conference with the theme “Engaging with Vietnam” (EWV), Vietnam, ASEAN, mobility, identity

For citation: Nikulina E.V. Discourse on Vietnam in online format. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, No. 3: 154–158.

The 12th International Convention of Asia Scholars (ICAS-12) was held from August 24 to 28, 2021. This Convention is held every two years under the auspices of the International Institute for Asian Studies (IIAS) in Leiden (Netherlands). This year the meeting entitled “Crafting a Global Future” has been organized jointly with Kyoto Seika University (Japan). Participants were scholars from 65 countries of the world. ICAS-12 invited to its sessions more than a thousand orientalists and discussed the widest range of topics from politics, religious studies, philosophy of international relations, history and economics, linguistics, and literary criticism to researches of art, media, gender studies, problems of historical memory, urbanization and education.

ICAS-12 Kyoto comprised panel discussions and round tables, as well as crafts exhibitions, screening of films on Asia and ICAS Asian Studies book-display sale. This Convention was held in online-format. The authors were to prepare video of their reports with the declared theme in advance, the length of reports being limited up to 10 or 15 minutes. Everybody could review the reports from August 10 at the site ICAS 12 Kyoto. At the panel sessions of the Convention (one hour, live) every author gave a summary of her/his presentation (from 3 to 5 minutes) followed with the free discussion. By the commencement of ICAS-12 Kyoto the summing up of ICAS Book Prize 2021 the competition for the best book in the field of Asian studies had been timed. This year books in nine languages have participated in the competition, including those in Russian (for the first time). The monograph “ASEAN in the Current World” (Moscow: Forum, 2019) by G.M. Lokshin, E.V. Kobelev and V.M. Mazyrin (Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Institute for Far Eastern Studies RAS) has been one of the four best Russian books.

From July 24 to 28 in the frameworks of ICAS-12 at the “Engaging with Vietnam: An Interdisciplinary Dialogue” (EWV) platform the 12th conference with the theme “Engaging with Vietnam and ASEAN: Mobilities and Identities in an Age of Global Transformation” was held.

Researchers from leading universities and academic institutions of the SRV participated in it side by side with scholars from Europe, the US and SEA countries. The conference opened with the report on problems of maternity in a digital age. It was followed by the panel session on recent history of Vietnam: identity and postcolonial tension in DRV from 1946 to 1962, political strategies and ideals of South Vietnamese liberation movement (1969–1975), memoirs and biographies of revolutionaries from Central Vietnam (the 1880s–1940s), elements of preparing for the reunification in South Vietnam from 1970 to 1975.

Another panel session concentrated on problems of the language and identity of the Vietnamese abroad. Two sessions with the theme of religion discussed topics of Catholicism and Buddhism, Mothers' cult and folk beliefs, dialogue and symbiosis of religions in Vietnam and the attitude of the state to matters of faith, ritual practices and reflection of religion in art. Economic topics covered the prospects of economic development of Vietnam, comparative analysis of economic structures of the Philippines and Vietnam and the processes of deglobalization.

The educational system improvement is of great importance for the further development of Vietnam. It was not coincidental that four panel sessions were devoted to different educational problems. One of them discussed international education in Vietnam and ASEAN. The authors spoke on how academic exchanges between the US and Vietnam influenced the higher education reform in Vietnam, on the role of the partnership of schools and universities in training language teachers in Vietnam, as well as on the influence of multiculturalism on the Vietnamese students' identity. Two other sessions with the same theme touched problems of the high education development in conditions of COVID-19, professional retraining of teachers, propaganda of national culture among children, education of children with disabilities in Vietnam, problems of teaching languages and special training technologies in school, as well as problems of the employment of graduates from universities of foreign studies.

The themes of the rest panel sessions and round tables were diverse, too: from the Mekong Delta development to Vietnamese labor migration to Europe after 2000, from politics, diplomacy and legal problems in Vietnam and ASEAN to different aspects of Vietnam's history of the 19th—early 20th centuries, from peculiarities of war perception with current generations to the revival of Vietnamese culture in the 21st century, from cosmopolitanism display in Vietnam to problems of migration and identity in Vietnam and ASEAN, from communism and nationalism in history of Vietnam to COVID-19 pandemic and problems of ensuring human security in ASE, from problems of population's health to urban milieu and tourism in Vietnam in conditions of COVID-19 and climate changes.

Speeches and discussions at the EWV conference showed a broad canvas of current Vietnamese studies, covering all the aspects of Vietnam's life. ICAS-12 has passed the torch to ICAS-13. It will be held in 2023. We are looking forward to it in expectation that orientalists of the world will be able to meet and discuss their studies and discoveries not through monitors of computers or through smartphones, but face-to-face.

Author:

Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS.
ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Article history:

Received: September 1, 2021

Accepted: September 15, 2021

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАЯВЛЕНИЕ БЕЛОГО ДОМА*

«УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ВСЕСТОРОННЕГО ПАРТНЁРСТВА МЕЖДУ США И ВЬЕТНАМОМ»

25 августа 2021 г.

В прошлом году Соединённые Штаты и Вьетнам отметили 25-летие установления дипломатических отношений. За эти годы отношения между двумя странами значительно продвинулись, и теперь мы сотрудничаем по широкому кругу вопросов, включая борьбу с COVID-19 и подготовку к будущим угрозам в области санитарно-эпидемиологической безопасности, борьбу с изменением климата, а также в деле преодоления общего наследия войны. Мы укрепили наши экономические связи, сделав США вторым по величине торговым партнёром Вьетнама и его главным экспортным рынком. Взаимная поддержка необходима обеим странам: динамично развивающаяся вьетнамская экономика играет решающую роль для цепочек поставок, от которых зависит экономика США. Это подтвердил COVID-19, когда остановка производства за границей привела к трудностям с доставкой товаров в страну. Значительно расширились наши отношения в сфере безопасности, поскольку мы поддерживаем независимость и суверенитет Вьетнама, особенно в морской сфере. Соединённые Штаты и Вьетнам также обладают широкими возможностями для обнаружения реагирования на угрозу и предотвращения инфекционных заболеваний благодаря нашему партнёрству в рамках Глобальной повестки дня по безопасности в области здравоохранения. Упрочившиеся и растущие отношения партнёрства между нашими народами дали свои результаты: почти 30 тыс. вьетнамцев учатся в Соединённых Штатах, что принесло почти 1 млрд долл. в экономику США, а в Ханое открыт офис Корпуса мира.

Поездка вице-президента во Вьетнам отражает твёрдую приверженность США не только региону, но и их отношениям с Вьетнамом. На двусторонних встречах с вьетнамскими лидерами вице-президент Харрис подтвердила заинтересованность США в сильном, процветающем и независимом Вьетнаме, а также в свободном, открытом, здоровом и устойчивом Индо-Тихоокеанском регионе.

COVID-19 и безопасность в области здравоохранения. Вице-президент подтвердила намерение Соединённых Штатов возглавить борьбу за преодоление пандемии COVID-19 в

* Документ, приводимый в сокращённом изложении, представляет собой видение Вашингтона перспектив развития американо-вьетнамских отношений. Он опубликован к визиту в СРВ 25-27 августа 2021 г. вице-президента США К. Харрис на английском языке на официальном сайте Белого дома по адресу: URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/25/fact-sheet-strengthening-the-u-s-vietnam-comprehensive-partnership/>

мире. Она объявила об открытии нового регионального офиса Центра по контролю и профилактике заболеваний (CDC) в целях укрепления сотрудничества по безопасности в области здравоохранения.

Безвозмездная передача вакцины. Признавая значительный урон, нанесённый COVID-19 обеим нашим странам, вице-президент объявила, что США безвозмездно передают Вьетнаму ещё 1 млн доз вакцины Pfizer, в результате чего общее количество полученных им безвозмездно доз достигло 6 млн.

Техническая и планомерно осуществляемая помощь в связи с COVID-19. На основании закона об американском плане спасения (ARPA) и других видов финансирования чрезвычайной помощи, Агентство США по международному развитию (USAID) и CDC выделили дополнительно 23 млн долл. в виде технической помощи и планомерно осуществляемой поддержки, в результате чего общая помощь, оказанная с начала пандемии, составила почти 44 млн долл. USAID также предоставило Красному Кресту Вьетнама 1 млн долл. для снижения негативного воздействия COVID-19 и предотвращения его распространения в уязвимых сообществах.

Поддержка распространения вакцины. Министерство обороны обязалось предоставить 77 морозильных камер со сверхнизкой температурой для вакцин, чтобы поддержать усилия по распространению вакцины во всех 63 провинциях СРВ. Эти морозильные камеры специально разработаны с учётом самых экстремальных требований к хранению вакцин, что значительно расширяет национальную сеть распределения вакцин во Вьетнаме.

Операции экстренного реагирования. Через Агентство по снижению угрозы безопасности США нами открыты два региональных центра по проведению операций при чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения, которые в настоящее время работают круглосуточно без выходных, собирают и передают через Министерство здравоохранения данные эпидемиологического надзора за ситуацией с COVID-19.

Открытие в Юго-Восточной Азии нового регионального офиса Центра по контролю и профилактике заболеваний. Вице-президент вместе с заместителем премьер-министра Вьетнама и министрами здравоохранения стран АСЕАН и Папуа-Новой Гвинеи открыли в Ханое региональное бюро Центров США по контролю и профилактике заболеваний (CDC) по Юго-Восточной Азии.

Привлечение частного сектора в борьбе с изменением климата. USAID и Торгово-промышленная палата Вьетнама (ТППВ) подписали Меморандум о взаимопонимании для повышения конкурентоспособности Вьетнама, расширения рыночных возможности для американских компаний и закрепления экологической политики Вьетнама. Этот меморандум позволит ТППВ с большей эффективностью концентрироваться на вопросах устойчивости, зелёных технологий и изменения климата. USAID также намерено поддержать ТППВ в разработке зелёного индекса, чтобы помочь американским компаниям выбирать провинции, инвестирующие в экологически чистые проекты.

Расширение использования чистой энергии и электромобилей. Правительство США объявило о Программе развития энергетики Вьетнама с низким уровнем выбросов углекислого газа II (V-LEEP II) – пятилетнем проекте USAID стоимостью 36 млн долл., направленном на ускорение перехода Вьетнама к экологически чистой, безопасной и ориентированной на рынок энергетической системе. Проект имеет целью совершенствование государственного энергетического планирования, усиление конкуренции для поощрения

участия частного сектора США в предоставлении энергетических услуг и расширение систем экологически чистой энергии. Проект поможет Вьетнаму расширить внедрение электрических мотоциклов и реализовать механизм Соглашения о прямой закупке электроэнергии, что позволит предприятиям закупать электроэнергию напрямую у частных фирм, производящих энергию от возобновляемого источника.

Защита региона дельты Меконга. Правительство США через USAID запустило проект сохранения прибрежной среды обитания Меконга – новый трёхлетний проект стоимостью 2,9 млн долл. с участием Международного союза охраны природы и природных ресурсов (IUCN). Этот проект направлен на защиту ключевой прибрежной естественной среды обитания в дельте Меконга в целях обеспечения устойчивого рыболовства, адаптации к изменению климата и сохранения биоразнообразия.

Ускорение развития климатически оптимизированного сельского хозяйства. Соединённые Штаты приветствовали решение Вьетнама присоединиться к «Миссии по инновациям в сельском хозяйстве в интересах климата» (AIM4C) – инициативе, объявленной на созванном по предложению президента Байдена саммите лидеров по вопросам климата, которая будет запущена на Конференции ООН по изменению климата (COP-26) в ноябре 2021 г. Участники AIM4C будут работать вместе, чтобы ускорить глобальные инновации в сельском хозяйстве и внедрение технологий, не причиняющих ущерба климату.

Поддержка предприятий, принадлежащих женщинам и этническим меньшинствам. Правительство США объявило о проекте USAID «Совершенствование конкурентоспособности частного сектора» (IPSC) с финансированием в размере 36 млн долл., направленном на обеспечение роста количества предприятий Вьетнама, принадлежащих женщинам и этническим меньшинствам, и увеличение рабочих мест в сельской местности за счёт внедрения новых технологий США.

Поддержка перехода Вьетнама к цифровой экономике. Правительство США объявило о проекте USAID «Трудовые ресурсы для экосистемы инноваций и стартапов» (WISE), предусматривающем выделение до 2 млн долл. на поддержку действий Вьетнама по переходу от экономики с преобладанием трудоёмкой промышленности с низкоквалифицированным трудом к экономике, нуждающейся в работниках, более подготовленных к участию в глобальной цифровой экономике. Развитие цифровых навыков во Вьетнаме расширит возможности торговли между США и Вьетнамом и будет способствовать развитию американских технологий.

Снижение тарифов на экспорт из США. Американские фермеры и производители свинины получают более широкий доступ к рынку Вьетнама – седьмого по величине экспортного рынка сельскохозяйственной продукции США – в результате положительного рассмотрения Вьетнамом нашего предложения об отмене или снижении в рамках режима наибольшего благоприятствования пошлин на импорт кукурузы, пшеницы и продукции свиноводства. Такое снижение тарифов позволит фермерам США снабжать Вьетнам качественной продукцией по конкурентоспособным ценам, а также поможет сократить торговый дефицит США в торговле с Вьетнамом.

Содействие гражданскому обществу и защита интересов людей. Как заявила вице-президент на встрече с правительством СРВ, Соединённые Штаты поддерживают гражданское общество этой страны и выступают за свободу выражения мнений, вероисповедания и объединений в стране.

Решение проблем, связанных с общим наследием войны. Соединённые Штаты обязуются дополнительно выделить 17,5 млн долл. на поиски и обезвреживание неразорвавшихся боеприпасов (НРБ), демонстрируя нашу неизменную приверженность решению проблем военного наследия. Государственный департамент обязуется продолжать широкомасштабные проекты по поиску НРБ и их обезвреживанию, наращивать потенциал национального центра по противоминной деятельности и реализовывать инициативы по обучению предупреждению рисков для спасения жизней и создания экономических возможностей.

Поддержка людей с ограниченными возможностями. Правительство США через USAID объявило о двух новых грантах местным вьетнамским организациям в поддержку людей с ограниченными возможностями: «Поднимая голоса, создавая возможности II» и «Держи меня за руку II». Эти проекты с суммарным бюджетом около 4 млн долл. будут поддерживать людей с ограниченными возможностями, улучшая качество их жизни и способствуя их социальной адаптации. Являясь одной из наших старейших инициатив, связанных с военным наследием, программы для инвалидов в рамках Фонда сенатора Лихи для жертв войны, проводимые с 1989 г., долгое время служили ключевым элементом двустороннего сотрудничества.

Приверженность партнёрству в области безопасности. Соединённые Штаты и Вьетнам подтвердили общую приверженность продолжению сотрудничества на высоком уровне в области безопасности в поддержку сильного, процветающего и независимого Вьетнама, включая гуманитарные обязательства, такие как Тихоокеанское партнёрство и визиты кораблей США, в том числе авианосцев.

Расширение партнёрства в области береговой охраны. Вице-президент отметила глубокие связи между подразделениями береговой охраны Вьетнама и США, включая возможное предоставление Соединёнными Штатами, при условии согласия Конгресса, третьего катера береговой охраны с большой автономностью плавания. Этот катер послужит дополнением к двум другим предоставленным США катерам флотилии из 24 патрульных катеров, базовым средствам и оборудованию, причалам, обучению сотрудников правоохранительных органов и другим совместным мероприятиям, что укрепит возможности Вьетнама по обеспечению морской безопасности в Южно-Китайском море.

Расширение сотрудничества в гуманитарной сфере и в реагировании на стихийные бедствия. США и Вьетнам обязались начать обмен в области травматологии между вьетнамскими вооружёнными силами и Министерством обороны США в целях расширения возможностей в гуманитарной сфере и в реагировании на стихийные бедствия и при этом совместно продвигаться в области интенсивной терапии и действий по реанимации для солдат, ветеранов и населения Вьетнама.

Инвестиции в двусторонние отношения. Вице-президент Харрис и руководители правительства Вьетнама подтвердили прочность отношений всеобъемлющего партнёрства США и Вьетнама, о чем свидетельствует подписание документа о строительстве нового комплекса зданий посольства США и открытии во Вьетнаме офиса Корпуса мира.

Соединённые Штаты и Вьетнам признают растущее значение космоса в получении пользы для всего человечества, решении климатических проблем и обеспечении развития на Земле. Во время визита стороны также обменялись мнениями о Соглашении Артемиды и признали ключевую роль международного сотрудничества в поддержании космической среды для извлечения максимума пользы при её эксплуатации. Для этого Соединённые Штаты и

Вьетнам в первом квартале 2022 г. проведут диалог по сотрудничеству в использовании космоса для гражданских целей, который послужит согласованию наших целей обеспечения ответственного и рационального освоения космоса.

Партнёрство в реформировании образования. USAID объявило о «Партнёрстве в реформировании высшего образования» – пятилетнем проекте, предусматривающем выделение до 14,2 млн долл. на развитие преподавания, исследований, инноваций и управления в трёх крупнейших национальных университетах Вьетнама. В рамках проекта совместно с университетами США и партнёрами из частного сектора будут представлены инклюзивные экономические возможности почти для 150 тыс. вьетнамских студентов в целях обеспечения развития сильного, процветающего и независимого Вьетнама как жизненно важного партнёра США.

STATEMENT OF THE WHITE HOUSE*

**“STRENGTHENING THE U.S.-VIETNAM COMPREHENSIVE
PARTNERSHIP”**

August 25, 2021

Last year, the United States and Vietnam celebrated our 25th anniversary of diplomatic relations. Over the past several decades, the bilateral relationship between our countries has made significant strides, to the point where our nations now cooperate on a wide range of issues, including fighting COVID-19 and preparing for future health security threats, combatting climate change, and addressing shared legacies of war. We have deepened our economic ties as Vietnam’s second largest trading partner and its top export market worldwide, and our support for one another is mutually reinforcing: a vibrant Vietnamese economy is critical to the supply chains Americans depend on, a point that COVID-19 has made clear when production shutdowns abroad have led to difficulties in shipping goods at home. Our security relationship has dramatically expanded as we support Vietnam’s independence and sovereignty, particularly in the maritime domain. The United States and Vietnam have also advanced capacities to prevent, detect, and respond to infectious disease threats through our partnership on the Global Health Security Agenda. The already-robust and growing partnership between our peoples has resulted in nearly 30,000 Vietnamese studying in the United States, contributing nearly \$1 billion to the U.S. economy, and the opening of a Peace Corps office in Hanoi.

The Vice President’s travel to Vietnam signifies the United States’ deep commitment not only to the region, but also to the U.S. – Vietnam relationship. In bilateral meetings with Vietnamese leaders, Vice President Harris reaffirmed the U.S. commitment to a strong, prosperous, and independent Vietnam, as well as a free, open, healthy, and resilient Indo-Pacific region.

COVID-19 and Health Security: The Vice President reinforced the United States’ commitment to leading the world in ending the COVID-19 pandemic. She announced new COVID-19 vaccine donations to Vietnam, critical support for vaccine distribution, and the opening of a new regional CDC office to enhance health security cooperation.

Vaccine donation: Recognizing the critical toll that the COVID-19 has taken on both our countries, and the Biden-Harris Administration’s effort to serve as an arsenal of vaccines for the world, the Vice President announced that the U.S. is donating an additional one million doses of Pfizer vaccine to Vietnam, bringing our total donation to Vietnam to 6 million doses.

COVID-19 technical and programmatic assistance: Through the American Rescue Plan Act (ARPA) and other emergency assistance funding to date, USAID and CDC are supporting Vietnam’s response to COVID-19 with an additional \$23 million in technical assistance and programmatic support, bringing the total assistance provided since the start of the pandemic to nearly \$44 million.

* The document, presented in an abridged form, represents Washington's vision of the prospects for the development of US-Vietnam relations. It was published in English on the occasion of US Vice President K. Harris's visit to Vietnam on August 25-27, 2021, on the White House official website at: URL:<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/25/fact-sheet-strengthening-the-u-s-vietnam-comprehensive-partnership/>

This assistance will accelerate equitable access to and delivery of safe and effective COVID-19 vaccines, strengthen Vietnam's health system to respond to COVID-19, and build capacity to detect and monitor COVID-19 and future disease threats. USAID also provided the Vietnam Red Cross \$1 million to reduce the impacts and prevent the spread of COVID-19 in vulnerable communities.

Support for vaccine distribution: The Department of Defense has committed to provide 77 ultra-low temperature vaccine freezers to assist vaccination distribution efforts in all 63 provinces. These freezers are specially designed to accommodate the most extreme vaccine storage requirements, significantly enhancing Vietnam's national vaccine distribution network.

Emergency Operations: Through the Defense Threat Reduction agency, the U.S. provided two Regional Public Health Emergency Operations Centers, which are now operating 24/7 to collect and share COVID-19 surveillance information through the Ministry of Health.

Launch of the new CDC Southeast Asia Regional Office: The Vice President launched the U.S. Centers for Disease Control and Prevention (CDC) Southeast Asia Regional Office in Hanoi alongside Vietnam's Deputy Prime Minister and Health Ministers from ASEAN and Papua New Guinea.

Leveraging the Private Sector in Climate Action: USAID and the Vietnam Chamber of Commerce and Industry (VCCI) signed a Memorandum of Understanding (MOU) to boost Vietnam's competitiveness, expand market opportunities for U.S. companies, and strengthen Vietnam's environmental policy. This MOU with VCCI will improve VCCI's focus on sustainability, green technology and climate change. USAID also intends to support VCCI in developing a Green Index to help U.S. businesses select provinces that are investing in green operations.

Expanding Clean Energy and Electric Vehicles: The U.S. government announced the Vietnam Low Emission Energy Program II (V-LEEP II), a five-year, \$36 million USAID project which aims to accelerate Vietnam's transition to a clean, secure, and market-driven energy system. The project will work to improve government energy planning, increase competition to encourage U.S. private sector involvement in energy service provision, and increase clean energy systems. The project will help Vietnam scale up adoption of electric motorbikes and implement the Direct Power Purchase Agreement (DPPA) mechanism to allow businesses to procure electricity directly from private firms producing renewable energy.

Protecting the Mekong Delta region: Through USAID, the U.S. government launched the Mekong Coastal Habitat Conservation project, a new three-year, \$2.9 million project with the International Union for Conservation of Nature (IUCN). This project aims to protect key coastal habitats in the Mekong Delta region for sustainable fisheries, climate change adaptation and biodiversity conservation.

Accelerating Climate-Smart Agriculture: The United States welcomed Vietnam joining the Agricultural Innovation Mission for Climate (AIM4C), an initiative announced at President Biden's Leaders' Summit on Climate that will be launched at COP-26 in November 2021. AIM4C participants will work together to accelerate global agricultural innovation and the adoption of climate smart technologies. Together the United States and Vietnam, along with our global partners, can address shared climate challenges and create innovative solutions to improve food security and drive economic growth around the world.

Promoting women and ethnic-minority owned enterprises: The U.S. government announced the Improving Private Sector Competitiveness (IPSC) project, a \$36 million USAID flagship effort to grow women and ethnic minority-owned businesses and promote job-growth in rural areas through the adoption of new U.S. technology.

Support for Vietnam's transition to a digital economy: The U.S. government announced the Workforce for an Innovation and Startup Ecosystem (WISE), a USAID project providing up to \$2 million to support Vietnam's effort to transition from an economy dominated by labor intensive, low-skilled industry to a workforce better equipped to participate in the global digital economy. Building Vietnam's digital skills will increase opportunities for trade between the United States and Vietnam and will promote U.S. technologies.

Lower tariffs on U.S. exports: U.S. farmers and pork producers will have greater access to markets in Vietnam — the United States' seventh largest agricultural export market — as a result of Vietnam's positive consideration of our proposal to eliminate or reduce MFN import duties on corn, wheat, and pork products. These tariff cuts allow U.S. farmers to provide Vietnam with quality and competitively-priced products while also helping reduce the U.S. trade deficit with Vietnam

Promoting civil society and grassroots advocacy: The United States supports Vietnam's civil society and advocates for freedom of expression, belief, and association in Vietnam—as raised by the Vice President in her government meetings.

Addressing shared war legacies: The United States commits to provide an additional \$17.5 million for surveying and clearing unexploded ordnance (UXO), demonstrating our continued pledge to addressing war legacy issues. The State Department commits to continue extensive UXO survey and clearance projects, build capacity for the national mine action center, and implement risk education initiatives to save lives and create economic opportunities.

Support for persons with disabilities: The U.S. government, through USAID, announced two new awards to local Vietnamese organizations, in support of persons with disabilities: Raising Voices, Creating Opportunities II and Hold My Hand II. These projects, with a total budget of approximately \$4 million, will support persons with disabilities by improving their quality of life and promoting their social inclusion. As one of our oldest war legacy initiatives, under Senator Leahy's War Victims Fund since 1989, disability programming has long served as a core element of bilateral cooperation.

Commitment to a Security Partnership: The United States and Vietnam affirmed our commitment to continuing our high-level security cooperation in support of a strong, prosperous and independent Vietnam, including humanitarian engagements like Pacific Partnership and visits by U.S. ships, including aircraft carriers.

Increasing our Coast Guard Partnership: The Vice President discussed the deep ties between the Vietnam and U.S. Coast Guards, including the possible provision of a third U.S. Coast Guard high-endurance cutter, subject to the will of Congress. This cutter would complement two other U.S.-provided cutters, a fleet of 24 patrol boats, base facilities, piers, law enforcement training, and other joint activities that bolster Vietnam's capacity to contribute to maritime security in the South China Sea.

Expanding humanitarian and disaster response cooperation: The U.S. and Vietnam committed to establish a medical trauma exchange between the Vietnam Military and the Department of Defense to expand humanitarian and disaster response capacity, while cooperatively advancing critical patient care for soldiers, veterans, and the people of Vietnam.

Investments in the Bilateral Relationship: Vice President Harris and Vietnamese government leaders reaffirmed the strength of U.S.-Vietnam Comprehensive Partnership, as signified by the signing of a new U.S. Embassy compound and the opening of Peace Corps Vietnam.

Reinforcing International Norms on the Peaceful Exploration of Space: The United States and Vietnam support efforts to ensure space activities are conducted in a responsible and sustainable manner. We also exchanged views on the Artemis Accords during the visit and acknowledge the

pivotal role international cooperation plays in sustaining the outer space environment to maximize the benefits space offers. In this regard, the United States and Vietnam are committed to a civil space dialogue, to take place in the first quarter of 2022 which would serve to align our goals of ensuring space activities are conducted in a responsible and sustainable manner.

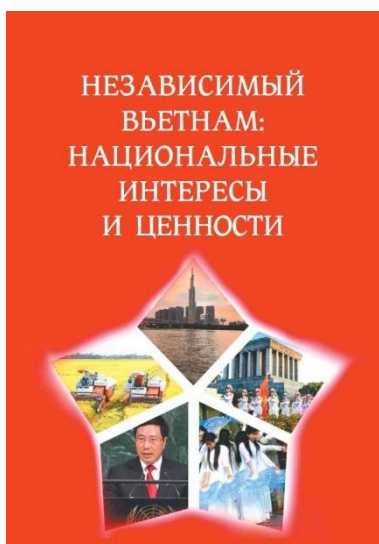
Support for Higher Education: Vice President Harris underscored the United States' commitment to the future of Vietnam and the enduring nature of the U.S.-Vietnam partnership. Partnering on education reform: USAID announced the Partnership for Higher Education Reform, a five-year project providing up to \$14.2 million to strengthen teaching, research, innovation, and governance within the three largest national universities in Vietnam. With U.S. university and private sector partners, the project will support inclusive economic opportunities for nearly 150,000 Vietnamese students in support of a strong, prosperous, and independent Vietnam as a vital U.S. partner.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-168-176

В.В. Сумский

ВЬЕТНАМ 2020-х ГОДОВ: НА ГРЕБНЕ УСПЕХА И В РАЗДУМЬЯХ О БУДУЩЕМ

Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. М.: ИДВ РАН, 2021. 416 с. ISBN 978-5-8318-0386-4

Аннотация. Данная рецензия посвящена сборнику статей Института Дальнего Востока РАН по итогам конференции, приуроченной к 75-летию Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме. В нём предпринята попытка осветить в комплексе исторический путь Вьетнама с середины прошлого века до настоящего времени. Значительное внимание уделено также переменам, происходящим в последние три-четыре десятилетия в экономике страны, её социальном облике и во взаимодействиях с внешним миром. Критическому рассмотрению и сопоставлению позиций историков, политологов и экономистов России и Вьетнама, обратившихся к этим актуальным темам, посвящена главным образом и рецензия.

Ключевые слова: революция во Вьетнаме, результаты курса на «обновление», социализм с вьетнамским лицом, периферийный капитализм, многовекторная внешняя политика, балансирование между крупными державами

Для цитирования: Сумский В.В. Вьетнам 2020-х годов: на гребне успеха и в раздумьях о будущем // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 168–176.

75-летие Августовской революции 1945 г., положившей начало строительству независимого государства во Вьетнаме, послужило непосредственным поводом для проведения в октябре 2020 г. международной онлайн-конференции с участием российских и вьетнамских ученых – историков, политологов, экономистов, специалистов в области культурологии и религиоведения, филологов и лингвистов. По следам этого мероприятия опубликован объёмистый сборник статей «Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности». Судя по составу авторов и широкому диапазону их научных интересов, сделана попытка осмыслить общими усилиями и осветить с разных дисциплинарных ракурсов *весь исторический путь*, пройденный страной с середины прошлого столетия и до наших дней включительно.

Если замысел был именно таков, то удалось ли его осуществить? Во многом – да. По крайней мере, в книге имеется блок содержательных статей, посвящённых собственно Августовской революции и наглядно подтверждающих, что исследования этого поворотного события в жизни страны не теряют ни остроты, ни актуальности, ни творческого характера¹. Не обойдены вниманием и такие сюжеты, как дискуссии о природе первой и второй Индокитайских войн, сравнительные особенности социально-экономических процессов, протекавших на Севере и Юге Вьетнама в период их раздельного существования, и др.²

Но все же в большей степени это книга о том, к чему и с чем страна – в своей внутренней жизни и в своих отношениях с внешним миром – приходит сегодня. И, конечно, об её «видах на будущее» с учетом новых проблем и вызовов, встающих перед Социалистической Республикой Вьетнам.

Результаты провозглашённого партийно-государственным руководством СРВ во второй половине 1980-х годов курса на обновление («Дой мой»), то есть на модернизацию экономики и переход к рыночному хозяйствованию, вроде бы яснее ясного говорят о том, на что способны вьетнамцы как нация и какой невообразимый рывок они совершили на короткой, по меркам истории, дистанции. В период с 1996 по 2019 г. в стране зафиксирован десятикратный рост ВВП, при восьмикратном повышении доходов на душу населения. Новообретённый динамизм превращает Вьетнам, ещё не так давно «приписанный» экспертами ООН к группе 25 беднейших стран мира, в одного из глобальных лидеров по темпам экономического роста. Результативность «Дой мой» поистине феноменальна, и в данном пункте между российскими и вьетнамскими авторами разногласий нет.

В сугубо положительном ключе оценивает эти реформы Е.В. Кобелев – старейший отечественный историк-вьетнамист и практик, внёсший свой личный вклад в укрепление отношений между двумя странами. Свою статью он завершает констатацией, что сочетание «социализма с вьетнамским лицом» и установок Коммунистической партии на «сохранение в целом прежней политической системы» срабатывает весьма эффективно. Стабилизируя страну в режиме динамичного экономического роста, дополненного «многовекторной внешней политикой, направленной на ускоренную интеграцию страны как экономически, так и политически в мировое сообщество», этот курс будет с успехом продолжен, уверен Е.В. Кобелев³.

На то, что рыночные реформы на удивление быстро и вовремя вывели экономику СРВ из затяжного пике и в этом смысле способствовали оздоровлению обстановки в стране, прямо указывает и такой авторитетный специалист, как В.М. Мазырин – руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. Первым из российских ученых сопоставив экономические системы ДРВ и РВ в 1950–1970-х годах, а затем обозначив узловые моменты преобразований в эпоху обновления, он заключает: ситуация внутри страны и перелом, совершавшийся в мире на исходе прошлого века, не оставляли руководителям СРВ иного выбора, кроме «переноса рыночной модели с Юга на Север»⁴. На сегодня главный результат

¹ См.: *Локишин Г.М.* Августовская революция во Вьетнаме: история без купюр. С. 188–204; *Чань Тхи Минь Туэт.* Гуманистический характер революции 1945 г. С. 205–215; *Колотов В.Н.* Влияние трактата Сунь-цзы «Искусство войны» на стратегию Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме. С. 216–229.

² См.: *Ларин В.П.* О характере двух Индокитайских войн XX в. в фокусе новых научных подходов и оценок. С. 230–241; *Мазырин В.М.* Две системы, два пути развития экономики Вьетнама. С. 131–148.

³ *Кобелев Е.В.* Основные факторы успеха Августовской революции и возрождения Вьетнама. С. 178–187.

⁴ *Мазырин В.М.* Указ.соч.С. 145.

этого маневра видится ему в том, что в экономике, сохраняющей пока многоукладный характер, преобладает уже не социалистический, как это было до реформ, а капиталистический уклад. Вместе с тем, пишет В.М. Мазырин, «капитализм в СРВ приобретает черты периферийного. Это означает, что ее экономика работает на наиболее развитые страны, снабжая их сырьем, готовой продукцией, дешёвой рабочей силой и отставая в своем технологическом развитии»⁵.

Поскольку *периферийный капитализм является ущербным и зависимым по определению*, возникают непростые вопросы о том, как может сказаться его дальнейшее становление, со всеми присущими ему изъянами, уже не на «социализме с вьетнамским лицом», а на тех же темпах роста, на состоянии внутривнутриполитической стабильности, пока ещё серьезно не поколебленной, а в конечном счете, и на Вьетнаме как независимом государстве.

Но может быть, эти вопросы преждевременны, если вообще уместны? Скорее, надо бы сказать о том, что их следовало задать пораньше. В январе-феврале 2021 г., в момент, когда рецензируемый сборник как раз готовился к печати, в Ханое проходил XIII съезд КПВ. На нём, как и на нескольких предшествующих партийных форумах этого уровня, напрямую выражалась озабоченность тем, что в стране прогрессирует социальное и имущественное расслоение, углубляется пропасть между богатыми и бедными, разрастается коррупция. Говорилось и о признаках идейного и морального перерождения партийно-государственной верхушки, её смыкания с олигархами, представляющими частный бизнес [Колотов 2021: 32–33, 38–39; Локшин 2021: 27–28].

Симптоматично, что подобные явления давно видны невооруженным глазом во многих из тех соседних стран (гордо именуемых «азиатскими тиграми»), которые когда-то обогнали Вьетнам в делах ускоренной модернизации и с которыми он может скоро сравняться.

Всё это далеко не случайные совпадения. Еще в 1968 г. – когда, к слову, эскалация американской агрессии в Индокитае приближалась к своей наивысшей точке, а BBC США изо дня в день пытались «забомбить Вьетнам в каменный век» (to bomb Viet Nam into Stone Age) – профессор Гарвардского университета Сэмюэл Хантингтон подробно обосновал *тезис о дестабилизирующем влиянии модернизации* на общество, в котором она набирает обороты⁶ [Huntington 1968]. Речь шла о влиянии, связанном с быстрым расшатыванием прежних моральных устоев и запаздывающим становлением новых ценностей; с пробуждением завышенных и не сбывающихся ожиданий; с протестными настроениями, возбуждаемыми повальной коррупцией, более чем естественной в атмосфере погони за коммерческой выгодой.

Уловит ли читатель сколько-нибудь явную и тем более сочувственную переключку с подобными соображениями в статьях вьетнамских коллег, включённых в сборник? Не берусь ответить на этот вопрос кратко и однозначно – хотя свои озабоченности по поводу дальнейшей судьбы реформ у них, безусловно есть. По моим впечатлениям, трудности профессионального – и, если угодно, идейно-политического – самоопределения связаны в их случае с нелёгкой

⁵ Там же, с. 146. Многие тезисы В.М. Мазырина получают подтверждение в статье Е.С. Буровой, посвящённой как немалым успехам, так и нарастанию проблем в аграрном секторе Вьетнама. Примечательно, что и Чинь Тхань Винь (Институт европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук), рассматривающий технологическое перевооружение сельского хозяйства СРВ как условие повышения его конкурентоспособности на мировом рынке, скорее дополнил, чем оспорил анализ Е.С. Буровой. См.: Бурова Е.С. Аграрный сектор Вьетнама на перепутье дорог: достижения, проблемы и перспективы. С. 100–115; Чинь Тхань Винь. Развитие высокотехнологичного хозяйства Вьетнама в условиях международной интеграции. С. 116–130.

⁶ См. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven – London: Yale University Press, 1968. 488 p.

дилеммой. С одной стороны, допустить, что столь успешный эксперимент, как курс «Дой мой», ввиду каких бы то ни было причин не будет продолжен, прямо-таки выше их сил. А с другой – нельзя же абстрагироваться от того, что за 30 с лишним лет и страна, и внешний мир изменились до неузнаваемости, причем не всегда к лучшему. И как не признать, что никакой политический и экономический курс не бывает хорош в своем неизменном виде на все времена. Из целого набора «за» и «против», вдохновлённых этими взаимоисключающими посылами, буквально соткана статья Ле Лены и Хоанг Кхак Нама, представляющих факультет международных исследований Ханойского государственного университета⁷. Рекомендовал бы всем, кого интересуют умонастроения, бытующие сегодня в кругах вьетнамской интеллигенции, внимательно прочесть и обдумать этот текст – как, впрочем, и другие статьи внешнеполитического раздела книги, написанные в основном вьетнамскими авторами и тоже отмеченные печатью глубокой двойственности.

Объясняя резоны, побуждающие СРВ придерживаться того, что называют «многовекторной внешней политикой» и «балансированием между крупными державами», они практически заявляют, что альтернативы всему этому как не было, так и нет – но тут же, словно вполголоса, добавляют: обстановка и в мире, и в регионе (который кто-то из них «по старинке» именует Азиатско-Тихоокеанским, а кто-то – уже Индо-Тихоокеанским) оставляет чем дальше, тем меньше простора для подобных маневров. Конечный же вывод таков, что «все богатство выбора» сводится к вопросу о том, с кем быть – с США или с Китаем.

Если Ву Тхюи Чанг (Институт европейских исследований Вьетнамской Академии общественных наук) еще пытается «держат равновесие», утверждая, что «в иерархии отношений СРВ с крупными странами связи с США являются самыми сложными и важными как с точки зрения преимуществ, так и трудностей»⁸, то Нгием Туан Хунг (Институт мировой экономики и политики Вьетнамской Академии общественных наук) и Ву Ван Ань (факультет международных исследований Ханойского государственного университета) удовлетворённо отмечают: «Вьетнам представляет собой важное связующее звено в американской сети региональных партнерств, которую США стремятся расширять, а также является для них главным партнёром в Юго-Восточной Азии в области безопасности после традиционных союзников – Филиппин, Таиланда и Сингапура»⁹.

В довершение всего, пытаюсь компенсировать сложности в отношениях с Китаем за счёт сближения с США, Вьетнам оказывается несвободен в отношениях с Россией, находящейся под санкциями Запада и одновременно укрепляющей стратегическое партнерство с Китаем, и эти моменты также отражены на страницах сборника¹⁰.

Подытоживая сравнение позиций участников с двух сторон, отметим, в частности, что у российских ученых пока нет единого взгляда на фундаментальные последствия перехода СРВ к рыночным отношениям, как бы выигрышно он ни смотрелся в свете статистических показателей. Например, почти полярные оценки даны в сборнике формирующейся социально-экономической системе. Вьетнамские же авторы, даже не видя альтернатив продолжению

⁷ Ле Лена, Хоанг Кхак Нам. О вызовах на пути международной интеграции СРВ. С. 15–30.

⁸ Ву Тхюи Чанг. Принцип баланса в отношениях с крупными странами во внешней политике СРВ. С. 41.

⁹ Нгием Туан Хунг, Ву Ван Ань. Место Вьетнама в стратегии США в период президентства Дональда Трампа. С. 58.

¹⁰ См.: Чань Тхи Кхань Ха. Внешняя политика Вьетнама и всеобъемлющее стратегическое партнерство между Вьетнамом и Россией. С. 54–55; Ву Тхюи Чанг. Цит. соч. С. 37, 41–43; Нгием Туан Хунг, Ву Ван Ань. Цит. соч. С. 67.

рыночных реформ и многовекторной внешней политики, вынуждены отмечать, что сдвиги последних лет, изменяющие ситуацию в восточноазиатском регионе и на глобальном уровне, создают не слишком благоприятные перспективы.

Завершая свой обзор и сожалея, что его объем не позволяет уделить подобающее внимание многим статьям, вошедшим в сборник, но не упомянутым здесь, выражаю надежду, что это ещё сделают другие рецензенты. Книга, столь очевидно приближающая нас к более глубокому и объективному пониманию того, что происходило и происходит во Вьетнаме, с Вьетнамом и вокруг него, вполне заслуживает этого.

Список литературы

Колотов В.Н. Стратегия развития Вьетнама в документах XIII съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. №1. С. 30–51.

Локишин Г.М. Идеологические проблемы КПВ в фокусе XIII съезда партии // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. №2. С. 25–44.

Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. 376 с.

Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven – London: Yale University Press, 1968. 488 p.

Автор:

Сумский Виктор Владимирович, д. и. н., ведущий эксперт, Центр АСЕАН МГИМО МИД России. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

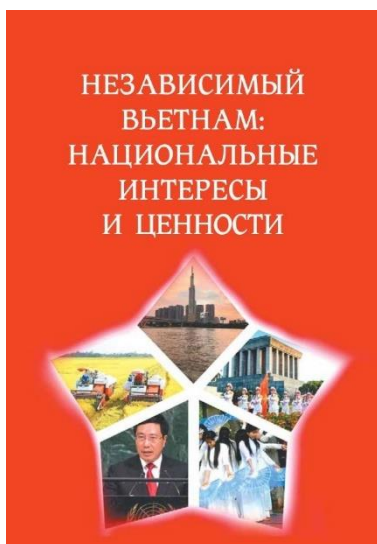
Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.08.2021

Принята к печати: 05.09.2021

V.V. Sumsky

VIETNAM OF THE 2020s: AT THE PEAK OF SUCCESS AND THINKING OF THE FUTURE

Nezavisimyj V'etnam: nacional'nye interesy i cennosti [Independent Vietnam: National Interests and Values]. Moscow: IFES RAS, 2021. 416 p. ISBN 978-5-8318-0386-4

Abstract. This is a review of the collection of articles, published by the RAS Institute for Far Eastern Studies, after the transactions of the conference timed to the 75th anniversary of the August Revolution in Vietnam. The authors are Russian and Vietnamese researchers, specialists in various academic disciplines, attempt to make a comprehensive analysis of Vietnam's history since the mid-20th century to the present. Significant attention is paid to changes taking place in the economy, social sphere and relationships with the world outside.

The review analyses and compares positions of historians, political scientists and economists on both sides, who have addressed these relevant subjects.

Keywords: revolution in Vietnam, results of the Renovation course, socialism with a Vietnamese face, peripheral capitalism, multivectoral foreign policy, balancing between major powers

For citation: Sumsky V.V. (2021). Vietnam of the 2020s: At the Peak of Success and Thinking of the Future. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 168–176.

The 75th Anniversary of the August Revolution, that launched the construction of independent statehood in Vietnam, was the reason to hold the international online conference (October 2020) with the participation of a representative group of Russian and Vietnamese historians, political scientists, economists, specialists in culture and religion, philologists and linguists. The transactions of the conference were published in the collection volume entitled “Independent Vietnam: National Interests and Values”.

The authors and the wide scope of their academic interests testify to the joint attempt to comprehend in multidisciplinary approach the historical way of Vietnam from the mid-20th century to the present.

If this was the plan of the edition, has it been accomplished? Yes, it has, partially. At least, the book contains a block of interesting articles devoted to the August Revolution, which clearly confirms that the researches of this crucial event in the history of Vietnam do not lose either its acuteness, or relevance, or creativity¹. Also, attention has been paid to such subjects as discussion on

¹ See: Lokshin G.M. *The August Revolution of 1945 in Vietnam: the uncut history*. P. 188–204; Tran Thi Minh Tuyet. *Humanistic nature of the August Revolution of 1945 in Vietnam*. P. 205–215; Kolotov V.N. *The impact of Sun Tzu's treatise on the strategy of August Revolution of 1945 in Vietnam*. P. 216–229.

the essence of the First and Second Indochina Wars, comparative traits of social and economic processes in North and South Vietnam in the period before their merging, etc.²

Yet, first and foremost, this book deals with what and where the country (in its inner life and in its relationships with the world outside) comes today. Also, the book discusses its perspectives, taking into consideration new problems and challenges emerging before the Socialist Republic of Vietnam.

The results of the Renovation policy (Doi Moi), i.e., the policy of economic modernization and transition to a market economy, proclaimed by the SRV Party and Government leadership in the mid-1980s, evidence clearly the nation's abilities and an unprecedented leap forward they have performed in such a short (historically) time. From 1996 to 2019, there was fixed the tenfold GDP growth and the eightfold income growth per capita in Vietnam. The new dynamism is transforming Vietnam, not so long ago included in the group of 25 poorest countries of the world by the UN experts, into one of the global economic growth leaders. "Doi Moi" efficiency is phenomenal, and there are no disagreements on this item between Russian and Vietnamese authors.

These reforms are positively estimated by Ye.V. Kobelev, the oldest historian-Vietnamist in Russia, who has contributed in practice to strengthening relationships between our countries. He has finished his article with the statement that the combination of "the Socialism with a Vietnamese face" and the Communist Party course toward "the maintenance of the former political system as a whole" works efficiently. He is sure, that stabilizing the country in the regime of dynamic economic growth, supplemented with "multivectoral foreign policy aiming to accelerated integration of the country into the world community both economically and politically", this course will be successfully continued³.

Also, V.M. Mazyrin, an authoritative specialist, head of the RAS IFES Center for Vietnam and ASEAN Studies, points to the fact that market reforms have pulled the SRV economy out of a long dive quickly and in time, thus, bringing the country's situation into a healthy state. However, being the first of Russian researchers, who has compared economic systems of the DRV and RV in the 1950/1970s and has designated focal points of the transformation in the Renovation period, he has concluded: due to the situation in Vietnam and a sudden change in the world at the end of the 20th century the SRV leaders had no alternative but "to transfer the market model from South into North"⁴. Now, not socialist (as it was before the reforms) but capitalist structure prevails in the diversified (so far) economy. And he considers it to be the chief result of this maneuver. At the same time, V.M. Mazyrin writes that "capitalism in the SRV acquires the features of a peripheral capitalism. It means that its economy is working for the most developed countries, supplying them with raw materials, ready-made production, cheap labor, while lagging in its technological development"⁵.

² Larin V.P. *The nature of two Indochina's wars in XX century in the focus of new scientific approaches and assessments*. P. 230–241; Mazyrin V.M. *Two systems, two development paths of Vietnam's economy*. P. 131–148.

³ Kobelev Ye.V. *Key success factors of the August Revolution and the reconstruction of the country*. P. 178–187.

⁴ Mazyrin V.M. *Op. cit.* P. 145.

⁵ *Ibid.* P. 146. Many V.M. Mazyrin's theses are confirmed in the article by E.S. Burova, dealing with both significant successes and growing problems in Vietnam's agricultural sector. It is noteworthy, that Trinh Thanh Vinh (The Institute of European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences), considering the technological renovation of the SRV agriculture as a condition to increase its competitiveness at the world market, did not argue but supplemented E.S. Burova's analysis. See: Burova E.S. *Vietnam's agriculture at a critical juncture: achievements, challenges and prospects*. P. 100–115; Trinh Thanh Vinh. *High-tech agriculture development in Vietnam in the context of international integration*. P. 116–130.

As a *peripheral capitalism is on the decline and dependent, by definition*, it puts difficult questions: how can its development with all its defects affect if not “the socialism with a Vietnamese face”, then the growth rates, the stability of domestic policy, which has not been seriously shaken yet, and in the end Vietnam as an independent state.

But, perhaps, these questions are premature. And are they pertinent? One could rather say that they should have been asked much earlier. In January and February 2021, when this volume was in the process of preparing for printing, the 13th Congress of the CPV was being held in Hanoi. The participants in the Congress, as they used to do at several former Party forums of such a level, expressed their concern with such processes like social and income inequalities, the growing inequality between rich and poor, the spread of corruption. They spoke of the signs of the ideological and moral degeneration of the party and governmental elite, of their linking with oligarchs, representatives of the private business [Kolotov. 2021: 32–33, 38–39; Lokshin 2021: 27–28].

It is significant that for a long time such phenomena have been clearly seen in the neighboring countries (proudly called “The Four Asian Tigers”), which long ago left Vietnam behind in the matters of accelerated modernization, but now Vietnam is on a nearly equal footing with them.

This is no coincidence. As far as in 1968 (when, by the way, the escalation of the American aggression in Indochina was approaching its culmination, and every day the US Air Force tried to “to bomb Viet Nam into Stone Age”) Harvard professor Samuel Huntington gave a detailed justification of *the thesis on destabilizing influence of modernization* on the society, where it is taking shape⁶ [Huntington 1968]. This influence meant quick shaking of the former morality, lagging making of new values, the waking of too ambitious expectations which never came true, protest moods, initiated with mass corruption, more than natural in conditions of the pursuit of commercial gain.

Will the reader detect any clear or identical thoughts in the articles by Vietnamese authors of this volume? I cannot give a laconic and categorical answer to this question. But surely, they have their concerns about the further development of the reforms. I believe, their professional (and, if you like, ideological and political) self-determination are connected with a difficult dilemma. On the one hand, they cannot suppose (this is beyond them) that such a successful experiment, as “Doi Moi” course could be cut short due to something. On the other, one cannot disregard the fact that Vietnam and the outside world have changed beyond recognition for thirty years and more. And not always these were changes for the better. And one must acknowledge that there are no political or economic course relevant forever in its invariability. The whole set of “pro” and “contra”, inspired with these mutually exclusive messages has literally woven the article entitled *The challenges faced by Vietnam’s international integration SRV*. The authors are Le Lena and Hoang Khac Nam (International Studies Faculty of Vietnam National University, Hanoi)⁷. I would like to suggest that everybody, who is interested to know the mentality of the current Vietnamese intellectuals, should read attentively and think over this text, as well as other articles of the part on foreign policy. They are mostly written by Vietnamese authors and are also sealed with deep ambiguity.

Addressing reasons, which make the SRV keep to the so called “multivectoral policy” and “balancing between major powers”, they virtually state, that there was no and there is no alternative to this, but immediately, as if in an undertone, they add: the situation both in the world and in the region leaves less space for such maneuvers, as time goes on. The final conclusion is that all the choices come to the only question: to be a partner of the US or of China?

⁶ See: Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven – London, Yale University Press, 1968, 488 p.

⁷ Le Lena, Hoang Khac Nam. *The challenges faced by Vietnam’s international integration SRV*. P. 15–30.

Vu Thuy Trang (Institute of European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences) is trying “to balance”, stating that “in the hierarchy of the SRV relations with major countries, the links with the US are the most complicated and important from the point of view of advantages and hardships”⁸, while Nghiêm Tuan Hung (Institute of World Economy and Politics VASS) and Vu Van Anh (International Studies Faculty VNU, Hanoi) are satisfied: “Vietnam is the important link in the American net of regional partnerships, and the US wish to widen them. Also, Vietnam is the US chief security partner in Southeast Asia, following usual allies, such as Philippines, Thailand and Singapore”⁹.

To crown it all, trying to become good friends with the US in order to compensate difficulties in relations with China, Vietnam finds itself not to be free in its relations with Russia, which is under sanctions of the West and at the same time strengthens its strategic partnership with China. These facts can be found on the pages of the reviewed volume¹⁰.

Finishing my review, I feel sorry, that its size does not allow to pay sufficient attention to numerous articles of the collection that have not been mentioned here. But I hope that other reviewers will perform this task. The book leading us to a deeper and more objective comprehension of what had happened and is happening in Vietnam, to Vietnam and around it deserves being reviewed.

References

Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven – London: Yale University Press. 488 p.

Kolotov V.N. (2021) The development strategy of Vietnam in the documents of the 13th Congress of the CPV. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, Series 2, 1: 32–33, 38–39.

Lokshin G.M. (2021) The CPV ideological problems in the focus of the 13th CPV Congress. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, Series 2, 2: 27–28.

Nezavisimyj V'etnam: nacional'nye interesy i cennosti [Independent Vietnam: National Interests and Values]. M.: IFES RAS. 416 p.

Author:

Sumsky Victor V., D.Sc. (History), Leading Expert, ASEAN Centre, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA RF. ORCID: 0000-0003-3757-8327. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

Article history:

Received: August 20, 2021

Accepted: September 05, 2021

⁸ Vu Thuy Trang. *Balancing relationship with major countries in Vietnam's modern foreign policy*. P. 41.

⁹ Nghiêm Tuan Hung, Vu Van Anh. *Vietnam in the U.S. strategies during Donald Trump's presidency*. P. 58.

¹⁰ See: Tran Thi Khanh Ha. *The comprehensive strategic partnership with Russia in Vietnam's foreign policy*. P. 54–55; Vu Thuy Trang. *Op. cit.*, p. 37, 41–43; Nghiêm Tuan Hung, Vu Van Anh. *Op. cit.*, p. 67.

DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-177-183

Е.И. Тюменева
ПЕРЕВЕСТИ МОЖНО ВСЁ!

И.В. Бритов, Нгуен Тхи Хай Тяу. Как понять язык потомков дракона. Перевод вьетнамских художественных текстов на русский язык: теория и практика. Учебное пособие для студентов-вьетнамистов. М.: Р.Валент, 2021. 304 с. ISBN 978-5-93439-618-4

Аннотация. В рецензии представлен подробный разбор вышедшего недавно учебного пособия по переводу вьетнамских художественных текстов «Как понять язык потомков дракона». Отмечается, что это первое и пока единственное полное исследование теории и практики перевода литературных произведений с вьетнамского языка на русский. В книге дается богатый страноведческий материал, позволяющий представить вьетнамскую картину мира. Все теоретические положения иллюстрированы примерами из классических и современных произведений вьетнамской литературы. Книга написана увлекательным языком, с хорошим чувством юмора, она будет интересна не только студентам, изучающим вьетнамский язык, но и всем, кто интересуется Вьетнамом и его богатой культурой.

Ключевые слова: вьетнамский язык, художественный перевод, страноведение, инь-ян, проза, поэзия

Для цитирования: Тюменева Е.И. Перевести можно всё! // *Вьетнамские исследования*, сер. 2. 2021. № 3. С. 177–183.

В издательстве «Р.Валент» вышла книга И.В.Бритова и Нгуен Тхи Хай Тяу «Как понять язык потомков дракона. Перевод вьетнамских художественных текстов на русский язык: теория и практика». В подзаголовке эта книга названа учебным пособием. Это значит, что по ней могут постигать азы художественного перевода студенты-вьетнамисты. Но мы вслед за авторами заметим, что это пособие будет интересно и полезно не только тем, кто уже знает или только начал изучать вьетнамский язык, но и тем, кто интересуется Вьетнамом, или тем, кого привлекает художественная проза и поэзия.

Несколько слов об авторах. И.В.Бритов изучал вьетнамский язык в МГИМО, а затем вся его профессиональная деятельность была связана с Вьетнамом. Около 30 лет он работал журналистом во вьетнамском отделе радио «Голос России», а затем перешёл на преподавательскую работу. Вот уже более десяти лет Игорь Викторович занимается переводом вьетнамской художественной литературы на русский язык. В 2011 г. ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». За вклад в развитие информационного и культурного сотрудничества между Россией и Вьетнамом по решению президента СРВ награждён вьетнамской медалью Дружбы. В настоящее время работает в НИУ «Высшая школа экономики», где преподаёт вьетнамский язык и литературу

Вьетнама. Нгуен Тхи Хай Тяу окончила Кишиневский государственный университет, кандидатскую диссертацию защитила в Институте государства и права при АН РФ. Уже много лет живет в Москве, в совершенстве владеет русским языком. Почти десять лет занимается преподавательской деятельностью. Ранее преподавала вьетнамский язык в РГГУ, а в настоящее время работает в НИУ «Высшая школа экономики», где также ведёт занятия по вьетнамскому языку. Блестящий знаток вьетнамской литературы, она передаёт свой опыт и знания студентам, обучая их мастерству перевода на русский язык вьетнамских текстов, в том числе художественных произведений.

И.В. Бритов и Нгуен Тхи Хай Тяу написали пособие, в котором много новаторского и необычного. Уже само название привлекает внимание и заставляет задуматься, кто же такие потомки дракона? Хочется немедленно взять в руки эту книгу и поискать на её страницах ответ на этот интригующий вопрос. Пособие состоит не из привычных уроков, а из глав, названия которых также привлекают внимание парадоксальными формулировками: «Лингвистические лабиринты и выходы из них», «Фразеологизм – изюминка языка или твёрдый орешек?», «Прямая речь и её кривые повороты», «По законам гармонии инь и ян» и др. Оригинально и точно подобраны и эпиграфы к каждой главе. Эпиграфом к главе «Лингвистические лабиринты и выходы из них» взята строка *«Чужой язык – потёмки, но можно подсветить»*. Глава, в которой речь идёт о вьетнамской системе мер, денег и времени, предваряется таким высказыванием: *«Время – деньги, но важно знать, о какой валюте идёт речь»*. Говоря о переплетении стилей, авторы замечают: *«Пусть рот кривой – надо, чтобы слова были правильные»*. Эпиграфом к 13-й главе взяты слова Конфуция: *«Любовь – начало и конец нашего существования. Без любви нет жизни. Поэтому-то любовь есть то, перед чем преклоняется мудрый человек»*. К 14-й главе авторы подобрали высказывание А.Ф. Лосева: *«Пространство не есть пустая и чёрная дыра, оно везде разное, везде имеет, так сказать, свою специфическую физиономию»*. Используются и остроумные слова современных авторов: к главе о скрытом цитировании в качестве эпиграфа мы видим фразу Сергея Минаева: *«Воруют бездарности, гении заимствуют»*. Формат рецензии не позволяет привести многочисленные удачные заголовки и эпиграфы, но, поверьте, чувство юмора, эрудиция, неформальный подход к изложению сложного материала, присутствующие в каждой главе, выгодно отличают это учебное пособие от множества других учебников, посвящённых проблемам перевода.

Учебное пособие по художественному переводу – первое и пока единственное такое полное исследование теории и практики перевода литературных произведений с вьетнамского языка на русский. Оно включает в себя 18 глав, каждая из которых посвящена определённой теме. Девизом пособия может стать название 9-й главы «Перевести можно всё!» Но как нелегко это сделать! Нужно многое знать, многому научиться, многое суметь. Путь к хорошему переводу тернист, и начинается он со знакомства с первыми переводчиками вьетнамской прозы и поэзии на русский язык. Отдавая дань первопроходцам, авторы отмечают, что они часто творили по вдохновению. А теперь необходимо подкреплять вдохновение новейшими теоретическими разработками.

Каждая из 18 глав пособия посвящена конкретной переводческой теме, раскрытой в доступной форме без лишнего теоретизирования. Читатель знакомится с проблемами единства уровней перевода (лингвистического, звуко-символического, культурологического); узнаёт современные подходы к понятию «точность»; учится передавать на русском языке вьетнамские местоимения, имена собственные, реалии, задумывается над эквивалентами

идиоматических выражений и каламбуров; ищет в тексте оригинала интертекстуальные отсылки.

Много внимания уделено особенностям вьетнамского языка как изолирующего, а значит речь идёт об отборе грамматических возможностей при переводе. Очень сложно, например, научиться определять границы слова, состоящего из отдельных неизменяемых морфем. Тем более что эти границы могут меняться в зависимости от контекста. Серьёзной проблемой является омонимия и многозначность вьетнамских слов.

Несомненной удачей авторов является обращение к законам гармонии инь и ян. Это относительно новое направление в изучении вьетнамского языка, который в течение долгого времени рассматривался с европоцентристских позиций. Гармония тёмного и светлого, пассивного и активного, женского и мужского – это своего рода ментальная реальность, которая многомерно раскрывает содержание языка. Переводчику недостаточно просто выучить иностранный язык, то есть выучить слова и набор грамматических правил. Ему необходимо проникнуть в культуру (в самом широком смысле слова) народа, говорящего на этом языке. А в культуре вьетнамцев единство инь и ян имеет глубокие корни. И если переводчик по незнанию или сознательно будет игнорировать эту особенность вьетнамского мировосприятия, перевод получится ущербным, неполным, искаженным.

И.В.Бритов и Нгуен Тхи Хай Тяу в каждой главе пособия так или иначе затрагивают проблему несовпадения языковой картины мира у носителей разных языков и предлагают свои пути преодоления переводческих трудностей. Каждый народ вкладывает в слова свои понятия, а переводчику необходимо выявить, какая реальность скрыта за конкретным словом. Для решения этой задачи необходимы культурологические знания. Это прежде всего обычаи и запреты. Читатель узнает о таких удивительных обычаях вьетнамцев, как обычай жевать бетель и чернить зубы, наносить татуировки и перезахоранивать умерших, о табуировании имён и особенностях национальной кухни. На примерах конкретных переводов показана важность этих знаний для адекватной передачи смыслов.

Для переводчика не бывает мелочей, необходимо разбираться во всех мельчайших подробностях повседневной жизни вьетнамцев. В 10-й главе, которая называется «Что показывают весы, ценники и часы во Вьетнаме», авторы продолжают тему особенностей перевода реалий, отмечая, что небрежное отношение к этим понятиям может привести к искажению исторической правды и введению читателей в заблуждение. В главе 14 «Как не заблудиться в трёх пальмах» речь идёт о гипотипосисе, то есть описании пространства, его структуры и организации в литературном тексте. Необходимо создать с помощью языковых средств зримую для читателя картину места действия. Для этого надо иметь воображение, хорошо ориентироваться в пространстве, разбираться в особенностях пространственного мышления вьетнамцев, уметь видеть и считывать лексико-грамматические подсказки с вьетнамского языка, обладать глубокими фоновыми знаниями о бытовой культуре и географии Вьетнама.

Отдельная глава посвящена особенностям перевода поэтических произведений. Для вьетнамиста это в основном работа над подстрочником, который он выполняет для профессионального поэта. Авторы рекомендуют начинать работу с сюжетно-содержательного анализа, затем переходить на лексико-стилистический и фонетический уровни. Вьетнамский язык тональный, в нём шесть тонов, играющих смыслоразличительную роль. Красота вьетнамского стихосложения проявляется в гармоничном сочетании разных по высоте и мелодичности тонов. Поэтому фонетический анализ для перевода вьетнамской поэзии

исключительно важен. Без художественно-структурного анализа поэтического текста также невозможно обойтись. Описана в пособии и вьетнамская рифма, и особенности рифмовки. Приводя примеры удачных переводов на русский язык стихов вьетнамских поэтов, авторы приходят к выводу: когда научные приёмы сочетаются с талантом, вдохновением и чутьём, из-под пера переводчика выходят произведения, достойные оригинала.

Во всех главах учебного пособия есть необходимое количество иллюстративного материала: отрывков из литературных произведений разных эпох и их переводов на русский язык. И сразу становится ясно, что авторы рассуждают, дают советы и делают научные выводы не на пустом месте. Отобраны и изучены рассказы, повести и романы, раскрывающие жизнь вьетнамцев как в прошлом, так и в наши дни. Цитируемые авторы и их произведения широко известны и любимы вьетнамцами. Выбранные отрывки репрезентативны и отражают те переводческие трудности, о которых идёт речь в каждой конкретной главе. После каждой главы следуют задания для закрепления материала и упражнения для перевода. Помимо традиционных переводов в этой части пособия содержится значительное количество творческих заданий: как вы понимаете конкретное высказывание писателя или его персонажа; подберите имена-символы для Вьетнама; определите, каким образом идентифицировать героиню в русском переводе; подберите русские аналоги вьетнамским фразеологизмам с определённым компонентным составом и др. С такими заданиями непросто справиться даже отличнику. Тем интереснее и увлекательнее будет учебный процесс, тем больше пользы принесёт учащимся выполнение этих заданий.

И.В. Бритов и Нгуен Тхи Хай Тяу изучили и творчески применили в своей работе исследования авторов, высказывавшихся по проблемам художественного перевода. В списке литературы мы видим таких корифеев, как С.Г. Тер-Минасова, Н.И. Никулин, Т.Н. Филимонова, разработчика теории иньяновой грамматики Чан Ван Ко, последние работы С.И. Влахова и С.П. Флорина. Книга получилась содержательной, яркой, интересной и полезной для всех любителей словесности. Читайте и помните, что перевести можно всё!

Автор:

Тюменева Елена Ивановна, к. и. н., профессор кафедры восточных языков Высших курсов иностранных языков МИД России. ORCID: 0000-0002-7471-7595. E-mail: lien805nro@gmail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 17.07.2021

Принята к печати: 02.08.2021

E.I. Tyumeneva

YOU CAN TRANSLATE EVERYTHING!

I.V. Britov, Nguyen Thi Hai Chau. Kak ponyat' yazyk potomkov drakona. Perevod v'etnamskih hudozhestvennyh tekstov na russkij yazyk: teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya studentov-v'etnamistov [How to Understand the Dragon's Descendants' Language. General Principles and Peculiarities of Translation Vietnamese Fiction into Russian: Theory and Practice. Training Manual for Vietnamese Students]. M.: R.Valent, 2021. 304 p. ISBN 978-5-93439-618-4

Abstract. The review provides a detailed analysis of the recently published manual on the translation of Vietnamese art texts “How to Understand the Dragon’s Descendants’ Language.” It is noted that this is the first and so far the only complete study of the theory and practice of translating literary works from Vietnamese into

Russian. The book provides a rich regional geography material that allows you to present the Vietnamese picture of the world. All theoretical positions are illustrated with examples from classical and contemporary works of Vietnamese literature. The book is written in a fascinating language, with a good sense of humor, it will be of interest not only to students studying the Vietnamese language, but also to everyone who is interested in Vietnam and its rich culture.

Keywords: Vietnamese language, literary translation, regional studies, yin-yang, prose, poetry.

For citation: Tyumeneva E.I. (2021). You Can Translate Everything!. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 177–183.

“R.Valent” Publishing House has published the book “How to Understand the Dragon’s Descendants’ Language. General Principles and Peculiarities of Translation Vietnamese Fiction into Russian: Theory and Practice” by I.V. Britov and Nguyen Thi Hai Chau. In its sub-title the book is called a training manual. i.e., it can help Vietnamist students to comprehend gradually principles of literary translation from Vietnamese into Russian. But following the authors, it should be noticed that this manual is useful and of interest not only for those who either has already gained required language skills, or has just begun to learn Vietnamese, but also for those who are interested in Vietnam or who are fond of literary prose and poetry.

Some information on the authors. I.V. Britov learned Vietnamese in MGIMO. Nearly 30 years he worked as a journalist in the “Voice of Russia” Vietnamese department. Then he became a teacher. Since more than ten years Igor Britov has been making Russian translations of Vietnamese fiction. Nguyen Thi Hai Chau graduated from the State University of Moldova. Her doctor dissertation she defended in the RAS Institute of State and Law. For many years she has been living in Moscow, teaching nearly ten years.

I.V. Britov and Nguyen Thi Hai Chau have written an innovative and unusual manual. Its very title is attracting attention and making to guess, who the Dragon’s descendants are. One wishes to open this book immediately and to find the answer to this intriguing question. The manual comprises not usual lessons, but chapters attracting with their paradoxical titles. To mention just a few:

“Linguistical mazes and the ways out of them”, “Is phraseology a flavor or a toughie of the language?”, “The direct speech and its curve turns” etc. The epigraphs to every chapter are original and precise. The review format does not allow to give numerous successful titles and epigraphs, but, believe me, the sense of humor, erudition, original approach to complicated material, present in every chapter favorably distinguish this manual from numerous other manuals referred to problems of translation.

The manual on literary translation is the first and (so far) the only complete study of theory and practice of fiction from Vietnamese into Russian. It comprises 18 chapters. Each of them deals with a special theme. The manual’s motto can be the title of chapter 9: “You can translate everything!” But what a difficult task it is! One should know much, learn much, be able to do much. The way to a good translation is rocky. It begins with the acquaintance with the first translators of Vietnamese prose and poetry into Russian. Appreciating the pioneers, the authors mention that they used to create through inspiration. But now one must support the inspiration with the newest theoretical developments.

Each of the 18 chapters deals with a special aspect of translation, which has been developed in a simple form, without any detailed theorizing. The reader becomes acquainted with problems of the unity of translation levels (linguistic, phonetic and symbolic, culture ones); with current approaches to the “precision” concept; learns to translate Vietnamese pronouns, proper names, and realities into Russian, thinks over the equivalents of idioms and puns; seeks inter-textual references in the original. Much attention is paid to Vietnamese as an isolating language, i.e., it means the choice of grammar variants by a translator.

The authors’ obvious success is their address to the principles of yin and yang harmony. This is a relatively new direction in the research of the Vietnamese language, which for a long time has been investigated from the Eurocentric standpoint. The harmony of dark and light, passive and active, feminine and masculine is a kind of mental reality, which reveals the language’s multi-dimensional nature. It is not sufficient for the translator just to learn a foreign language’s words and a set of grammar rules. It is necessary for him to penetrate into the culture (in the widest sense of the word) of the people speaking this language. And the unity of yin and yang has deep roots in Vietnamese culture. If the translator consciously or unconsciously ignores this feature of the Vietnamese worldview, the translation will be inadequate, defective and perverted.

I.V. Britov and Nguyen Thi Chau touch the problem of the differences of linguistic world image in different languages and offered their own ways to overcome these difficulties in translations. Every people put its own concepts into the words, and the translator needs to find the reality behind the concrete word. To solve this task, one should possess knowledge of culture. The reader will know such strange customs of the Vietnamese like to chew betel and to blacken teeth, to make tattoos and re-bury their dead, to taboo names, as well as he will know the subtleties of the Vietnamese cuisine. The samples of concrete translations will show the importance of this knowledge for the adequate translation.

There are no trifles for the translator. He must know the smallest details of the Vietnamese everyday life. Chapter 10, “What show weights, price tags and clocks in Vietnam” continues the theme of realities’ translation, emphasizing that the negligence of these concepts may result in the corruption of historical truth and to mislead the reader. Chapter 14 “How not to get lost in the weeds” describes space (hypotyposis), its structure and its organization in a literary text.

A separate chapter deals with the translation of poetry. The Vietnamist usually works at the word for word translation, which he prepares for a professional poet. The authors advice to begin this

work with the analysis of the subject matter and then address to the lexical, stylistic and phonetical levels. Also, the manual describes the Vietnamese rhyme and how to rhyme. Giving examples of successful translation of Vietnamese poets' works into Russian, the authors conclude: when techniques are indissoluble from talent, inspiration and intuition, the translator creates works worthy of the original.

All the chapters of the manual comprise a necessary quantity of illustration, i.e., fragments of literary works of various epochs and their translations into Russian. It is clear that the authors, discussing, advising and concluding, do not come from nothing. They have chosen and researched stories and novels which show the life of the Vietnamese both in the past and nowadays. The cited writers and their works are widely known and loved by the Vietnamese. The chosen fragments are representative; they reflect difficulties for the translator discussed in every chapter. Each chapter is followed with tasks to repeat the material and the translation exercises. Besides traditional translations this part of the manual comprises a significant quantity of creative tasks: your reception of a writer's or a character's concrete saying; to choose names-symbols for Vietnam; to identify the heroine in the Russian translation etc. Such tasks are not easy even for an excellent student. The more interesting and fascinating the learning process is, the more useful are these tasks for the students.

In their work I.V. Britov and Nguyen Thi Chau studied and applied creatively the research works on the problems of literary translation. In the bibliography we see the names of such leading figures like S.G. Ter-Minasova, N.I. Nikulin, T.N. Filimonova, Tran Van Co who develops the theory of the Yin and Yang grammar, the recent works by S.I. Vlahov and S.P. Florin. The book is rich in its content, bright, interesting and useful for everybody who is fond of philology. Read it and remember that you can translate everything!

Author:

Tyumeneva Elena I., Ph.D. (History), Professor, Higher Foreign Language Courses of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: lien805nro@gmail.ru

Article history:

Received: July 17, 2021

Accepted: August 2, 2021

Научное издание

**ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕРИЯ 2. 2021, № 3**

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Иванова Н.И.

Дата публикации: 01.10.2021 г.

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>